

Владимир Делба

**АМРА,
ГАЛЕОН ЮНОСТИ МОЕЙ...**

Москва
Издательский дом «ПоРог»
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Д 29

*В оформлении переплета книги
использована картина художника Леварса Бутба*

Делба В.

Амра, галеон юности моей... — М.: Издательский дом «ПоРог», 2013. — 280 с.

ISBN 978-5-902377-47-4

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

© В. Делба, 2013
© А. Воуба, оформление переплета, 2013
© Издательский дом «ПоРог», 2013

От автора

Взяв в руки первую свою книжку, удивился знакомой фамилии автора. Потом понял, что автор — это я сам. Снова удивился, ибо работал над рукописью, не веря в воплощение идеи, задуманной как некое ностальгическое «корпоративное» мероприятие по «стенографированию» забавных историй из жизни родного города. Не более того.

Но удивился приятно.

С удовольствием дарил книги, радуясь, что избавился от обязанности садиться за письменный стол, обвязав на всякий случай голову влажным полотенцем. От необходимости шараханья по тоннелям и лабиринтам памяти, от додумывания сюжетов и составления фраз.

Выслушивал похвалы и нарекания, с театральной смущением «переводя стрелки» на друзей. Я, мол, что? Только записывал. А вообще-то это плод коллективного труда...

Не ведал, насколько глубоко проник в меня вирус известной болезни. Но, видимо, глубоко.

И вот перед вами вторая моя книга. Я очень серьезно отнесся к тому, как были приняты первая книга и отдельные, опубликованные в средствах массовой информации рассказы и эссе. И старался в дальнейшей работе учитывать оценку моего труда читателями и критиками. И благодарен всем за полученные рекомендации.

Первая книга, «Сухумский стереоскоп», увидела свет благодаря помощи друзей. И я с удовольствием озвучил их имена.

В случае с изданием второй книги многие из них строго-настрого запретили мне «раскрывать» их, чем создали для меня дополнительные, психологические, трудности.

Подумав над ситуацией, я решил вообще не называть никаких имен, чтобы никого нечаянно не обидеть. Их я храню в памяти и в своем сердце!

Дорогие мои, я очень ценю вашу дружбу
и участие... Вам, близким мне людям,
чью добрую энергетику я ощущаю постоянно,
моим друзьям и землякам,
я посвящаю эту книгу!

Воспоминания наши

С каждым прожитым годом, а в зрелом возрасте с каждым прожитым днем усиливается энергетическая, на уровне тонких материй, зависимость от прошлого, от памяти. Становится естественной, как и физическая зависимость человека от воздуха, еды, привычного питья «из кружки запотевшей», от ненавистных, но обязательных таблеток и порошков.

И все чаще и чаще испытываем мы необходимость погружения, «ухода» в воспоминания, в детство и юность наши в поисках убежища, в поисках справедливости, красоты и покоя.

Память наша, по сути, уникальнейший дар, ниспосланный свыше! В каких-то глубоко спрятанных, дальних архивах ее хранятся «видеоролики» прекрасного качества, пугающей стереоскопической достоверности, с мельчайшими деталями, звуками и запахами. Особенно много картинок из раннего детства.

При этом механизм памяти, частично или полностью, без колебаний начисто стирает «свежие» события, имена, даты. Двухнедельной, к примеру, или годичной давности. Не все, конечно, но многие. Очевидно не представляю-

щие никакой ценности для анналов вселенского Разума.

«Человеку свойственно идеализировать прошлое!»

Это — аксиома.

И понимаю я, что те самые архивные «видеоролики» подвергались при их «оцифровке» редактированию. Срезались острые углы, смягчалась тональность, подкрашивались и покрывались лаком изображения действующих лиц и антураж. Убирались ненужные слова, заменялись новыми, в оставшихся смещалось ударение, звуки переходили в иные регистры...

Это тоже одно из *великих* свойств человеческой памяти!

Нам сложно подавить в себе соблазн снова и снова сбегать от повседневной реальности в тайные эти хранилища.

Чтобы в полной тишине, достав из архива тот или иной «ролик», дрожа от нетерпения, вывести его на дисплей виртуального плеера. И с восторгом погрузиться на время в яркий, солнечный мир оживших картинок.

Странно, но всегда независимо от моих желаний память выводит на дисплей один и тот же сюжет. И при любой попытке выстроить некий логический, тематический ряд воспоминаний они предваряются в моем виртуальном просмо-

тре одним и тем же «роликом»! Он узурпирует мое право на свободный выбор, жестко указывая мне: «Я первый! Все детские воспоминания начинаются обязательно с меня, потом все остальные! И так будет всегда!» Он преследует меня.

Как наваждение.

Как навязываемая порой Интернетом реклама.

Как обязательная вводная картинка.

Как своего рода блок титров, предваряющий обычно показ кинофильмов.

Да и «ролик» этот ассоциируется в моей памяти с кино. С французским фильмом «Откройте, полиция». Был он и в советском прокате. Западные ленты в те годы нещадно «кромсали», подгоняя под идеологические и временные стандарты.

Фильм заканчивался на грустной ноте. Герой фильма, полицейский, ограбив вместе с коллегой наркодельцов, взял всю вину на себя.

Отсидев свой срок, брошенный и преданный близкими людьми, хмурым ранним утром выходит из тюрьмы. Улица пустынна, и герой, с печальными глазами, уходит в туман.

Ну и поделом ему, зажавшемуся буржуа, оборотню в форме. Хоть и играет его великий актер — обаятельный Филипп Нуаре.

Но возникает вопрос: а какой смысл в фильме с подобным концом?

На самом деле вырезанные советской цензурой завершающие фильм кадры сравнимы с мажорными музыкальными аккордами.

В отдалении слышен цокот копыт, и из рассеивающегося тумана появляется ажурный спортивный экипаж — так называемая «беговая качалка», — запряженный грациозным жеребцом. В экипаже улыбающиеся друзья, бывший коллега-полицейский и любимая женщина. Экипаж останавливается рядом с героем фильма.

— Ты мечтал о жеребце по имени Продажный? Он чемпион! И он — ТВОЙ!

И счастливые герои вместе под цокот копыт уезжают на экипаже, растворяясь в голубых клоузах утреннего тумана!

И что насчет ассоциаций?

Рассвет, цокот копыт, конный экипаж, утренний туман (правда, не голубой)!

По своему хронотипу я — Сова. И вставать рано для меня — и драма, и трагедия, и мука адская. Но в детстве, летом, иногда я через силу заставлял себя просыпаться на рассвете. Ибо именно на рассвете и случались чудеса!

Все, что происходило со мной в те редкие дни рассветной ирреальности, я называю полетами души!

В мире не так много посвященных, познавших высшие уровни искусства медитации, кому разрешено выводить душу за пределы брэнной,

порочной своей биологической оболочки. Но идут они к этим вершинам десятилетиями.

Не знаю, за какие заслуги получил такое право я, но в те знаковые, определенные кем-то редкие дни моя душа действительно отделялась от тела и самостоятельно жила во времени и в пространстве!

Летом спал я на открытой веранде. Там и происходило таинство выхода из оболочки, и оттуда же начинался маршрут полета.

Помню странное, необычное состояние первых минут пробуждения. Состояние, когда уже не спишь, но еще не бодрствуешь. И физически ощущаешь, как внутри тебя, внутри тела и сознания твоего, идет напряженная какая-то, целенаправленная работа, энергетическая мобилизация всех клеток организма, всех микроскопических частиц, всех атомов.

И через некоторое время ты медленно, как на невидимом, полностью прозрачном воздушном шаре, начинаешь движение вверх. С высоты видны часть веранды, огромная кровать, смятое постельное белье и спящий ребенок. Именно спящий, слегка посапывающий, с подрагивающими ресничками прикрытых глаз, со светлым шевелящимся пушком волос на загорелой коже.

А не бездыханное ненавистное тело, из которого стремится вырваться душа человека окон-

чательно и безвозвратно. Как в рассказах людей, побывавших в состоянии клинической смерти.

Потолок и крыша моему вознесению не преграда.

И вот парю я уже, не видимый никому, над домом удивительным нашим, над темно-красной кровлей его, над шпилями башен, над сквериком с декоративным фонтаном. И дом, и сквер видятся мне каким-то сказочным, игрушечным замком, макетом, созданным прекрасным мастером, ювелиром, со всеми мельчайшими архитектурными деталями, с неподвижными, непроснувшимися еще деревьями и кустами. Даже крохотная цапля в центре фонтана отчетливо видна в нарушение всех законов оптики. Видны перышки ее сложенных крыльев, видна зажатая клювом змея, видны даже мелкие листочки на деревьях.

Вообще, о каких законах физики можно вести речь в такое утро? Все смещено, все на грани реальности, а возможно и в другом измерении.

Что-то происходит и с воздухом. Он как будто спрессован, состоит из мельчайших осязаемых молекул и атомов, удивительно прозрачен, очертания удаленных предметов видятся в идеальном оптическом «разрешении». Как в стереокино.

Солнце еще не показалось, но почему-то рельеф контрастен, как будто Светило всюду раздаривает свои яркие лучи, «прорисовывая» тени. Все залито призрачным розовым светом. И эта розовая взвесь создает парадоксальное впечатление туманного утра при идеально прозрачном воздухе.

Забегая вперед, скажу, что и в жизни я был свидетелем такой вот розовой ирреальности. Всего один раз.

После банкета в честь окончания средней школы мы, бывшие школяры, а теперь взрослые свободные люди, пошли на рассвете гулять к морю.

Сидя на развалинах старой крепости, ждали восхода солнца. Помню, я смотрел в точку соприкосновения плотной серебристо-фиолетовой глади морской воды с легкой светло-розовой дымкой удивительно прозрачного воздуха, именно такого, как во время Полетов Души в детстве.

И где-то на линии горизонта, чуть выше с трудом угадываемой поверхности моря, в розовом тумане, как изображение на фотобумаге в момент проявки, стала возникать неясная картинка. Какие-то линии, темные и светлые, таких же розовых и фиолетовых тонов, как и общая цветовая гамма, создавали некий абстрактный, казалось, рисунок.

Через короткое время изображение перестало быть абстрактным и приобрело узнаваемые очертания.

Над отливающей серебром морской гладью в розовой дымке парили четко видимые... заснеженные горные вершины. Они были очень далекие, эти горы, но при этом, опять же в нарушение законов перспективы и оптики, идеально видимые, чуть ли не осязаемые физически. От ирреальности ощущения захватывало дух!

Конечно, думал я, после банкета, после выпитого вина, после бессонной ночи, на фоне переживаемых эмоций могут возникнуть галлюцинации, что-то вроде миража. Таких примеров полно. Жаль, что не смогу ни с кем поделиться пережитым. На смех ведь поднимут.

Оглянувшись, с изумлением посмотрел на своих друзей.

Все сидели, буквально открыв рты, уставившись округлившимися глазами в одну точку, в ту самую, куда секунду тому назад как зачарованный смотрел я.

— Турецкие горы. Я слышал об этом явлении. Оно бывает, но очень редко. Нам немислимо повезло! — произнес, очнувшись от наваждения, наш бывший уже однокашник Юра Курумли.

У ученых наверняка найдутся объяснения подобным чудесам. И слова они найдут под-

ходящие: интерференция, дифракция, абберация...

Но вряд ли все эти умные слова смогут испортить, «приземлить» задним числом то удивительное, чудесное состояние, пережитое нами, юными созданиями, в те счастливые предрасветные минуты розового летнего утра на обломках старой крепости, за порогом нашего детства.

Через несколько минут встало солнце. Турецкие горы исчезли. Навсегда.

Душа же моя продолжала парить над спящим городом. Удивительное, прекрасное чувство полета! У меня нет крыльев, нет рук и ног, ничего не мешает, ничего не болит, ничего не отвлекает. Я — невидимка! Я — пустота! Я — сгусток, поток энергии. Поразительно, но сохранились чувства: я все вижу, я слышу все звуки, причем на огромном расстоянии, я упиваюсь утренней мягкой свежестью воздуха, различаю пряные ароматы растений, запах йода, приносимый с моря легким ветерком. А если я понимаю, что чувствую, значит, я мыслю!

Сейчас игрушечный город внизу во власти тишины. И тем явственней слышен легкий всплеск воды в ботаническом саду, где в бассейнах растут диковинные лилии и кувшинки, виктория-регия. Всплеск как раз в бассейне. Крохотная лягушка спрыгнула с огромного кру-

глого листа кувшинки и спряталась под лилию. И снова все погружается в тишину.

Через несколько секунд возникает в отдалении легкий стрекочущий звук. Звук становится все громче и резко меняет свой тембр и окраску. Теперь он четко узнаваем. Так стучат только колеса поезда. Значит, из тоннеля наружу вырвался состав. Зев тоннеля закрывает гора, но почему-то мне он прекрасно виден, как видна и тенистая, вытянутая вдоль рельсов платформа железнодорожного павильона. Поезд пассажирский, и если он даже не замедлил хода и не остановился, значит, это поезд дальнего следования. У поездов местного значения остановка на платформе обязательна. Значит, стук колес затихнет, только когда поезд доберется до вокзала. Минут через пять.

Я наслаждаюсь полетом, воздух же вокруг неотвратимо светлеет. Скоро восход! Пора!

Не торопясь опускаюсь вниз и зависаю невидимым энергетическим сгустком над асфальтом. Низкая, как говорят архитекторы, линия горизонта придает особую сказочность, театральность всему, что меня окружает. Дома, кусты, деревья, фонарные столбы изменены искаженной перспективой, значительно увеличены зрительно и воспринимаются как авангардистские декорации театра абсурда.

Солнце встает. Лучи его мне здесь, внизу, не видны, но неумолимо окрашивают они в золоти-

стые тона розовую, предрассветную, воздушную взвесь.

Безраздельное царствие тишины.

Но я-то знаю, так будет не всегда. И я жду.

И вот он нарождается, этот удивительный звук. Ни с чем не сравнимый цокот копыт лошади-иноходца в спящем, притихшем перед началом нового дня розовом городе. Цокот нарастает, и есть в нем нечто магическое, захватывающее. Какая-то негромкая, но мажорная ритмичная мелодия, берущая в ласковый плен твое сознание.

И наконец из тумана выплывает циклопических размеров, но очень грациозный жеребец, запряженный в такой же огромный, но легкий, изящный двухколесный экипаж, что-то вроде брички.

Управляет бричкой, восседая высоко-высоко, в поднебесье, элегантно улыбающийся великан в белоснежном костюме, белых туфель и соломенной шляпе. Широкая голливудская улыбка на полном лице, аккуратные коротенькие усики и шляпа канотье делают его похожим на киногероев «трофейных» американских фильмов.

Загадочный экипаж приближается. С восторгом и ужасом отмечаю я: ни копыта иноходца, ни высокие, со спицами, колеса экипажа

поверхности асфальта не касаются, они проплывают над землей, надо мной и, как наваждение, как мираж, медленно удаляются, растворяясь в заполняющих все пространство вокруг, слепящих лучах Восходящего Солнца. И так же медленно замирает ритмичный цокот копыт.

Солнце уже уверенно командует небом спящего города. Скоро он начнет медленно, лениво, вальяжно просыпаться. И выйдет на прямые, как лучи, городские улицы целая армия подметальщиков. Выползут медлительные поливальные машины. Начнет подниматься над влажным асфальтом идеально отмытых улиц легкий, слегка заметный пар.

Заканчивается время моего полета. Пора возвращаться в привычную биологическую оболочку. Но, слава Создателю, никто не стирает из моей памяти увиденное и пережитое мною в рассветные часы летнего дня, с высоты «птичьего полета» и с линии «низкого горизонта».

Напротив — фантастическая, ожившая картинка эта, «ролик» тот самый, с иноходцем, бричкой и колоритным ее седоком, почему-то не только сохранится в моей памяти со всеми мельчайшими подробностями и нюансами, но не будет давать мне покоя и через много-много десятилетий. Пугая четкостью деталей, реаль-

ностью ощущаемых звуков, запахов и разбуженных эмоций.

Став неким кодом, паролем, произносимым при входе в запутанные лабиринты хранилищ памяти моей, без которых мне в доступе отказывают.

Почему именно эта??? Ответа нет!

Бричку эту я наблюдал, будучи ребенком, не только в редкие моменты полетов души. Видал ее не раз и в реальности. В те годы в городе было немало различного гужевого транспорта. Такой же элегантный экипаж был только один. А седоком был работник горисполкома, отвечающий как раз за чистоту города, некто Магаков.

Он и сам был человеком видным, элегантным, под стать своему транспорту. И иноходец его был грациозным и ухоженным. И выезжал г-н Магаков действительно на рассвете, как военачальник на рекогносцировку, предваряя выход на улицы коммунального своего воинства.

Про Магакова ходили легенды, связанные, насколько помню, с его любвеобильностью и различными — любовными, конечно, — приключениями. А поскольку он немного картавил, сухумские острословы любили, озвучивая те самые легенды, пародировать ставшие крылатыми некоторые его яркие фразы.

Увы, но к моим воспоминаниям это уже не имеет отношения.

Ну вот, обязательства свои я выполнил, «ролик» публике торжественно представлен и «прокручен». Чтобы двигаться дальше, нужно произнести, на всякий случай, как в старом анекдоте: «Скажи пароль!» — «Пароль!» — «Заходи!»

АМРА, ГАЛЕОН ЮНОСТИ МОЕЙ...

Исчезающий аромат осени, йода
и свежесваренного кофе «по-сухумски»

Солнечный круг, небо вокруг! Миллионы мальчишек, да и девчонок тоже, рисовали Главное наше Светило, и были те солнца на их рисунках и оранжевые, и белые, и красные. Ну а для Неба, я уверен, дети красок совсем не жалели, и искрились небеса на листках бумаги или на сером асфальте необычными сказочными цветами! Рисовал, конечно, Солнце в детстве и я.

Солнечный диск, а вернее, шар, о котором сейчас поведу речь, был зеркальным, сверкающим, с золотыми лучами. Украшал он, в компании шаловливых дельфинов, арку на фасаде ресторана «Амра». Собственно, слово АМРА переводится с абхазского языка именно так — СОЛНЦЕ!

Я начал с изображения солнца на фасаде ресторана, но ведь речь идет не о здании, да и не о ресторане, в конце концов, хотя ресторан и является обязательным элементом повествования, местом действия, сценой театра с конкретным набором необходимых декораций.

Ведь именно на этой «сцене» и зародилось уникальнейшее для советского периода истории явление, называемое и сейчас, спустя годы, в народе просто — АМРА!

Своего рода Клуб, а скорее, намоленный Храм творческих, образованных, равнодушных людей, безусловной интеллектуальной элиты города, нуждающихся в полноценном, свободном общении равных с равными.

Клуб, довольно скоро переросший в откровенную Фронду. Нет, эти люди не были диссидентами в классическом смысле этого слова, но уровень свободы суждений и темы дискуссий, аспекты их рассмотрения могли вызвать ужас у «законопослушных», придавленных системой горожан.

И удивительно, но власти, естественно осведомленные обо всем, вынуждены были терпеть в центре города, как говорится, у себя под носом, такое вот «осиное гнездо» инакомыслия.

Участником, членом Клуба я, к сожалению, не был, ибо к моменту его зарождения уже жил в Москве.

Эпоха АМРЫ блестяще описана нашими земляками: Надеждой Венедиктовой и Игорем Гельбахом. Надеюсь, что и мои экскурсы в Прошлое, связанные с «Амрой», будут кому-то интересны и немного дополнят воспоминания моих друзей, изложенные на бумаге либо просто рассказанные за чашечкой кофе в той же «Амре», я в конце концов решил взяться за перо!

Что-то о Клубе я знаю, был лично знаком со многими АМРИТЯНАМИ, связь с городом никогда не терял, даже живя вдалеке. И потом, незримые нити Паутины судеб людей и города так или иначе навсегда связали всех нас в тугой событийный и исторический узел. Когда пересекающиеся сюжетные линии наших воспоминаний, если и не связаны напрямую с заданной темой, помогают читателю погрузиться в то удивительное время, почувствовать его, уловить исчезающий аромат свежесваренного на террасе второго этажа ресторана «Амра» кофе по-сухумски. И пообщаться, хотя бы виртуально, с интересными, уникальными личностями.

Говорят, что люди, находящиеся в состоянии гипнотического транса, легко извлекают из глубин памяти четкие картинки былого. В моей же подкорке прекрасно сохранилось многое из моего раннего детства и юности, причем в прекрасном качестве «оцифрованного» материала, то есть в цвете, со звуком и даже запахами, и не нужен был мне никакой гипноз для того, чтобы включить «видеоплеер».

Проблема в том, что, путешествуя по закоулкам памяти, я порой путаюсь в хронологии событий, а моя личная «машина времени» не всег-

да тормозит там, где нужно мне. Тем не менее задействовать ее придется.

*

Здесь нужно вспомнить добрым словом человека, причастного к истории города, — М. Т. Бгажба.

Михаил Тимурович возглавил республику на волне кадровых изменений, проводимых Хрущевым. С генсеком его связывали близкие, почти приятельские отношения, что, безусловно, шло на пользу Абхазии.

В это время активизировалось жилищное и курортное строительство, уделялось особое внимание торговле, бытовому обслуживанию и общественному питанию.

Эти сухие фразы, как бы взятые из статистического справочника, помогают понять интересующий нас период сухумской истории, ибо именно по личной инициативе Бгажба тогда было построено несколько уникальных ресторанов, в том числе и «Амра».

Вытянутое по причалу белое здание с большими окнами, надстройкой и легкой террасой второго этажа, если и не было похоже впрямую на пришвартованный к пристани теплоход, то отлично вписалось в сложившуюся архитектурную реальность приморского города-курорта. Не работяги порта, а именно изысканного, вальяжного сибарита, допускающего к себе только нарядные круизные корабли, несущие на белоснежных бортах ощущение вечного Праздника.

Или в крайнем случае меньших братьев огромных лайнеров — местные прогулочные теплоходы, выкрашенные в такой же праздничный, искрящийся на солнце белый цвет.

Вспоминается забавное приключение, случившееся как-то раз с прогулочным кораблем, носившим имя народного мстителя Хаджарата Кяхба.

Чтобы завлечь народ на морские прогулки, буфеты прогулочных кораблей снабжали импортным, чешским или немецким, пивом. Учитывая, что местный напиток, называемый пивом, был из разряда «кто-то уже это пил», вечерами теплоходы собирали приличное количество «пивных пассажиров».

В тот злополучный день у экипажа «Хаджарата Кяхба» был выходной. Пришвартованный теплоход мирно постукивал бортом об автомобильные покрышки, висевшие на причале как раз для защиты судна, под присмотром дежурного матроса.

Днем на борт заявили гости: начальник снабжения порта с друзьями. С собой они привели корабельного буфетчика. А еще с собой у них была чача. А у буфетчика, понятное дело, ключи от кладовки с... ну, смелее. Вот именно, с импортным пивом.

Банкет явно удался, но требовалось продолжение! А что, если выйти в море? Но без экипажа

и капитана управлять судном невозможно. Щас! А что, матрос и буфетчик разве не морские волки? Что, им Черное море разве не по колено?

Теплоход без труда отшвартовался от причала и, набирая скорость, пошел вдоль берега моря в направлении поселка Дранда. Теплый соленый воздух ласково трепал шевелюры расположившихся на палубе, под тентом, гуляк. Выпивка, закуска, итальянская музыка из магнитофона, остроумные тосты... Для полного счастья не хватало только женского общества. Но и это было делом поправимым.

Недалеко от устья Маджарки, на берегу, была замечена и с помощью бинокля изучена группа купающихся женщин.

Судно лихо легло на левый борт и устремилось к берегу на полной скорости. И только в нескольких десятках метров от пляжа выяснилось, что ни матрос, ни буфетчик не знают, где у их дредноута тормоз и есть ли он вообще!

Под звуки неаполитанской песни белоснежный теплоход не без элегантности, как гордая черноморская чайка, вылетел на гребне волны на дикий полупустой пляж, не пляж даже, а просто песчаную косу, введя в шок тех самых купающихся женщин, проскользил по инерции по берегу и грациозно завалился на бок.

Если можно обойтись без ненормативной лексики, значит, надо обходиться. Так что убе-

рем из повествования слова, звучащие некоторое время над устьем реки.

Но мат, к сожалению, выхода из сложившейся ситуации не обеспечивал. Ее, ситуацию, без огласки и доклада начальству «разрулить» не представлялось возможным. Поэтому роль парламентаря-докладчика пришлось взять на себя начальнику отдела снабжения как старшему по должности.

Добравшись до города, он явился к начальнику порта и с заговорщицким видом попросил уделить ему час времени для очень важного дела, суть которого озвучить сразу не представляется возможным, ибо дело деликатнейшего свойства и не терпит предварительной огласки. Понадобится еще и личный катер начальника, пояснил «ходок». Удивленный чиновник посмотрел на часы и нажал кнопку селектора.

Через несколько минут скоростной катер подходил к устью реки.

Глаза начальника округлились при виде лежащего на боку красавца теплохода, но «экскурсовод» с важным и загадочным видом приложил к губам указательный палец.

И уже на берегу в полной тишине он обратился к ошарашенному руководителю в присутствии остальных участников «группы» и зевачителителей.

Торжественным тоном, крайне эмоционально, произнес фразу, ставшую потом легендарной:

«ПОСМОТРИТЕ, ШЕФ, КАК ОН КРАСИВО ЛЕЖИТ, СОВСЕМ КАК “ТИТАНИК”!»

Только вдумайтесь, пожалуйста, в мысль, в идею, в красоту ее изложения!

Что было потом, не так уж и важно. Знаю, что продолжал наш любитель изящной словесности и дальше трудиться на своей должности. Работа в снабжении предполагает наличие полезных связей на всех уровнях, зарабатываемых годами, и разрушать систему одним росчерком пера — нецелесообразно. И потом, ну не погиб же никто, слава богу!

*

В советские времена рестораны, как места встреч и общения людей, как воплощение философии гостеприимства и хлебосольства, были, безусловно, востребованы. А с учетом специфики национальной кухни финансово доступны.

«Амра» выигрешно отличалась от других увеселительных заведений: находилась в удобном месте, в центре города, как бы зависшая над морем, подчеркивая оригинальность архитектурной идеи, — совмещала в себе «прелести» хорошего ресторана на первом этаже с демократической открытой террасой второго уровня, называемой в народе верхотурой, либо верхней палубой, и быстро стала очень популярным в городе «объектом общественного питания».

И хотя второй этаж был вроде бы просто частью ресторана, на самом деле на двух уровнях расположились совершенно разные миры. По-

жалуй, первый и единственный ресторан в стране, где заказ чашки кофе не вызывал недоумения у официанта.

А еще и свежий игривый морской ветерок, обдувающий постоянно террасу, и потрясающей красоты вид, открывающийся сверху на береговую линию — что влево, что вправо, — и ленивое бормотание волн где-то далеко внизу...

Очень быстро прописалась на верхотуре «Амры» и стала своей, привычной, даже обязательной веселая, шептунная, любопытная и вечно голодная до знаний, новостей и общения разношерстная творческая братия. Студенты, актеры, художники, музыканты, молодые ученые...

Еще было далеко до Фронды, до АМРЫ Венедиктовой и Гельбаха. Но, вспоминая слова великого Булата, виноградная косточка в теплую землю была зарыта именно тогда.

*

Три моих друга, Рома Хахмигери, Менаш Ефремашвили с братом Эпиком, «заразили» меня вирусом неведомой болезни, имя которой ДЖАЗЗ. (Сознательно ставлю в конце слова две буквы З, как в английском, чтобы подчеркнуть значимость, исключительность явления, так увлекшего меня.)

И я серьезно «заболел».

Считается, что во времена Хрущева был период так называемой «оттепели», относи-

тельной свободы творчества. Это иллюзия, на мой взгляд. Просто Хрущев в своей ожесточенной битве с тенью покойника, своего предшественника, физически не мог сразу «занять все территории противника», в силу чего образовалось ВРЕМЕННОЕ окно, период, который изголодавшийся по нормальной жизни советский народ принял по наивности за смягчение идеологии, за некое подобие «человеческого лица» социалистической системы. Но власти быстро спохватились, и окошко захлопнулось.

У братьев Ефремашвили была уникальная по тем временам коллекция «фирменных» американских виниловых пластинок. И часто мы, друзья Менаша и Эпика, собирались в их уютном гостеприимном доме, чтобы слушать и обсуждать Великую эту Музыку. Кто-то привозил магнитофонные кассеты с записанными джазовыми концертами. И очень выручал радиоэфир.

Власти глушили всякие «вражеские голоса», но нас они не волновали. Радио Бейрута же, которое выпадало из списка вредных, баловало нас новинками западной эстрады в режиме хорошей слышимости, а каждую ночь, с нуля часов, в эфир выходил легендарный джазовый комментатор, обладатель уникальных знаний и не менее уникального бархатного голоса Уиллис Коновер с программой «Голоса Америки» «Время джаза». Это был час волшебства, час блаженства.

Джаз стал очень популярен в городе. В энергетическом «букете» АМРБ есть и джазовые оттенки. На террасе собирались любители джаза и профессиональные музыканты. Восторженные обмены мнениями переходили порой в ожесточенные споры, но заканчивались посиделки, как правило, попытками голосового озвучивания новых джазовых тем, своего рода джем-сейшенами а капелла.

Вечно теоретизирующий пианист Роланд Баланчивадзе, по прозвищу Куса, медлительный, ностальгирующий трубач Вахтанг Мгалоблишвили, доброжелательный, улыбчивый саксофонист Женя Землянский, всеобщий любимец Джумбер Беташвили, сдержанный, всегда изысканно одетый виолончелист Альбик Митичян с братом Рафиком, братья Миносян, Рома Хахмигери, постоянно отстукивающий пальцами замысловатые джазовые квадраты. Почти исчез из памяти образ тихого, стеснительного юноши, но сохранилась необычная, вызывающая улыбку фамилия — Чижик.

Для этих и некоторых других сухумчан джаз стал не просто увлечением, а жизненной философией, смыслом жизни.

В разное время вспоминаются на террасе музыканты и вокалисты популярных ансамблей: Юра Герия, Геннадий Бебия, Ардашин Авидзба, Людмила Гумба. Приходили студенты музучилища — два Володи, Полянский и Полиматиди, Лео Брозгул. Наведывались в перерывах между

гастролями эмоциональные подвижные танцоры прославленных республиканских коллективов.

И вперемешку с джазовыми мелодиями разносились с «Амры» с потоками пряного вечернего воздуха диковинные слова и выражения музыкального лабухского сленга и джазовые термины: «импровизация, синкопа, кода, джем-сейшен, бибоп, блюзовая тема, джаз-стаккато». Эти слова завораживали.

Помню подсмотренную сценку. Кто-то из музыкантов увлеченно рассказывает некую историю молодому парню. Фабулу я не помню, да она и не важна. А текст примерно такой: «Кочумай, чувак, базлаю тебе, не обижайся, вчера на жмура ходили, немного башлишками разжились, пошли поберлять, ну и потеряли тему, понимаешь, чувак?» Юноша, выслушав сию тираду, произнесенную на непонятном, тарабарском языке, с широко открытыми глазами, угадывая в конце ее знак вопроса, кивает головой и неуверенно произносит: «Понимаю, только не чувак я, дядя Юра, а Аршак, вы перепутали имя».

(Смысл текста можно было бы перевести на человеческий язык примерно так: «Брось, парень, не обижайся, говорю тебе, вчера играли на похоронах, заработали немного денег, зашли перекусить, ну и набрались».)

На «Амру», естественно, зазывали и редких гостей-джазменов. Редких, потому что джаз относился к искусству «буржуазному», а значит, опальному, и если власти и терпели джазовые

музыкальные коллективы на местах, то гастролирующих групп почти не было.

Как-то зимой в городе выступал эстрадный оркестр из Баку. Одно отделение было типично советским, а во втором был представлен, неожиданным для зрителей, классный джазовый квартет, мастерски исполнявший сложнейшие музыкальные темы.

Был теплый вечер, после концерта бакинцы вышли на променад, были «взяты на абордаж» и доставлены на верхотуру «Амры». Где испытали шок, обнаружив в сонном полупустом городе шумную компанию людей, так сильно любящих и отлично знающих джаз.

Просто разойтись было невозможно, нашлись ключи от ближайшего Дома культуры, где было пианино, гости сбегали за инструментами...

Только влюбленные в джаз и причастные хоть раз, хоть в качестве слушателей к спонтанно возникающим экспромтам знают, что такое джазовый джем-сейшен, на всю ночь, далеко не в тепличных условиях, но с мощнейшей, безумной творческой энергетикой, которая заряжает человека, кажется, до конца жизни.

Бродят в закоулках памяти отдельные имена и события тех лет, так или иначе причастные к музыке и к «Амре»: Сермакашев, Кребер, Голощекин, Рычков...

Тбилисский джазмен Гачечиладзе привозил москвича, джазового трубача, по имени

Андрей. Не исключено, что это был Товмасян. И конечно, не раз бывали здесь веселые и шумные музыканты любимого в Сухуми ансамбля «Иверия» Александра Базилая.

Так странно «легли звезды» для Министрства культуры СССР, но в 1966 году в Сухумской госфилармонии состоялся концерт великого американского джазового пианиста, композитора и оранжировщика Эрла-«Папы» Хайнца. Один из лучших джазовых коллективов Америки, с музыкантами высочайшего класса, с потрясающей вокалисткой Клеей Брэдфорд!!! Никто, ни в каком сне не смог бы представить такого!

Тем летом в городе отдыхало много друзей, представителей особой «касты» москвичей и питерцев, «штатников», или «стейтцев», как их шутя называли.

Эти молодые образованные люди, как правило из весьма культурных семей, были помещаны на всем американском. В одежде предпочитали университетский стиль «Айви-Лиг»¹; рубашки с пуговицами на воротниках, массивные туфли (шুзы с «разговорами») «Инспектор», очки в металлической оправе, с обязательной дужкой — «Маккарти». Они прекрасно владели английским и имели доступ к закрытым

¹ «Айви-Лиг» в переводе с английского — «Лига Плюща» — объединение восьми американских университетов, таких как Принстон, Йель и т.д. В шестидесятые годы существовал характерный для членов Лиги стиль одежды.

источникам информации. Почти все они, что естественно, хорошо знали и любили джаз.

Так что каждая исполненная на концерте джазовая мелодия встречалась, по американскому обычаю, не только аплодисментами, но и мощнейшим свистом. Полиция была в шоке, но арестовать почти весь зал была не в состоянии.

После концерта мы ждали музыкантов на улице. Я думаю, они были приятно удивлены, встретив среди советской публики такое количество людей, знающих джаз, владеющих английским, да и одетых, скажем так, по американской моде, нетипичной для европейцев. А может, они приняли наших ребят за американских студентов, путешествующих по миру? Кто знает!

После обмена сувенирами кому-то пришла мысль: а почему бы не пригласить американцев на «Амру»?

Идею на корню загубил офицер КГБ Рэм Хацкевич (переехавший, кстати, позднее на ПМЖ в «капиталистический» Израиль). Металлическим голосом он объявил, что у музыкантов запланирован ужин, что рано утром они улетают и вообще поздние посиделки с иностранцами могут нанести вред здоровью советских граждан. (А вы все говорите — оттепель, оттепель.)

Так что, если бы не Хацкевич, я мог бы вспоминать сейчас, как пил кофе на «Амре», в компании Эрла Хайнца и Бадди Джонсона и, возможно, целовал бы руку неподражаемой Клее Брэдфорд.

Но, извините, это уже непродуктивное со-
слагательное наклонение.

Романтическая джазовая тема «Амры» ото-
звалась как-то сказочным аккордом в новогод-
ней заснеженной Москве. В столицу прибыл
один из «Поездов дружбы», в которых в каче-
стве поощрения комсомол посылал со всех кон-
цов огромной страны в столицу молодежь, отли-
чившуюся в учебе или труде, для знакомства с
городом-героем.

Именно на таком поезде из Абхазии прибы-
ли мои друзья — музыканты Юра Герия, Рома
Хахмигери, Альбик Митичян.

Обычно для делегаций составлялась куль-
турная программа, но мои друзья хотели в тот
морозный вечер одного: попасть в КМ (кафе
«Молодежное») на улице Горького, где в те вре-
мена изредка играли джаз. Что было практиче-
ски делом нереальным, ибо ежедневно в кафе
проводились мероприятия по заявкам, то есть
зал сдавали в аренду предприятиям для вечеров
только для своих сотрудников.

Но о чудо! Само Провидение в образе ми-
лой девушки из комитета комсомола НИИ, про-
водившего мероприятие в кафе, провело нас в
тот вечер в КМ. И Провидение же устроило так,
что на вечере выступал квартет Алексея Козло-
ва, великого джазмена и борца с Системой, не-
утомимого и неустрашимого популяризатора
джаза!

Когда джазмены ушли передохнуть, госте-
приимные организаторы вечера объявили, что в
гостях у москвичей гости из солнечной Абхазии,
к тому же музыканты. И естественно, возникла
просьба — сыграть!

Ребята сели за инструменты, даже мне в ру-
ки дали что-то типа маракаса, попросив, правда,
не особо им двигать, и заиграли... джазовую те-
му, кажется, что-то из Дейва Брубэка. И это по-
сле Козлова!!

Очередное чудо случилось чуть позже.
Алексей Козлов вернулся в зал, взял саксофон
и... присоединился к сухумчанам! Поверьте, все
участники импровизированного джем-сейшена
были на высоте! Это было незабываемое едине-
ние людей через Великую музыку!

Так что смело могу хвалиться — «стоял на
перкуссии» в джем-сейшене с великим Алексе-
ем Козловым!

А что касается моего личного «романа» с му-
зыкой, в частности с фортепианной, он, к сожа-
лению, был недолгим и закончился драматично.

В возрасте восьми или девяти лет меня от-
дали в музыкальную школу на подготовитель-
ное отделение. Нотная грамота, сольфеджио,
разучивание гамм — все привычно и рутинно.
Особого усердия я не проявлял, но перспектива
играть на пианино и самому подбирать мелодии
была мне по душе.

Все шло своим чередом, кроме одного, са-мого главного. Мои руки отказывались играть синхронно, одновременно. Сначала я относился к этому факту достаточно спокойно. Потом же с нарастающей силой меня стала охватывать тревога. И в момент, когда тревога переросла в панику, когда я полностью потерял надежду, произошло чудо! Как-то утром я сел за инструмент и... заиграл обеими руками, да так слаженно, как будто был профессиональным пианистом. Каким же счастливым я был в течение нескольких дней!

Однажды вечером, позволив себе небольшой отдых, я отправился в парк имени Ленина. Находился он недалеко от нашего дома, и обычно по вечерам здесь собирались мальчишки из ближайших дворов поиграть в пинг-понг или просто пообщаться.

Обычно веселая и добродушная «хевра» встретила меня неожиданно с каменными лицами и в полнейшей тишине. Это было настолько необычно, что я почувствовал нечто похожее на страх. Не зная, как реагировать, я смутился и спросил, что случилось, не умер ли кто, не дай бог. Пока нет, ответили мне, но кое-кто отмереть может. Этот загадочный ответ еще больше меня запутал.

И тут «хевра» перешла без лишних слов в атаку:

— Так ты, как оказалось, баба? Как это нет! А кто из нас на музыку ходит? А в музыкалке, как известно, учатся одни только бабы. Так что выбирай, мы или музыка!

Не знаю, наверное, это был розыгрыш, прикол, да и на самом деле в музыкальной школе училось немало мальчиков, так что аргумент сей был «липовым». Но я, к сожалению, был самым маленьким ребенком и принял все за чистую монету.

Будучи в шоке, явился домой и закатил родителям истерику. Не помню, что говорил я в тот вечер, но мои родители, добрые и мягкие люди, пошли у меня на поводу. Музыкальную школу я бросил.

Как-то раз много лет спустя отец моего друга, фронтовик, рассказывал мне историю, случившуюся с ним во время войны. Он, тяжело раненый, пообещал врачу госпиталя, что бросит курить. И слово свое сдержал.

— Знаешь, Вова, прошло несколько десятилетий, а я ежеминутно испытываю болезненное желание выкурить папиросу. Ночами я не могу уснуть, ибо чувствую запах табака физически. Засыпая, курю в каждом сне, а просыпаюсь со слезами на глазах. Но курить реально? Нет, конечно, я же дал слово.

Вот и я часто мучаюсь ночами, но не от отсутствия табака. Хуже! Во сне я сажусь за инструмент и с упоением играю джазовые мелодии. Но, увы, после ночи всегда наступает утро.

*

Самые разные люди «в ущельях гитары бродят»... Это я позволил себе использовать фразу

из стихов Гарсии Лорки, привязав ее к путешествию по тем самым закоулкам собственной памяти. Ибо в них продолжает звучать музыка.

Акоп был для меня единственным в своем роде гитаристом в мире, чью игру я не раз слушал вживую, в том числе и на «Амре». Интрига в том, что играл Акоп на двенадцатиструнной гавайской гитаре, которую я ни до, ни после никогда не видел.

Акустическая конструкция и необычные, специально изготовленные видимо, струны обеспечивали гитаре широкий диапазон непривычных, изысканных звуков, от тихих, нежных, почти журчащих до сочных, вибрирующих, с каким-то экзотическим волочением, долгим мелодичным звучанием.

И держал гитарист свой инструмент не так, как обычно держат гитару. Его гитара лежала на коленях струнами вверх, и играл он на ней, извлекая звуки при помощи одетых на пальцы металлических приспособлений – слайдеров.

Но надо было видеть, КАК он играл! Его прикосновения к струнам были сродни прикосновениям к любимому, обожаемому существу, к женщине или ребенку. А лицо музыканта в этот момент просто светилось, излучая любовь и нежность!

А еще Акоп пел. Какие-то незнакомые, очень минорные, грустные песни, в основном греческие и армянские. Голос у Акопа не был

сильным, но он прекрасно им владел и легко окрашивал в любой эмоциональный цвет. И конечно, вкупе с берущими за душу звуками гитарных струн этот голос не оставлял равнодушными своих слушателей.

Когда Акоп пел на «Амре», столы сдвигались вокруг музыканта, терраса затихала иплыли, аккорд за аккордом, мелодичные печальные песни над вечерним городом.

Обычно Акопа приглашали на свадьбы, юбилеи и т.д., то есть пение и было «куском его хлеба».

На «Амре» же певец денег с нас никогда не брал.

Находясь недавно в Мюнхене, я написал под впечатлением от картины нашего земляка, художника Владимира Шенгеля, небольшую, достаточно эмоциональную зарисовку, эссе, под названием «Анаша», ибо именно так и называлось живописное полотно Володи. Вспомнил я и реальную анашу, «план», имевшую почти свободное хождение в городе на стыке пятидесятых и шестидесятых.

Ни в коей мере не романтизирую планокурение, но, на мой взгляд, трудно представить и понять некоторые реальные события тех лет, если их полностью выхолостить, удалив из воспоминаний то, что было на самом деле, только потому, что это может кого-то раздражать.

Итак, «Амра», верхотура, летний вечер. Посетителей много, несколько разных компаний, сдвинув столы, что-то, как всегда, эмоционально обсуждают.

Один столик стоит чуть в стороне. За ним тихо, чинно беседуют два человека — пожилой джентльмен, чем-то напоминающий актера Жана Габена, и молодой мужчина в яркой рубашке-сингапурке. Над столиком стоит, медленно расплываясь по террасе, плотное табачное облако с явным ароматом анаши. Еще раз повторяю, в те давние года специфический запах «плана» ни удивления окружающих, ни тем более опасения и страха у курильщиков не вызывал.

Эти двое — хорошо известные в городе люди, музыканты. (Пройдет время, и один из них приобретет почти вселенскую популярность!) Пожилой, который похож на французского актера, — саксофонист из ресторана «Рица», дядюшка Завен. А как раз второй-то, в рубашке с драконами, и есть будущая звезда шансона — Вилли Токарев!

Еще об одной «путевке в жизнь»! Отлично помню юного Жана Татяна, известного теперь французского певца, с его завораживающим голосом и какой-то романтической, специфической манерой пения. Мы иногда ходили вместе на танцы в клуб турбазы. С Жаном нас всегда без проблем пропускали внутрь, и уже во время танцев Жан порой брал в руки гитару, и мы наслаждались его голосом и мелодичными ита-

льянскими песнями, которых он знал немислимое количество.

Правда, не уверен, встречал ли я Жана на «Амре», но маловероятно, чтобы он там не бывал. Впрочем, это касается, я думаю, ВСЕХ сухумчан.

*

Служители Мельпомены также относились к «Амре» с должным уважением, регулярно ее посещая.

Знаковые, яркие мои воспоминания под шифром «театр» относятся к 1963 году. Не поступив, как говорится, с ходу, с первого раза, в вуз, я пошел работать. Нужен был стаж, да и личные карманные деньги юноше совсем бы не помешали. Взяли меня художником в Центральный дом культуры профсоюзов. А в этом самом Доме культуры...

Но давайте по порядку.

В те времена театральная жизнь города была довольно активной (или имела все шансы быть таковой). Действовали два драматических театра, абхазский и грузинский. Когда-то это был один театр с двумя обособленными труппами, но позднее театры разделились. Абхазская труппа осталась в здании драмтеатра, на набережной, грузинская же переехала в реконструированное здание бывшего кинотеатра на улицу Ленина.

Несмотря на некую, казалось бы, провинциальность города и мощное идеологическое дав-

ление, оба театра обладали уникальным творческим потенциалом.

Прекрасные актеры и режиссеры, работая, по сути дела, со связанными руками, создавали театральные работы высочайшей пробы.

К сожалению, я не был театралом и в театре бывал редко, но те несколько постановок, которые я видел, произвели на меня сильное эмоциональное впечатление. Да и роли в кино, сыгранные нашими земляками, заслуживают самой высокой похвалы.

Достаточно назвать имена сухумских актеров и режиссеров разных поколений: Нурбей Камкиа, Валерий Кове, Амиран Тания, Бухути Закариадзе, Сергей Габниа, Борис Ципурия, Виолетта Маан, Нелли Эшба, Рушни Джопуа, Михаил Чубинидзе, Вера Дбар, Отар Коберидзе, Мажара Зухба.

Я привожу имена, сохранившиеся в моей памяти, иначе этот список был бы гораздо длиннее.

В качестве лирического отступления перепрыгну на несколько лет вперед. Каждый зимний приезд из Москвы предполагал визит в «Нарту». Копченое мясо, фасоль с мамалыгой на веранде ресторана. После обеда (или ужина) обязательный кофе на «Амре». Это было традицией. Сибаритствовали, однако!

И в тот приезд, уже в начале восьмидесятых, в яркий солнечный январский день я, облобызав родителей, оставил чемодан дома и отправился

в «Нарту», где по принципу «с корабля на бал» оказался в шумной, веселой, слегка подвыпившей компании. В ресторане чествовали гостей из Германии, двух университетских профессоров-кавказоведов. Один был немцем, а другой абхазом, родившимся в Турции. Звали его на турецкий лад, то ли Мехмет, то ли Мамет. Как и все наши земляки из Турции, он в совершенстве владел абхазским.

Прием не был официальным, скорее это была дружеская инициатива представителей творческой интеллигенции города. Не помню, к сожалению, всех, ибо кто-то присоединился позднее, когда компания была уже под влиянием Бахуса. Были в том числе поэт Джума Ахуба, актеры Сергей Габниа, Рушни Джопуа, художники Юра Чкадуа и Алик Шанава. Достойные, образованные и веселые люди. Гости тоже оказались очень компанейскими и коммуникабельными, причем наш соотечественник участвовал в винопитии наравне со всеми.

Дивный день! Состояние нереальности. Из заснеженной морозной Москвы — на залитую теплыми солнечными лучами веранду ресторана, где родная острая еда, домашнее ароматное вино и, главное, рядом близкие люди, веселое традиционное застолье с мудреными и остроумными тостами.

Ну и, конечно, кофе на «Амре» как завершающий аккорд чудесного вечера! Во всяком случае, нам думалось, что завершающий!

Но! На верхотуре мы встретили танцоров госансамбля, которые только что вернулись из гастрольной поездки по той самой Германии. И что, мы просто так разошлись бы после кофе, не обсудив всех новостей и не отметив знакомство с гостями и успех наших артистов в Европе?

Солнце давно село, стало холодать, нужно было думать о теплом пристанище. А поскольку рядом находился уютный бар «Интурист», где директором был наш друг Миша Зильфов, мы плавно «перетекли» в него.

В баре мы, конечно, снова пили, и виски, и шампанское, и не помню уже, но что-то еще. Сидел я рядом с немцем, напротив моего одноклассника Володи Бицадзе. Профессор свободно говорил на английском, ну и мне хватило моего школьного запаса для полноценного общения. Я даже пытался рассказывать гостю анекдоты (это я еще помнил). Вечер был великолепным (извините за затертое слово) и закончился, судя по всему, на мажорной ноте — со здравницами, поцелуями и нежеланием расставаться!

Очень удивил меня на следующий день мой одноклассник Володя. «А ты, оказывается, полиглот, — сказал он мне, — ты так лихо “трекал” вчера с этим немцем по-ТУРЕЦКИ!»

Прошло много лет, но я и сейчас задаю себе вопрос: кто в тот вечер перебрал больше — Володя, которому причудился турецкий язык в моем диалоге с немецким профессором, или я, кото-

рому Бахус вдруг открыл спрятанные ранее отдели подсознания и я заговорил на незнакомом мне турецком языке?

Так или иначе, но ИСТИНА В ВИНЕ!

Но возвращаемся к рассказу о Доме культуры!

При Доме действовала театральная секция, так себе, ни живая ни мертвая. Пока не ворвался в ее затхлую атмосферу молодой режиссер Юрий Тория. Удивительно, но по большому счету Юра режиссером не был. Ни образования, ни опыта. Только желание сделать ТЕАТР, ни больше ни меньше, и, видимо, огромное уважение к этому самому своему желанию! И конечно, талант и заразительная энергетика!

Как бы то ни было, но Театр Юра сделал! Практически полноценный профессиональный театр! Назывался он — Русский драматический самодеятельный театр Центрального дома культуры Совпрофа Абхазии. (Или как-то похоже, возможно, Народный.)

Находились мы в одном здании, я частенько поднимался в зрительный зал, когда там шли репетиции, и незаметно для себя втянулся, врос в общую ауру труппы, впитав, видимо, в себя частичку солнечной энергии режиссера.

И стал я кем-то вроде сценографа, технического ассистента режиссера, а впоследствии и актером театра.

Время вымыло из памяти многие имена и лица, но что-то отпечаталось в ней с пугающей реальностью, когда помнишь все нюансы и детали, даже запах закулисной пыли, специфический и одинаковый, я думаю, для закулисных пространств всех театров планеты.

Для первой, премьерной, постановки Тория выбрал пьесу А. Салынского «Барабанщица», и это был выбор, что называется, в десятку. Пьеса была популярной, идеологически безупречной, но при этом не безликой «агиткой». Безусловно, патриотическая, даже героическая, но не лишенная и лирических, любовных линий сюжета и, говоря современным языком, элементов триллера и боевика.

Люба, исполнительница главной роли, советской разведчицы Нилы Снижко, была находкой режиссера и бесспорной примой. С врожденным талантом и яркой внешностью. О ее волосах можно рассказывать бесконечно. Длинные, очень пышные, ниспадающие до пояса, удивительно красивые по цвету. При попытке описать — упираешься в штамп. Но оттенки медовые, нотки темного старинного золота и восхитительная игривая рыжинка — все это о волосах Любы!

И конечно, «пускали слюнки» провинциальные наши казаны и оборачивались вслед на улице, особенно в «мертвый» сезон. Поэтому ни на секунду не оставляла Любу ее мама, сопровождая ее постоянно и везде, и на репетиции тоже.

Главного злодея, немецкого шпиона Мику Ставинского, играл мой двоюродный брат — Омар Делба. Соседку Нилы, Лизочку, — славная тихая девочка по имени Аня. Ну а мне досталась крохотная роль танкиста Алексея, жениха Лизочки.

Юра Тория был человеком широких взглядов и, как сказали бы сейчас, креативным. Он с удовольствием и интересом обсуждал любые новые идеи и с радостью вводил в спектакль те из них, которые могли принести реальную пользу или придать постановке оправданную новизну.

Я был вхож в городской киноклуб, возглавляемый еще одним творческим человеком, живописцем, журналистом, кинооператором, фотохудожником Ильей Эрастовичем Шенгелая. Имел представление о кинотехнике. У меня родилась идея, поддержанная Ильей и моим другом, профессиональным фотохудожником и оператором Игорем Гагуа.

По сценарию пьесы героям необходимо поделиться со зрителями своими воспоминаниями, без которых понять сюжет невозможно. Обычно эти воспоминания в спектакле просто озвучивались «закадровыми» голосами.

Я предложил заснять сюжеты на пленку и вывести на экраны, смонтированные на сцене. Идея была принята, нужно было снимать.

Погранотряд выделил в помощь взвод солдат, выдал холостые патроны и пиротехнику. Несколько комплектов формы времен войны

у нас было, автобус тоже, и в один прекрасный день... (Вот и попался на очередном штампе!)

А день-то как раз был отвратительным, с моря дул сильный холодный ветер (дело было в январе), периодически начинался мелкий всепроникающий дождь, но мы решили — снимать! Выехали в район Нижняя Эшера и организовали съемочную площадку на старом стрельбище, на берегу моря.

Чудом сохранился всего один фотоснимок — труппа театра вместе с салажатами-пограничниками на берегу моря. Над нами висят низкие, угрожающе темные тучи, кто как может, противостоит ветру, и мы на фото молодые, целеустремленные и счастливые вопреки всему!

Забегая вперед, скажу: идея состоялась, все получилось, и в огромной хвалебной статье в центральной республиканской газете «Советская Абхазия», вышедшей после премьеры спектакля на сцене Государственного драмтеатра, среди прочих достоинств спектакля отмечались и наши технические новшества.

Однако не обошлось без курьезов. Мы проматривали отснятый материал — проявленную пленку. Снимали двумя камерами, профессиональной шестнадцатимиллиметровой и маленькой любительской. Изображение на пленке, естественно, без звука. Звук записывался отдельно на магнитофон. Камеры несколько раз давали сбой, но на экране это выглядело как специально задуманные спецэффекты.

Очень живописно, даже красиво смешиваются на плоскости экрана клубы дыма от шашек, белый с черным, подчеркивающим трагизм происходящего, камера «вырывает» из дыма фигуры бегущих солдат с винтовками наперевес. Из-за сбоя камеры создается впечатление замедленной съемки. Особенно эффектно смотрятся падающие воины, сраженные якобы вражескими пулями. Ощущение полной реальности происходящего боя. Увы, но всем бойцам на экране суждено погибнуть.

Дым рассеивается, и перед потрясенными зрителями возникает поле боя с лежащими фигурами «павших» бойцов... а в самом центре экрана возвышается характерная постройка — деревянная будочка с островерхой крышей, всего одной дверкой, на которой черной краской изображены два огромных ноля!

Увы, но зрителям премьерного спектакля этой красоты (я говорю о будке) увидеть не довелось! Ее по понятным причинам безжалостно вырезали при монтаже киноленты.

Премьера, как я уже говорил, прошла на высоком уровне, в присутствии руководства республики, ведущих СМИ, при зрительском аншлаге. Спектакль получился и был тепло встречен.

Но зритель воспринимает только то, что видит из зала. Происходящее же внутри труппы остается, как правило, за кулисами, в тени декораций.

Премьерный показ спектакля должен был состояться в зале Дома культуры, в привычной обстановке, в «родных» стенах. С идеей повысить статус единственного русского театра и перенести премьеру в здание драмтеатра мы были ознакомлены буквально за день до показа. Пока спешно переделывались афиши и перевозился реквизит, оказалось, что времени для прогона на новой для нас сцене нет. Слава богу, успели выставить декорации и подготовить технику.

Но перед самым спектаклем включили, как положено, мощные, слепящие софиты — и зал моментально стал невидимым со сцены, уйдя в абсолютную темноту. И тут-то нам, неопытным «самодеятельным» актерам, стало страшно.

И тогда кто-то предложил «принять» для храбрости по стаканчику коньяку. Один стаканчик не помог, были второй и третий, ну а потом выяснилось, что спектакль пора начинать и море нам уже по колено.

Действительно ли помог алкоголь или герои пьесы, их судьбы настолько вросли в нас, актеров, но мы на время действительно стали ими, нашими героями, с их радостями и горестями, переживаниями, нежностью и ненавистью. И озвучивали со сцены не заученные слова своих ролей, а жили реальной жизнью не выдуманных драматургом персонажей, а реальных живых людей!

Эмоциональный градус спектакля, как выяснилось, держал зал в постоянном напряжении вплоть до финального занавеса.

Но коньяк, что бы там ни говорить, свою роль сыграл. Сняв блок страха с нашей психики, он также высвободил часть наших привычно сдерживаемых эмоций, что по-разному отозвалось на поведении актеров на сцене и их игре.

Танкист Алексей, которого играл я, простой деревенский парень, веселый, бузотеристый, острый на язык, прибывает в короткий отпуск к своей девушке, соседке главной героини. Появляется на сцене дважды: сразу по приезде, затем уединяется с невестой в ее комнате, потом выходит вторично, с девушкой, переодетой в халатик, с полотенцем на плечах. Маленькая, но очень важная роль, ибо, узнав разведчицу, живущую в чужой личине, чуть было не раскрывает ее, невольно, конечно.

И тут я решил, что авторский текст и поведение Алексея, предусмотренное сценарием, недостаточно колоритны. И позволил себе импровизацию!

Как выяснилось потом, временем я не очень злоупотребил, но текстом!!!

Краем глаза я видел за кулисами режиссера с округлившимися глазами, держащегося за сердце, но остановиться уже не мог. Монолог же мой закончился, прерванный дружными аплодисментами зрителей. Экспромт удался!

А несколькими минутами раньше я довел до шока мою партнершу Аню. Она попросила меня за кулисами отвернуться, дабы переодеться в халат. И я решил пошутить! На полном серьезе я заявил, что для глубокого погружения в роль нам, актерам, надо быстренько заняться тем, ради чего и уединились Лизочка и Алексей. Очень быстро, иначе сорвется спектакль, мы не сможем полноценно играть, случится катастрофа, и вообще я давно уже тайно в Аню влюблен и всегда мечтал остаться с ней наедине!

Выпаленная мною абракадабра обрушилась на бедную девочку с грохотом рушащегося под бомбежкой здания. В подобных случаях человек обычно реагирует только на услышанное или увиденное. Логика, анализ же отстают, как правило, на некоторое время.

— Не могу, я девственница, у меня есть жених, — слабеющим голосом произнесла Аня и только через несколько секунд, вдохнув воздух и показывая мне кулак, добавила: — Дурак ты, Володя, и шутки у тебя парашютные, дурацкие. Пошли, наш выход.

Победило чувство юмора, как всегда! Но склонность наших земляков к приколам и розыгрышам отозвалась в этот день еще раз удивительно похожим образом. Один из наших актеров, бывший одессит, стал шептать Ане, доверительно отозвав ее после спектакля в угол, что очень переживал, так сказать, за ее честь, пока мы оставались за кулисами одни.

— Анечка, скажи честно, этот монстр, этот Сарданапал к тебе за кулисами не приставал? А то коварный он такой обольститель весь из себя, вы бы так жили!

Не знаю, каким был Сарданапал, но монстром я точно не был. Наоборот, скромным, воспитанным, почти застенчивым юношей. И завоевывать женщин, как говорится, нахрапом так и не научился, чему, кстати, очень рад!

Коленца же, выкидываемые с помощью коньячных паров, продолжились, но уже с другими действующими лицами. Ближе к финалу пьесы разоблаченный Нилой Снижко немецкий шпион Ставинский проникает в квартиру разведчицы с целью ее убийства. При встрече двух героев-антиподов разыгрывается крайне эмоциональная сцена, диалог на самых повышенных тонах. Увлечшись игрой, войдя в роль, Омар, то есть шпион Мика, возбужденно, резко передвигаясь по сцене, случайно сталкивает в оркестровую яму стул. Грохот падающей мебели вызывает в зрительном зале восторг. Омару аплодируют. Поймав, образно говоря, тему, актер сметает с пути еще пару стульев. Зал аплодирует стоя. Тогда разбушевавшийся вконец Омар сталкивает в яму единственный стол и под дружные аплодисменты зала выхватывает деревянный, реквизитный свой пистолет.

Вот он, трагический финал, сцена гибели отважной разведчицы!

Но за кулисами дает осечку спортивное стартовое оружие, обеспечивающее звук. Выстрела нет! Но остановить Омара невозможно! Не бросая пистолета, с криками: «Гадина, зашибу!» — фашистский оборотень начинает бегать по сцене за советской разведчицей. Чего, конечно, в сценарии не было.

Софиты, по замыслу режиссера, в момент финала начинают мигать, подчеркивая трагизм момента, и это спасает сцену, ибо стреляющее устройство за кулисами в конце концов срывается. Омар, не растерявшись, размахивает своим деревянным реквизитом и орет: «ПО-ПАЛ!!!» Героиня, подхватив «эстафету», медленно оседает на пол! Полная тишина, пауза, кто-то всхлипывает, затем зал взрывается аплодисментами (обойдись-ка тут без штампа)!

О реакции властей и общественности на премьерную постановку я уже говорил.

Воспоминания увлекли меня, и какое-то время я вроде как и не вспоминал «Амру». На самом деле Дом культуры был на улице Фрунзе, в трех минутах ходьбы от набережной, и, конечно, мы выбирались, иногда всей труппой, попить кофе на верхотуре.

Юра, наш режиссер, будучи помешанным на театре, использовал любые возможности обучения актеров. И как-то на «Амре» он показывал и рассказывал нам о премудростях кофейного этикета, в том числе как нужно держать чашку,

как подносить ко рту, как отпивать напиток. Внимательно слушали режиссера не только его питомцы, как оказалось, но и мужчины, сидящие за соседним столом.

Закончился мастер-класс тем, что к нам подошел пожилой человек в черном костюме, зеленой рубашке и оранжевом галстуке, с полным ртом золотых зубов, с двумя золотыми же перстнями на правой руке, церемонно наклонил голову, сняв предварительно фетровую коричневую шляпу, и изрек с сильнейшим акцентом:

— Извини, ахпер-джан (брат), но ви забыл ишо один детал. Кофе за границым, в Эвропе, не пиут, эму СМАКАЮТ!

И часто потом звучали среди актеров ставшие привычными фразы:

— Сходим выпьем кофе.

— А как, посмакуем или смаканем?

В тексте я сознательно называю труппу Юры Тория единственным русским театром города. Формально — да. На самом деле эта фраза не совсем верная.

Сухумский физико-технический институт, расположенный на окраине города, в Синопе, был предприятием режимным, засекреченным. Поговаривают, что ученые института занимались там когда-то разработкой атомного оружия. Так или иначе, институт был заведением обособленным, своего рода государством в государстве.

Инструментом общения с внешним миром был Дворец культуры института. И если помнить, что в жесткие советские времена власть все же побаивалась идти на открытый конфликт с «физиками-лириками», ДК им. М. Горького был окном если не в инакомыслие, то в относительно свободомыслие это точно.

В этом самом Доме культуры и действовал народный Театр комедии и миниатюр, руководителем, идейным вдохновителем, душой и мотором которого стал Юлий Бидерман, мой бывший сосед, неординарный человек, режиссер, сценарист, поэт, имя которого я всегда вспоминаю с теплотой.

Возможно, театр был создан позднее и мне придется еще раз принести извинения за неверную хронологию, но гораздо важнее, что он реально и успешно действовал и являлся, по сути, еще одним русским театром в Абхазии.

К моему сожалению, на спектаклях театра мне бывать не довелось, но я прекрасно помню восторженные отзывы друзей, да и, зная уровень интеллекта и энергию самого Юлика, уверен, что его постановки были сплавом высокого профессионализма, таланта и, если хотите, жертвенности единомышленников.

Помню, со слов друзей, ставил Юлик пьесу «Дикари», помню, играли в ней Роберт Митичян, Вадим Винников, Светочка Бакутина, помню, что в спектакле было много великолепной музыки.

И помню Юлика на «Амре», подвижного, общительного, в компании такого же универсального человека, интеллектуала, журналиста и писателя, актера и конферансье, всегда веселого, доброжелательного, фонтанирующего юмором Армана Данельяна! Эти двое притягивали людей как магнит, вокруг сразу же собиралась компания, где каждый в конечном счете получал свою порцию веселой, доброй энергии!

*

Насчет людей разных...

Приходил регулярно на верхотуру человек, о котором и сейчас сказать нечто внятное невозможно. Все знали его как Зураба. Появлялся этот самый Зураб в городе наездами, как правило измеряемыми несколькими месяцами. Жил в съемной комнате частного дома у Красного Моста. Говорил, что из Тбилиси, но на столичного жителя «не тянул», хотя старался. Чем занимался, на что жил — загадка! Во всяком случае, личностью криминальной, маргиналом или, к примеру, карточным шулером, не был. Не был он и, что приятно отметить, альфонсом.

Средних лет, под сорок, невысокого роста, полнеющий, с заметной зальсиной, был он медлительным, хорошо воспитанным, слегка манерным. Достаточно начитанным. Доброжелательным и коммуникабельным.

И еще. Был он, безусловно, «озабоченным» — по женской части, я имею в виду.

Скорее всего, именно возможность легко знакомиться с женщинами на курорте и была побудительной причиной регулярных наездов Зураба в наш город.

Были у Зураба два выходных костюма. Один цвета топленого молока, другой темно-синий, из модного в те годы переливающегося блестящего дакрона. Костюмы были явно привезены из зарубежья. Уж как они достались Зурабу — еще одна загадка! Были у него еще несколько ярких, «фирменных» галстуков и, очевидно, полная цистерна польской мужской туалетной воды, ибо специфический, пряный запах ее буквально ощущался на «Амре», когда Зураб только начал променады по набережной от Красного Моста, и преследовал окружающих постоянно.

Появлялся он на террасе с женщинами и, как правило, каждый раз с новыми. Дамы были из тех, кого в городе называли «курортницами бархатных сезонов», то есть зрелого возраста, приезжавшими на отдых без мужей, с романтической надеждой встретить если не принца, то хоть стареющего, но элегантного усача-мачо, готового расстлать свой плащ перед ногами своей избранницы, носить ее на руках и пить шампанское из женской тубельки. Не всю оставшуюся жизнь, конечно, ну хотя бы недельку-другую.

Тут, видимо, и появлялся на сцене в нужный момент Зураб, как легендарное пианино в кустах. Хоть и не носил наш мачо усов, но был элегантен, галантен и очень даже смотрелся в

одном из своих привозных костюмов и в итальянском галстуке «Коммодоре Тревира»!

Казалось бы, ничего необычного. И зачем вспоминать? Мало ли в Бразилии подобных Петров? У нас и своих хватало!

Но в шок меня ввел и врезался в память случайно подслушанный на «Амре» диалог Зураба с очередной пассией.

Наш герой представился даме как... композитор Игорь Стравинский!!! Видите ли, устал он от всемирной славы, забрался в глушь, живет жизнью простого человека, эсквайра, как он выразился, в ожидании приезда френда (друга, значит) Джорджа Баланчина, с которым намеревается обсудить либретто своего нового балета «Любовь к трем апельсинам».

Меня будто обдало случайно сорвавшимся с далеких заснеженных гор, холодным, совсем не летним ветром. Еще секунда-другая, и оскорбленная дама выскажет незадачливому ловеласу все, что она думает о коварных врунах-южанах, об американской музыке и балете, о композиторе Прокофьеве, написавшем на самом деле «Любовь к трем апельсинам», только не балет, а оперу!!! Поднимется из-за стола, испепелив кавалера уничтожающим взглядом, и уйдет, гордо пронося аппетитное свое тело через весь зал, ровно держа спину и презрительно покачивая бедрами!

— Ах, какая же прелесть, — жеманно произнесла спутница композитора, восторженно

хлопая глазами и поправляя небрежно пышную свою прическу. — Я всегда мечтала с вами познакомиться, часто слушаю по радио вашу музыку, особенно нравится ария этого самого, ну, гостя индийского из оперы, а то, что вы в жизни такой доступный, товарищ Ильинский, даже не ожидала. А вы не могли бы наиграть мне немного вашей музыки?

— Для меня великое счастье, мадам, встретить здесь, на чужбине, в месте моего затворничества, такую удивительную женщину, красавицу, умницу, музыкально и культурно образованного человека! Я напишу в вашу честь кантату, ораторию, черт возьми! А поскольку мой кабинетный рояль, который я вожу с собой, сейчас у настройщика, я напою вам любую мелодию! Не здесь, естественно. Приглашаю в скромную свою обитель. Я арендую здесь бунгало. У меня есть коньяк и дорогие сигареты. Так что, сольемся в экстазе? — закончил Зураб свой восторженный спич фразой из популярного британского фильма про мистера Питкина!

Интересно, что за дорогие сигареты имел он в виду? «Друг» с собакой на пачке (они и вправду стоили чуть дороже расхожих «Памира» и «Примы»)? Или модные болгарские, привезенные из Сочи? Других в те времена просто не было, даже у репатриантов.

И удалились они, окрыленные, из «Амры» вдвоем. Она действительно гордо несла тело, он,

немного семени, попевал за ней, нежно придерживая за талию, ее голова с пышной укладкой трогательно лежала на его плече.

И бедрами они покачивали почти в такт.

Проходя мимо, Зураб по-свойски, с хитрой улыбкой подмигнул мне.

А мне, вышедшему из шока, стало очень обидно. Конечно, и я врал, бывало, девушкам, как правило в попытке увеличить свой возраст. И здесь частенько «попадался», ибо ловили меня на элементарном незнании темы. Будучи школьником, выдал себя за студента... и опозорился, не зная слово «сессия». На серьезную же ложь у меня не хватало ни смелости, ни фантазии.

Зураб же демонстрировал, да и не только он, умение «втюхивать» дамам легенды такой пробы, что просто дух захватывало. Это надо же — композитор Стравинский! Ему что, Хачатуряна или Мачавариани не хватило бы?

И вот вопрос об уровне интеллекта заезжих дам. Действительно ли Стравинский и Ильинский воспринимались любительницами бархатных сезонов как один и тот же человек? Либо умные, грамотные, но истосковавшиеся по мужскому вниманию, романтически настроенные дамы просто прощали нашим ловеласам их наивное «творчество», делая вид, что верят всему сказанному?

Не найдя ответа, я решил для себя: вот познакомлюсь с какой-нибудь девушкой и вы-

дам себя за Грегори Пека или Альберто Сорди!
А вдруг пройдет?

Помню на террасе еще одного «гастролера», из тех, кто появлялся на какое-то время в городе, привлекая к себе повышенное внимание. Зимой особенно каждое новое лицо могло вызвать интерес у слегка сонной местной публики.

Молодой, хорошо сложенный, со спортивной фигурой человек наезжал из Еревана. В городе жил его дальний родственник, который и приводил гостя на «Амру» и знакомил с сухумчанами.

Ереванец был доброжелательным, легко шел на контакт, но в поведении его наблюдалась некая странность. Прежде чем представиться и подать руку, он вдруг, пританцовывая на месте, становился в боксерскую стойку, имитируя поединок, бесконтактный, к счастью. Наносил якобы серию ударов новому знакомому и лишь потом, протягивая руку, называл свое имя.

— Гамлет, из Еревана, боксер, друг Енгибаряна, — произносил он, улыбаясь.

Конечно, за такой «спарринг» могли и побить, неправильно поняв намерения незнакомца, но, во-первых, гость на Кавказе — это святое, а во-вторых, я вскользь говорил об отношении горожан к футболу.

Так вот, трепетное отношение наблюдалось в городе к спорту вообще. Необходимо отметить, что интернациональная, толерантная менталь-

ность сухумчан выражалась в поощрении спортсменов-кавказцев независимо от происхождения и национальности. Одинаково болели, к примеру, за бакинский «Нефтчи», ереванский «Арагат», естественно не когда они играли с тбилисским «Динамо». «Динамо» считалась командой своей, номер один, в которой выступали и выходцы из Абхазии.

В спорте, конкретно в боксе, Владимир Енгибарян, олимпийский чемпион, был безоговорочным авторитетом, звездой, культовой личностью. Одно лишь упоминание его имени невольно вызывало уважение к тому, кто его называл.

Так сложилось, что в описываемые мною времена Кавказ, к сожалению, не мог гордиться яркими спортсменами-боксерами. Подавал надежды сухумчанин Валерий Попандопуло, обладавший на ринге уникальной техникой ухода, «уныривания» от ударов соперника. Выиграл первенство Союза по обществу «Динамо», перешел в ЦСКА и был сломан стандартной системой подготовки боксеров, предполагающей силовое воздействие на соперника. Перейдя в более тяжелую весовую категорию, лишенный права «уходить» на ринге от противника, не мог противостоять в открытом бою физически более сильным, известным советским боксерам, таким как Попенченко, и сошел на нет.

Итак, Гамлет, из Еревана.

Любая фраза его начиналась почти одинаково: «Мы с Енги», «Я с Енги», «Как-то раз с Енги»...

В конечном итоге все потихоньку позабыли его экзотическое настоящее имя. И если кто-либо в разговоре вспоминал боксера, обычно говорили: «Ах, этот, “двинутый”, кирюха Енги...» (Слово «кирюха, керя» на нашем глобальном «суржике» и означало «друг, приятель»). Так — в статусе «кирюхи Енги» — ереванец и исчез незаметно из нашей жизни.

*

Воспоминания сродни долгой, приятной трапезе в кругу друзей. Но в какой-то момент, пройдя «экватор», начинают двигаться к закату повествования, к завершению или временному перерыву.

Продолжаю сравнение с застольем: французы боготворят сыр, а поскольку хороший сыр дорог, гостям предлагают его немного, между горячим и десертом, в качестве некоей «прокладки», интеллектуально — гастрономической! Итак, сыр!

Автор грозился немного рассказать об АМ-РИТЯНАХ! О тех, кого он знал раньше, да и тех, с кем судьба свела уже в зрелом возрасте.

Опасный и неблагоприятный путь — писать о конкретных людях! Годы многое стирают из

памяти. Выборочно, что особенно обидно, даже зрительные образы и имена тех, кто заслужил, чтобы их помнили вечно. Конечно, могут быть обиженные. Но, увы!

Академик Олег Бгажба! Со времен моего отрочества и по сей день — просто Алик! Мягкий, добрый, немного стеснительный, энциклопедически образованный, интеллигент высочайшей пробы, плоть от плоти интеллигентнейших людей Абхазии, своих родителей!

В книжке, написанной ранее, я, не называя фамилий, говорил о старших своих друзьях, открывших для меня огромный мир книг, литературную галактику, о людях, прививавших мне, в том числе через книги, любовь к знаниям, постижению постулатов порядочности, чести и уважения к окружающим!

Алик был одним из них! Чтобы перечислить всех, одной страницы явно не хватит. Среди тех, кто вольно или невольно формировал некий нравственный вектор движения моего сознания, оказал на меня благотворное влияние, были мой брат Хозе, Матута Отырба, Миша «Карась» Джинчарадзе, Виталий Тодуа, Вахтанг Аршба, Сенечка Коверман, Сократ Стилиди, Вова Папава, Зураб Соткилава, Зураб Хишба, Тарас Шамба, Валерий Хинтба, Мери Инапха, Алик Сангулиа, Вова Кецба...

Склоняю голову перед теми, кого не назвал...

Уже не помню, с чьей легкой руки возникло увлечение, захватывающая игра — выстраивать маршруты прогулок по городам, где никто из нас не бывал. Причем по городам знаковым, чьи названия вызывали в сознании рои исторических, литературных, кинематографических, романтических в основном ассоциаций. И возбуждали потребность, фантазируя, пополнять знания. То есть читать, читать и снова читать!

Алик очень любил эти виртуальные, как сказали бы сейчас, прогулки.

Сегодня мы снова гуляем по центру Парижа. Надо выбирать новый маршрут, ибо неделю назад мы осматривали творения архитектора Андре Ленотра, пройдя по Елисейским Полям от площади Этуаль до Пляс-де-ля-Конкорд, и, дойдя до Сены, вышли к мосту Конкорд. Площадь Вогезов, Тюильри — эти названия уже в нашем активе.

Все пути в Европе ведут в Рим. Все улицы в Париже ведут к Сене. И сегодня набережные Сены нас волнуют, как и неделю назад. Поэтому мы просто переходим на противоположный берег и исследуем Латинский квартал. Любое название звучит до боли знакомой мелодией. Сен-Жермен-де-Пре. Чувствуете музыку?

По бульвару же Сен-Жермен мы и выйдем снова к Сене, на набережную Сен-Бернар. Но до набережной, на углу с бульваром Сен-Мишель, стоит здание уникального парижского музея,

Клони. В музее собраны великолепные ткани и гобелены разных эпох. А сегодня там висят работы великого Жана Люрса, гения современного искусства гобелена во Франции.

А какое количество книг мы перерыли с Аликом у парижских букинистов, на книжных развалах на набережных! А сколько рюмок абсента выпили в парижских кафе с великими людьми Парижа, людьми эпохи, ушедшей давно в прошлое! С Бодлером, Верленом, Лотреком, Мане, Пикассо, Эренбургом и Хемингуэем!

Небольшая разница в возрасте потихоньку стиралась по мере моего взросления, опека перерастала в качественно другие отношения, и мы стали с Аликом Бгажба добрыми друзьями. Потом я уехал в Москву, на учебу, на время, как представлялось тогда. Да так и остался.

В середине семидесятых у нас в Москве гостил мой отец. Выйдя на пенсию, увлекся виноделием и разведением роз. Генетическая тяга, любовь к земле, искусственно сдерживаемая в течение десятилетий, моментально вышла из «подполья», как только появилась возможность, и уверенно захватила часть сознания и бытия отца.

Будучи человеком обстоятельным и упорным, он изучил огромное количество специальной литературы, встречался и списывался со специалистами. Я говорил отцу в шутку, что по-

ра бы присвоить ему без защиты звание доктора сельскохозяйственных наук, «гонорис кауза», так сказать!

На своем клочке общественного дворового огорода он выращивал дивные по красоте розы самых экзотических сортов и, будучи по природе своей дамским угодником, с удовольствием дарил их проходящим мимо женщинам.

А три или четыре лозы Изабеллы, высаженные перед домом и захватившие в зеленый плен обширную нашу веранду, давали отцу материал для прекрасного домашнего вина. Он долго колдовал, используя сложную технологию, купировал вкус добавлением гудаутского «Качича» и более тяжелых, терпких сортов вин, привозимых из Грузии, и получал без добавления сахара и воды чистейшее вино великолепного качества.

Вот и в тот приезд в Москву захватил с собой десятилитровую стеклянную емкость.

Мы ждали в гости Зурика Кецба, моего друга и коллегу, рано ушедшего из жизни, жившего тогда в Москве. Он был главным художником Ленинского района, и мы были связаны и дружбой и работой. Зурик был соседом Алика по Сухуми, они жили в одном доме на улице Калинина.

И тут неожиданный звонок по телефону:

— Это Алик, я в Москве, ненадолго, на два дня, по работе.

— Али-ик, руки в ноги и быстро ко мне!!!

Какой же это был дивный вечер! Сухумский вечер в Москве! Вечер воспоминаний, романтического погружения в детство и юность. Сдобренный юмором и прекрасным папиным вином!

Время неумолимо пожирало дни, минуты, секунды, годы. Я какое-то время работал в Гагре, постоянно приезжал в Сухуми, но встречи наши с Аликом были редки. Потом проклятая война...

Встретились мы с Аликом Бгажба спустя почти двадцать лет, на презентации моей книги в Сухуми, осенью 2012 года. Конечно, годы нас не красят, походка становится тяжелой, медлительной, мы теряем часть шевелюры, приобретаемая взамен морщины...

Но прищуренные, с хитринкой глаза Алика, как и в молодости, светятся умом и добротой!

*

О художнике Евгении Котлярове прекрасно рассказал в своих воспоминаниях Игорь Гельбах. С присущей его текстам добротой, лиризмом и тонким знанием психологии.

Я плохо знал Котлярова. Конечно, как «братья по цеху», мы были знакомы, встречались в конторе Худфонда, где обычно собирались художники, или на редких выставках в Галерее. Изредка пили кофе в компании коллег-художников, моих друзей, Стасика Иванба, Юры

Чкадуа, Тарика Ампар, Несима Казанжи, Пети Цквитария.

Молчаливый, не очень коммуникабельный, Евгений производил на меня впечатление буки, а порой даже казался снобом. Работ его я не видел, так что и как художник-профессионал был для меня он terra incognita.

До момента, пока не увидел на выставке всего одну, сиротливо висящую в простенке работу Жени. Небольшой по размеру картон был, возможно, наброском, идеей к оформлению сцены. Идея была вроде бы проста, изобразительные средства, как говорят искусствоведы, крайне скромны.

Яркое пятно света на темной сцене — в освещенном круге неустойчиво стоит черный строгий стул в стиле ампир с небрежно брошенным, как бы забытым куском кроваво-красной ткани!

От работы невозможно было отойти! Она притягивала взгляд и буквально дышала трагизмом, возведенным в степень абсолюта! И это достигалось минимальными изобразительными средствами, как я уже говорил. Наверное, собирались ставить Шекспира, хотя это теперь и не важно! Энергетически работа художника уже жила своей обособленной жизнью и во времени, и в пространстве. И была она работой Большого художника, Мастера.

Потом я видел Женины пейзажи, красивые, поэтические, профессионально безупречно вы-

полненные, немного под влиянием французских художников-барбизонцев.

Кстати, подсмотренная на «Амре» сценка. Кто-то хвалит Женины картины, автор же, отмахиваясь, как от осы, от назойливой похвалы, бубнит себе под нос, что это халтура, халтура, всего лишь коммерческие картинки для салона. При этом не отрывает глаз от яркого «заморского» журнала.

И еще. Уже гораздо позднее, в кругу близких друзей, обычно немногословный Котляров вдруг рассказывает некую лирическую любовную историю, возможно, из личной практики. И излагает ее так тонко, так красиво, со всякими психологическими и жизненными нюансами, облекая сюжет в великолепную литературную форму. И думается невольно: возможно, в этом сложном, неоднозначном, но удивительно талантливым человеке, художнике живет еще и писатель, новый Иван Бунин!

*

Немного о Блюме. Утерянном и найденном вновь, вернувшемся чудесным образом спустя десятилетия.

Если кто не знает, Блюм — литературный герой, придуманный и «оживленный» моим другом, австралийским писателем Игорем Гельбахом, сухумчанином, АМРИТЯНИНОМ, живущим сейчас в Израиле.

Не могу назвать Блюмом самого Игоря, но, несомненно, герой унаследовал некоторые чер-

ты создателя: внешнюю меланхоличность при остром уме, философское восприятие бытия, доброту и талант радоваться жизни во всех ее прекрасных моментах.

В любви к женщине, в радости общения с друзьями, в неведомом вдохновении от рисования халата, летящего над пустыней, во вкусе молодого вина, в нежности первых солнечных лучей, разогнавших ливневые тучи, в опьяняющих запахах мокрой листвы и отсыревшей штукатурки домов...

Пьянящими ароматами пропитаны, помоему, все книги Игоря. Даже пыль, поднятая подметальщицами-курдянками на привокзальной площади, пахнет по-особому, она аккумулирует в себе все экзотические запахи, да и звуки тоже, с цветастой, пестрой палитры южного города. Ее пряный вкус оседает на губах, волнует, вызывая непонятно откуда взявшуюся ностальгию по ушедшему прекрасному времени и событиям, прямым свидетелем и участником которых ты не был.

А море? Море у Гельбаха — это особый мир, это философия эмоций, красоты, радости и грусти, это целая галактика кипящих страстей, буйства цвета и материи и упокоительной пастельной тишины!

(Игорь не терпит велеречивых восточных похвал. Хотя и пишу искренне, рискую «получить на орехи»!)

Сдружило нас с Игорем Гельбахом очень жаркое лето 1965 года. Ну и общие друзья постарались. А тем летом, так уж сложилось, в Сухуми съехалось на отдых большое количество молодых людей из Питера и Москвы, образованных, эмоциональных, веселых, знающих литературу и музыку, латентно, а порой откровенно фрондирующих системе. Кто-то гостил у Менаша Ефремашвили, кто-то у меня, кто-то у Гельбаха. В конце концов оказалось, что шумные эти, еврейские в массе своей «компашки» двух столиц очень быстро и органично перезнакомились и подружились!

Слово «тусовка» было еще неизвестно, мы просто проводили вместе время. Все время, с утра и до вечера, каждый день! Ну и ночи на юге созданы, в общем-то, не для сна! И так месяца два.

(Кстати, сухумчане использовали в своем сленге похожее слово — «тасовка», но несколько в другом значении. «Тасоваться» означало «появляться на людях, прогуливаться с целью привлечь к себе внимание», «красоваться», «показывать себя, выделять». То ли одеждой, то ли поведением, то ли еще чем-либо...)

Коротко обозначим время действия, его приметы и реалии.

Давно закончилась эйфория хрущевской «оттепели», да и сам он бесславно канул в по-

литическую Лету. Население огромной страны в очередной раз проснулось обманутым. Чуда, увы, не случилось! Социализм ну никак не хотел надевать человеческое лицо.

Конечно, Хрущев прекратил былые массовые репрессии, в которых, кстати, и сам был прилично замешан. Но большевистская закваска требовала, видимо, как во времена Французской революции, регулярной подпитки кровью!

И не успокоился самодур-диктатор, пока по его приказу, вопреки ВСЕМ историческим правовым нормам, не были убиты так называемые валютные «воротилы» — Файбышенко, Рокотов и Яковлев. Сегодня этих людей назвали бы финансовыми бизнесменами средней руки.

И гонения творческой элиты начались при нем. И антисемитизм рос как на дрожжах. И много еще чего отвратительного творилось на просторах Родины чудесной.

Новая власть, так называемый «триумvirат», стала закручивать гайки с еще большим рвением. Не за горами были выдавливания «шестидесятников» из страны, суды над литераторами и учеными, очередные войны на Ближнем Востоке, приведшие к полному разрыву с Израилем. Уже формировались колонны грохочущих, смердящих бронированных монстров с красными звездами на бортах, заполнивших в 1968 году узкие, уютные улицы Праги.

Чем сильнее становилось давление, тем активней, хоть и подспудно, зрел гражданский

протест в умах людей, получивших волею исторических обстоятельств небольшой глоток кислорода. И вырывались наружу протестные настроения, порой в наивных и трогательных, порой в неожиданных, экзотических проявлениях.

Говор одесситов трудно спутать с каким-либо еще. Специфический «суржик», с русским языком в основе своей, но под явным влиянием южно-украинского, возможно, греческого и румынского, ну и, конечно, идиша.

Типично одесские выражения — типа «Ви би так жили! Ви разви знайти мне за сволочь?» — дополняли, подчеркивали основную излагаемую мысль, но сами регулировались интонацией, то есть могли иметь по необходимости диаметрально противоположный смысл.

Но это был говор, характерный только для одесситов.

Наши московские и питерские друзья же говорили на чистейшем, можно сказать, литературном русском языке. Искусственно имитируемое грассирование применялось в основном в шутках и анекдотах. Семитские черты лиц некоторых парней и девушек терялись на фоне прочих заезжих гостей летнего курортного Вавилона. Да и кого вообще интересовали чьи-либо черты лица в интернациональном солнечном городе?!

Вечерами мы частенько собирались на «Амре» и «отрывались по полной». Интеллигентные, начитанные, энергичные, шумные наши гости, заряженные юмором на генетическом уровне, держали своими хохмами в напряжении всех посетителей террасы, давая иногда короткие передышки для безудержного смеха.

Часто повторяемая фраза с намеком на фольклор была «Кишен тухес», что в переводе с идиша означало «Поцелуй меня в ...опу». Точнее, эти слова были частью, половинкой поговорки, вторая часть которой предлагала еще и закусить помидором!

Со словом «закусить» также связаны посещения нашей вечно бурлящей компанией городского рынка. Вот уж чего точно не видели многие наши гости, так это южного, сухумского рынка. Сознательно не пишу «восточного», ибо отличался наш городской рынок и от ташкентского, и от самаркандского, да и от тбилисского тоже. Габаритами, объемами, ассортиментом. Цветами, запахами, внешним видом торговцев. И еще чем-то неуловимым, что и делало сухумский рынок южным, скорее даже средиземноморским. И хотя звуковой фон рынка, как и цветовой, был богат, разнообразен и достаточно шумен, в глаза бросалось некое чувство достоинства, с которым местные крестьяне, и не только, предлагали свои товары. Конечно, и у нас, как на любом рынке, народ торговался, но это не было культом или театральным действием, как на Востоке.

Умиляли, конечно, и некоторые ценники и аннотации, написанные от руки. Кто-то недавно вывесил образец подобного творчества в Интернете; лист картона, надпись от руки —

«ФЕЙХУЯ.
Палезная
от. Давленя
от. Сердце
от. Шитавитка
от. Сумашечих».

Я тут же вспомнил те самые церемониальные походы на рынок.

Мясные ряды. Туши целиком, мясо нарубленное, субпродукты. На прилавке лежат бычьи гениталии. На ценнике пояснение — «Бики яцо и ЭТО». Далее выложено непонятно что, какая-то бурая оплывшая кучка. В нее воткнут карандаш с бумажкой на конце. Надпись — «ИУМ КАРОВИЙ». Оказывается — мозги.

На рынок со своим товаром приезжали торговцы из восточной Грузии, Краснодарского края и Ставрополя.

Помню, продает живых кур кабардинка или черкешенка. Очень красивая, статная, немолодая уже, одетая, как и многие наши женщины, потерявшие близких, во все черное. Вынужденная, видимо, обстоятельствами торговать на рынке, делает это с выражением безмерного чувства собственного достоинства на лице.

У прилавка задержалась покупательница, местная селянка, русская.

Ей нужен петух-производитель. Выбирает одного, интересуется возрастом, родословной и так далее.

— Он мне нужен не для обеда, понимаете? Ваш петух топчет?

Хозяйка петуха хранит молчание, ибо ей придется отвечать на каверзный, немного аморальный вопрос. Да и русский язык она, видимо, знает плохо.

— Так топчет ваш петух или не топчет? — не успокаивается покупательница. Когда-то придется отвечать.

Набрав в легкие на всякий случай воздух, кабардинка, с тем же выражением лица, с достоинством, медленно и вятно, но с сильным акцентом произносит:

— Топчэт, нэ топчэт, мая пэтух нэ панимаэт, но э...ется вочень карашо!

В те годы уже действовал запрет на продажу на рынке домашнего спиртного и, как ни странно, свежей рыбы. Но кого в советские времена пугали подобные запреты! Втихую продавалось вино, чача и по сезону любая рыба.

И очень нравилась нашим друзьям «халява», то есть возможность попробовать все и в любом количестве. Не в смысле поесть «на халяву», сэкономить, не заплатить. Нет, их восхищала подобная «халява» как факт, как явление, как ин-

струмент общения людей. И уходили мы с рынка с полными сумками продуктов, тщательно отобранных и, естественно, оплаченных!

Когда я веду речь о наивных попытках фрондировать, то можно говорить о подчеркнутым противопоставлении удущающей хватке системы в пору тотального антисемитизма именно специфического, моментально узнаваемого, неповторимого, тонкого еврейского юмора.

И уж точно, сами шутки и анекдоты, озвучиваемые в полный голос, значительно отличались от привычных нам одесских. Ну, к слову, о Саре, предложившей соседу Абраму самое дорогое, что у нее есть. Себя, конечно. Абрам, очарованный фразой «самое дорогое», недолго думая, забрал велосипед.

Смешно, кто спорит!

Алаверды ленинградцам:

— Тиха писткнула калиткэ и вошел цар Бора Годуневич. И г-гаждане бояри, и эст ли Шуйсхер между тут? И товаг-гиш цар и тибе к тилефону, в Огужейную палату! И каму, минэ, чичас иду. У тилефона цар, русский цар. Говою по буквам: Циля, Абгам, Рувим с мягким концом...

Или:

— Бежит по пустыне арабский солдат, отстреливаясь из автомата от преследующего его израильского танка. Останавливается, опускает автомат. Из танка высовывается израильтянин и спрашивает, почему араб не стреляет.

— Кончились патроны, — отвечает тот.
— Да не беда, — продолжает танкист, — я же могу их тебе продать!

Разницу чувствуете? «Между танком и велосипедом»?

Народное творчество рождало не только тонкие, порой изысканные анекдоты, но и поговорки, басни, стихи.

Запомнились куски, фрагменты песни, переложенной на мотив популярных, полублатных «Кирпичиков». Речь здесь шла о любви, возникшей между египтянкой и израильским солдатом во время войны.

Там были, в частности, слова:

«...обманул всех седой генерал
(очевидно, еще и одноглазый),
И по камешкам, по кирпичикам, растащили
евреи канал (Суэцкий, естественно)».

Потом возникла любовь.

«...но узнал о-об этом Насер,
Написа-ал о-он жалобу
И послал ее в эсэсэсэр
“Помогите мне добровольцами,
Не сочтите вы это за труд...”».

Вмешался Хрущев, послал добровольцев, израильтянина убили.

У песни был грустный конец:

«На Синайском на полуострове,
Где зарыт израильский солдат,
Молодая-я египтяночка лила слезы
три года (а может, и не три)
Подряд!»!

Вопрос к людям старшего поколения, зрелым. И как вы это себе представляете: 1965 год, лето, верхотура «Амры», а оттуда разносятся по вечернему городу, по забитой гуляющими людьми сухумской набережной куплеты про то, как евреи, да не евреи даже, а израильтяне ненавистные, хоуи американские, Суэцкий канал наш дружественный растаскивают, по камешкам да по кирпичикам!

Фрондеры тоже мне! Прямо камикадзе какие-то!

Кстати, шутки от той же компании:

— Камикадзе — это летчик? А как назывался первый еврейский летчик?

— Жид порхатый!

— А полет его как назывался?

— Полет Шмуля!

А теперь обещанное экзотическое.

Ходил в те годы по городу босой человек крайне живописной наружности. Краснолицый, со включенными седыми волосами, одетый и летом и зимой в длиннополую военную шинель. Как он обходился без обуви, простите, не знаю, но без «горючего» явно не обходился, потому

был всегда готов за небольшой гонорар практически на все!

Уж как его наша компания приспособила под свои нужды, запрограммировала тематически, осталось загадкой. Результат же оказался ошеломляющим!

В условленное время, обычно вечером, когда весь город высыпает на набережную для ритуального моциона, у входа в «Амру» появляется босой наш герой и застывает в ожидании. Действо срежиссировано и согласовано заранее. Исполнитель ждет гонорара авансом и команды начинать. Для конспирации деньги, в сумме двух или трех тогдашних рублей, в пакетике, метко выбрасываются из толпы.

Далее привычная картина: пакетик поднимает тот, кому он предназначается, далее человек в шинели взбирается на парапет, оглядывается, убеждаясь, что поблизости нет милиции, прокашливается и начинает... «честить» советскую власть с момента ее установления и по текущий исторический момент.

Переходя на персоны, материт в самых изощренных, изысканных выражениях сухумской ненормативной лексики товарищей Хрущева, Сталина, Берию, «жидов Ленина и Троцкого» (совсем как у Бабеля), вспоминая не только их матерей, но и бабушек, двоюродных племянников, золовок и деверей, их рты, ушные раковины, внутренние органы и замочные скважины.

Иногда он входит в раж, не может остановиться, тогда достается уже и Розе Люксембург, и папе римскому, и псу империализма Франко, и доминиканскому диктатору, генералиссимусу Трухильо.

Доставив таким образом невероятное удовольствие организаторам-«подпольщикам», насолив хоть немного Системе, исполнитель отвечает собравшейся толпе церемонный поклон и удаляется с гордо поднятой головой, снисходительно кивая толпе, совсем как известный певец Марио Ланца в популярном музыкальном фильме.

Периодически я вспоминаю таких людей, как человек в военной шинели и на босу ногу. Понимаю, что подобные люди есть везде. В больших городах их, возможно, сотни. Но наши, сухумские, были постоянно на виду, доступные для общения, «встроенные» в структуру городской жизни. И каждый был уникален.

Помню, как один из них повадился ходить в парк им. Ленина, где обычно мы собирались пообщаться, поиграть в пинг-понг.

Жителя небольшого уральского городка судьба занесла на юг и оставила, как это бывает, без документов и без денег. Пришлось браться за поденные работы, нанимаясь к селянам. Видимо, жизнь на юге нашего героя устраивала, и он, как говорится, «завис». Возможно, он был в восторге от природы. И его радовала возможность почти

постоянного доступа к вину. Но и, что особенно приятно, ему нравился уклад сельской жизни в Абхазии, отношения между людьми, природная доброта и чувство юмора наших земляков.

Обнаружились в нем и некоторые актерские способности. Он прекрасно копировал акцент местных жителей, четко отличая речь абхазов от армян, мегрелов от греков, когда те общались на русском. Причем ему удавалось блестяще передавать тончайшие нюансы озвучиваемых текстов, находить безусловную изюминку. Так что походы в парк Ленина давали ему аудиторию, возможность для совершенствования своего дара, ну и... обязательное угощение за импровизированный концерт. А «творческих заготовок» у него было огромное количество. Он с легкостью запоминал понравившиеся тексты и, слегка импровизируя, доводил их до уровня маленьких шедевров.

Представьте себе человека средних лет, крепкого телосложения, достаточно хорошо одетого, с типичной внешностью славянина. Не просто типичной, а даже хрестоматийной, плакатной. Как иллюстрация из учебника по антропологии. Круглое румяное лицо, голубые глаза, волосы цвета пшеницы.

И тем более оглушительным был успех выступающего в парке актера, легко переходящего с чистейшего русского языка на повествование с ужасающим акцентом, характерным для представителя конкретной местной национальности.

Копировал абхазский акцент:

— Уара¹, Закан, сегодняшний радио слушал? Уара, диктор страшный вешш сказал, у адин человек карозия машину пакушал. Уара, эта мингрелцы совсем абнаглели, уара, уже живой машина кушают? (Слово «коррозия» напоминает здесь мегрельскую фамилию.)

— Мамо (нет), Азамат, про машина не слушал. Машина — эта эрунда. Ты мне скажи, что наши абхазцы на Африке хатят? Диктор про Африка рассказывал, патом стихи сказал: «Бил бы ум бы у Лумумба, бил бы Чомба ни при чем бы!» (Многие могут не помнить: Лумумба и Чомбе были конголезскими политиками. В начале шестидесятых социалиста, друга СССР Лумумбу, убили про приказу «империалистического наймита» Чомбе.)

Переходил на мегрельский вариант:

— Сматрел я на городе и на деревния. Ми, мингрелцы, меньше живиом на городе, чем на деревния. В аснавном ми деревианский люди. Но ми хороши люди. А на городе циганы многа, они у меня денги утащили. Клианус мамой, не людиа ани, не человекия, супта (чистые) ...лядия.

Гвоздем же программы, после ритуальных уговоров, после обещания дополнительного подношения, были стихи о новом советском гербе:

Вокруг — кукуруза.

В середине — Никиткино пузо.

¹ Обращение к мужчине.

Наверху — звезда.

Внизу — Катьки Фурцевой ...да.

Стихи читались уже без акцента и «срыва-ли», как правило, шквал аплодисментов, завершая программу выступления «народного чтеца».

Но бузотерничала «компашка» не постоянно, скорее даже редко. А вот серьезные разговоры о литературе, музыке, живописи, о культуре в целом велись постоянно. Обсуждались и внутренние, отечественные, события и персоналии, и то, что изредка прорывалось извне.

В те годы самиздата, по сути, не было. Но отдельные рискованные внешторговцы и дипкурьеры привозили иногда изданные за рубежом, запрещенные в СССР книги. Так удавалось прочесть Пастернака, Набокова, Гумилева, Мандельштама. Совсем отчаянные умудрялись «пообщаться» с Авторхановым, но за него, только за прочтение его книг, легко можно было укатить в Сибирь.

Игорь не распевал куплетов про молодую египтяночку. И любителем рассказывать анекдоты не был. Литература — вот его ниша, «конек», да простится мне эта вольность. И не важно, были ли разговоры теоретическими, концептуальными вообще или речь шла о конкретном авторе, конкретной книге, — тут равных Гельбаху не было.

Нещадно палившее в то лето солнце, казалось, полностью обесцветило и так светловолового Игоря, выплеснув на него весь свой запас перекиси водорода. И могло показаться, что и глаза под выгоревшими бровями стали бесцветными. Но до первого серьезного разговора о литературе.

Вот тут-то и загорались эти якобы бесцветные глаза мистическим каким-то светом!

Пересказывать те самые наши размышления о литературе — труд, поверьте, неблагодарный и непродуктивный. Эти строки пишутся, страшно сказать, в ДВЕ ТЫСЯЧИ ДВЕНАДЦАТОМ году! Всех, кого заинтересовала фамилия Гельбах, отсылаю в Интернет, там море информации о нем и его прекрасных, добрых книгах! Если повезет, купите! Советую!

Запомнился Игорь в то лето еще одной забавной, можно сказать, привычкой. Он по типу эстрадных мастеров буриме составлял четверостишия в качестве реакции на увиденное или услышанное. Конечно, на то, что стоило его внимания! Причем использовал в качестве стихотворной основы строфы (или слова) известных поэтов-шестидесятников.

И сюрреалистической, четкой картинкой засело в подкорке... Нет, не в подкорке даже, а где-то за веками глаз: Игорь на «Амре» вечером, комментируя диалог нашего друга Менаша с москвичкой Наташей, вроде как самому себе, но громко и четко декламирует:

В антикафе с анти-Наташей
Антисидит анти-Менашик...

Вроде ничего особенного, но неординарные люди, их разговоры, а скорее образ той конкретной вечерней тусовки не отпускает меня и по сей день.

Ярко освещенная терраса ресторана «Ам-ра», уже и не терраса даже, а кокон необычный, залитый изнутри ярким светом, заполненный людьми и подвешенный, непонятно как, в бесконечном пространстве иссиня-черной ночи.

И просится к этому воспоминанию, об Игоре и Андрее Вознесенском, дополнение, продолжение, но словами совсем другого поэта, Гарсии Лорки. Не по стилю, не по стихотворной форме, а так, ассоциативно:

...А за окном школы звездный полог!

И превращается уже тот самый кокон в белоснежный лайнер, отшвартовавшийся сказочным образом от берега и бесшумно плывущий в неведомое! Звезды вокруг, ибо тот, кто вывесил полог, еще и рассыпает звезды горстями, как светлячков мерцающих, во все стороны, не скупясь!

Море искрится, принимает щедрые подарки, и не разберешь уже, где вода, а где небо, и теплоход наш, как космический галеон, бороздит Млечный Путь, отсчитывая парсек за парсеком,

чтобы когда-то, через десятилетия, посетив другие галактики, Океанию и Святую землю, вернуться, успокоиться и найти пристанище в тихих заводях компьютерной клавиатуры.

Разъезжались наши гости — да не гости уже, а скорее родня, часть большой нашей общей ауры — в конце августа, дотянув до последних его дней. Уезжали — и это не фигура речи — со слезами на глазах. Привыкшие к шуму, многовекторности обеих столиц, к определенному ритму, уровню и укладу жизни, неожиданно для себя получившие в провинциальном курортном городке такое количество немислимых эмоций! Уровень образованности, интеллекта, объем знаний, свободомыслие и толерантность многих «аборигенов» удивляли и восхищали! Ну а чувство юмора местных друзей — ви би так жили!!!

Не знаю, возникало ли у кого-нибудь из этих ребят конкретное желание переехать в Абхазию, но город наш они с восторгом сравнивали то с Дубной, то с сибирским Академгородком. И это была в те годы безусловно высокая оценка, ибо только наукограды и были маленькими оазисами свободолюбия на громадных унылых просторах империи!

А чувство, что всем нам теперь будет не хватать друг друга, просто витало в воздухе!

С Игорем нас невольно разлучил переезд его в Австралию в конце восьмидесятых.

Вернулся же Блюм год назад международным телефонным звонком, а затем в марте 2012-го была слегка ностальгическая, но восторженная встреча с Игорем и его очаровательной женой Анжеликой в уютной квартирке, с видом на море, в израильском городке Бат-Ям.

Современные виды связи дают нам возможность теперь общаться в любое время суток.

А мне — получать профессиональные советы!

И Средиземное море напоминает порой родной наш Понт Эвксинский! Поверьте мне.

*

Ученые спорят до хрипоты, но не находят согласия, рассуждая о путях миграции народов, о явном, но необъяснимом сходстве ментальности, поведения, традициях людей, живущих в разных точках нашего общего «шарика», часто на расстоянии нескольких тысяч верст друг от друга.

Факт, что мы, сухумчане, любили итальянское кино. Особенно по душе нам были ленты, где действие разворачивалось на Сицилии. И если абстрагироваться от реальностей среды, то есть от ландшафтных и архитектурных отличий, то поведение героев, их логика, их поступки были настолько понятны и близки, как будто происходили рядом, со знакомыми или соседями.

И часто фразы, выражения из фильмов, пришедшиеся по душе, расходились моментально на цитаты!

Например: «Друзья наших друзей — наши друзья!»

Еще об одном АМРИТЯНИНЕ!

Мне предстояло выполнить несложное поручение Игоря Гельбаха — передать его новые израильские телефоны Руслану Джопуа-Пусе, с которым, так уж сложилось, мы не были знакомы. Можно было позвонить и продиктовать цифры по телефону.

Но встречи людей, как и браки, планируются в небесной канцелярии. Нам суждено было встретиться, познакомиться лично, и я считаю эту встречу подарком Судьбы.

Интеллектуал, знаток и ценитель литературы, человек с обостренным чувством такта и юмора высшей пробы, Руслан стал для меня не просто другом, а еще и наставником, своего рода гуру, в той авантюрной, по сути, «деятельности», которая захватила меня, все мои помыслы и все мое время. Я имею в виду попытки описать некоторые события из собственной памяти, связать их с историей города и поспособствовать сохранению ускользающего аромата сухумского живописного бытия былых времен.

Я очень внимательно прислушиваюсь к мнению и советам Пусе, на чей суд передаю ча-

стенкой сырой, направленный материал, чтобы потом возвращаться к изложенному, переделывать и менять текст, а порой, если необходимо, просто рвать распечатанные уже страницы.

И чем бы ни закончились мои «литературные» опыты, успехом или провалом, не так уж и важно! Гораздо важнее то, что называется чувством локтя друга. Еще одного настоящего друга, слава небесам!

*

Ну что, виртуальный сыр съеден, пора подавать десерт.

— Познакомьтесь, это мой друг Вова Делба, а это поэт Фазиль Искандер.

Так, достаточно обыденно, представил меня Дима Гулиа случайно встреченному в центре Москвы незнакомому мне темноволосому, спешащему куда-то человеку лет тридцати от роду. Незнакомец поправил непослушные, зачесанные назад волосы, немного прищурил глаза, протянул руку и улыбнулся.

Было это то ли в 1962-м, то ли в 1963 году.

Фамилию Искандер я уже слышал в Абхазии. О нем говорили как о талантливом журналисте и поэте. К сожалению, тогда я еще не был знаком с поэзией Фазиля, ну а проза... прозаик, писатель с мировым именем, Фазиль Искандер принадлежал пока еще грядущему!

Что мне, безусловно, запомнилось в момент знакомства, так это улыбка! Я не физиономист, но такая улыбка могла принадлежать только чистому, очень порядочному и безмерно доброму человеку!

В последующие несколько лет мы виделись в Абхазии, всего два-три раза, мельком. Но и при этом Фазиль успевал, улыбаясь, первым протянуть руку.

А тем временем писатель-прозаик Фазиль Искандер активно входил в советскую литературу, в жизнь читающей части населения огромной страны. Уже в Москве вышли сборники его рассказов, затем нашумевшая повесть «Созвездие Козлотура». Искандера с удовольствием печатали уважаемые в народе литературные журналы.

Я же, учась на художника в столичном вузе, увлекся графикой, пробовал иллюстрировать стихи и прозу.

Волка кормят ноги! Конкуренция в сфере книжной и журнальной графики в Москве была жесточайшей. Таланта и мастерства было недостаточно, чтобы пробиться. Нужно было ходить по издательствам, надоедать, искать свою нишу, постоянно предлагая все новые и новые работы.

Вот так однажды в пыльных, тускло освещенных, бесконечных коридорах издательства «Молодая гвардия» я встретил Искандера. Было это на стыке шестидесятых и семидесятых.

Я показал ему свои работы. Фазиль внимательно просмотрел все, что было при мне, ни слова не говоря, взял меня за рукав и увлек за собой. В кабинете какого-то издательского начальника долго убеждал того, что привел своего талантливого земляка, чуть ли не гения, которому необходима протекция. Буквально обязал чиновника снять трубку и позвонить главному художнику издательства.

Вот так благодаря Фазилю я получил пробное задание в одном из самых «продвинутых», как сказали бы сейчас, издательств Советского Союза.

Думаю, здесь сыграли роль природная доброта и желание помочь земляку. И надеюсь, что объективно Фазиль разглядел в моих работах нечто, некую «искру», позволившую ему с чистой совестью просить за меня!

В качестве временного отступления от сюжетной линии, но в рамках темы не могу не вспомнить еще одного нашего земляка с мировым именем — писателя Георгия Гулиа. Дядю Жору для меня, так как дружба с детских лет с Димой сделала меня вхожим в большую и дружную семью патриарха абхазской культуры Дмитрия Иосифовича Гулиа!

Дедушка Димы, как правило, работал в кабинете. Часто принимал писателей и поэтов Абхазии и приезжающих издалика гостей и подолгу беседовал с ними. Выходил редко, даже

еду ему иногда относили в комнату, дабы не отвлекать. Но тем не менее могу с удовольствием гордиться редкими случаями общения с удивительным этим, легендарным Человеком! Я робел в его присутствии, но это чувство быстро уходило.

Он был очень красивым человеком. Длинные волосы, пышные «старорежимные» усы, специфический прищур, добрый взгляд, неспешная и немного старомодная манера говорить, внимательность и доброжелательство очень располагали к нему. И конечно, безмерно добрая, умиротворяющая аура.

Все члены семьи Гулиа были заряжены какой-то немисливо мощной энергетикой Доброты. Казалось, весь дом пропитан ею. И если Дмитрий Иосифович как глава семьи, как мужчина был в известной степени сдержанным, то женщины даже и не пытались обуздать свои эмоции.

Бабушка Димы, Елена Андреевна, и мама, Татьяна Дмитриевна, просто светились от счастья, если удавалось сделать что-то приятное окружающим: напоить чаем, угостить чем-нибудь вкусным, поинтересоваться здоровьем близких, напутствовать какой-либо доброй фразой.

Как и все Гулиа, Георгий Дмитриевич был немного шумным, но безмерно добрым человеком. В те годы он, будучи известным советским писателем, уже жил и работал в Москве.

Как многие неординарные люди, Георгий Дмитриевич помимо писательского таланта обладал серьезными способностями художника. Он создал большое количество уникальных графических листов, причем пробовал себя в сложнейших видах техники, от офорта до литографии.

Увидев мои работы, опубликованные в Абхазии, в литературном журнале «Алашара», позвонил мне и «затребовал» к себе с рисунками. В «Литературной газете», где дядя Жора был заместителем главного редактора, в известной степени повторилась ситуация с Искандером и «Молодой гвардией». Только в данном случае Георгий Гулиа пригласил к себе главного художника газеты и молча передал ему мою папку.

Так мои рисунки появились в «Литературной газете», что само по себе удивительно и нетипично, ибо газета, в отличие от журналов, оформляется и макетируется совсем по другим принципам и иллюстрации к газетным публикациям — редкость!

К сожалению, в моих воспоминаниях Георгий Гулиа и «Амра» совершенно не связаны, ибо дядю Жору там я никогда не встречал. В отличие от Фазиля.

В середине семидесятых, летом, в зале Центрального аэровокзала, провозая на самолет отца, я столкнулся с Искандером. Он улетал в Абхазию этим же рейсом. С моим отцом они были

знакомы. Значит, им будет не скучно в дороге, подумал я, пожимая Фазилю руку.

Спустя несколько дней прилетел в Сухуми и я.

В этот же день согласно традиции мы с Димой Гулиа пошли в «Нарту», на аджарские пинерли¹, а потом, продолжая ритуал, переместились на верхотуру «Амры».

Фазиль сидел за столиком с друзьями, москвичами, как выяснилось позже. К сожалению, память не сохранила имен гостей. Но сохранила нечто забавное и, казалось бы, малозначительное. Мужчина и женщина. Жена, а может быть, просто подруга. Мужчина добродушен, слегка навеселе. Улыбается, рассказывает смешные истории. Глаза за бликующими стеклами очков не видны. Что-то порывается спросить, но, видимо, стесняется.

Наконец выясняется, что беспокоит гостя. Он не знает, как раздобыть стаканы. У него с собой бутылка коньяка, он мечтает тайно ее разлить!

Почему тайно? А как еще? В Москве, например, разливают под столом, на слух, по «булькам», рискуя попасть в милицию. Если, конечно, удастся добыть стаканы.

Подзываю официантку, прошу стаканы для НАШЕГО, ПРИНЕСЕННОГО с собой ко-

¹ Аджарский национальный пирог.

няка. Гость в ужасе! По привычке оглядывается, быстро разливая коньяк в чайные, тонкого стекла, стаканы. Успокаивается, только когда коньяк выпит. Теперь анекдоты сыплются из него как из рога изобилия, без перерыва. В момент секундной паузы успевает произнести:

— Ребята, у вас настоящий здесь рай, зачем же вы рветесь жить в Москве?

Никак не может поверить, что где-то можно свободно и безнаказанно «распивать принесенные с собой спиртные напитки», а может, очарован природой.

Количество же людей за нашим столиком увеличивается, постоянно приходит кто-то из местных друзей Фазиля, в конце концов приходится сдвигать два или три стола. Мы заказываем ресторанный коньяк, нам приносят, как часто бывало в те годы, виноградную чачу, подкрашенную чаем, в коньячных бутылках. Хорошо, что чачу, а не какой-нибудь технический спирт, как это делают сейчас.

И снова плывет в Звездном Пространстве веселый, шумный, ярко освещенный изнутри корабль по имени «Амра»!

Увы, но мне не довелось все последующие, бурные, быстро пролетевшие годы встречаться с Фазилем Искандером.

*

Ну что, заканчивается потихоньку виртуальное застолье моих воспоминаний, связанных с культовым местом, с целой эпохой славных событий, встреч, эмоций и уникальнейших Людей (именно так, с большой буквы), с АМРОЙ!

Самое удивительное, что слово это, явление это оказалось неожиданно знаковым и важным для меня, о чем я и не подозревал! И если я вначале сидел длительное время, «грызя карандаш» и не зная, о чем писать, то теперь борюсь с собой, со своими воспоминаниями, дабы остановиться и поставить, хотя бы временную, точку в повествовании.

*

Но мне хотелось бы вспомнить еще одного близкого человека. К сожалению, из длинного списка наших друзей, пересекших мрачную реку Стикс.

У нас, у «сицилийцев», южан, радость часто ходит рядом с грустью, и мы готовы смеяться даже сквозь слезы, вспоминая веселые проделки или высказывания людей, которых уже нет с нами.

Сюжет, требующий для себя бумажного пространства, несет в себе элементы детектива, триллера и боевика. В нем приобретет, хоть на время, плоть и снова будет жить, улыбаться, рассказывать анекдоты и кого-то подкалывать наш

друг, всеобщий любимец — истый сухумчанин, спортсмен, юморист, врач от Бога, один из самых заядлых АМРИТЯН — доктор Марлен Папава. Кстати, авторство слова «амритянин», если не ошибаюсь, принадлежит именно Марлену.

О Марлене можно написать целую книгу воспоминаний, где будет все. Драмы, интриги, победы, разочарования, мужество, честь, нежность. И конечно, искрящийся, бьющий фонтаном юмор. Достаточно вспомнить, как Марлен, с хитрой улыбкой, импровизируя, придумывая искрометные, лихие фразы и выражения, с присутствием его лицу богатой мимикой, рассказывает о детстве «тяжелом» своем.

Интрига в том, что в детстве мальчик Марлен... был девочкой! Нет-нет, и с физиологией и с психикой ребенка все было в порядке. Очевидно, родители после двух сыновей очень страстно мечтали о девочке. У моих родителей была похожая ситуация. Сохранилась фотография. На ней я, одетый, правда, в «мальчиковый» матросский костюм, изображен с... огромным белым бантом на светловолосой кудрявой голове.

С Марленом все было гораздо «хуже»!

Его постоянно одевали как девочку, да и прическа, очевидно, соответствовала. В детском садике «девочка Марлен» ходила, естественно, в девчачью группу. Я застал раздельное обучение, когда школы были мужские и женские. Марлена отдали в первый класс... женской школы. Как удавалось скрывать истину, понять трудно. Но

факт — скрывали. «Подлог» выявился спустя время. Если не изменяет память, при банальном медицинском осмотре. Именно тогда совершенно обалдевшая и потерявшая дар речи врач обнаружила принципиальное анатомическое несоответствие определенной части тела у ученицы младших классов!

История, которую вспоминаю я, началась в тот день, когда сокурсник моего соседа по Институту субтропических культур, кутаисец Амиран, предложил мне купить у него пистолет.

Шел 1964 год, за моей спиной были две неудачные попытки поступить в вуз, куда конкурс был до 120 человек на место. Я дорабатывал свой двухгодичный стаж, чтобы попасть на подготовительные курсы. До отъезда оставалось совсем немного времени, несколько недель.

Оружие я обожал с детства, не важно, были это чьи-то охотничьи ружья, спортивное или служебное оружие родителей друзей, к которому был доступ. Да и криминального оружия на руках граждан было, видимо, приличное количество, поскольку дети порой притаскивали в школу весьма солидные «игрушки».

Я очень любил разбирать и смазывать оружие, относясь к нему почти с нежностью, как к живому существу. Забегая вперед: пистолет, принадлежащий мне, я обязательно клал ночью под подушку.

Я неплохо стрелял. Еще в школьные годы, посещая секцию спортивной стрельбы ДОСААФ, выполнил так называемые юношеские нормы, первого спортивного разряда.

Удивительно, но при этом и в юношестве считал, и сейчас считаю, что стрелять в живое существо — страшный грех! Поэтому всегда был противником охоты!

Такой вот жизненный парадокс!

Предложенный мне за 50 рублей пистолет внешне находился в прекрасном состоянии, хотя и был изготовлен в тридцатые годы, еще до войны. Австрийского производства, фирмы STEYR, калибром 7,65 мм, он удивил меня своей уникальной конструкцией.

Многие мужчины, даже не державшие в руках оружия, знают разницу между пистолетом и револьвером. Постараюсь объяснить ее корявым языком непрофессионала.

Основная разница в том, что магазин для патронов в револьвере выполнен в виде круглого барабана. Для удобного доступа к нему, зарядки или замены основные типы и модели револьверов «ломаются». То есть верхняя часть (ствол) и нижняя (рукоять и барабан) соединены между собой подвижной деталью. Есть и простейший разъемный замок. Это несложное устройство и позволяет «ломать», то есть открывать, конструкцию, не разъединяя ее части полностью.

В пистолете же заряды хранятся в плоской обойме, вставляемой в рукоять. Так что вроде нет смысла «ломать» ствол. Но STEYR, очевидно, единственный в мире пистолет, где был механизм разъема по типу револьверного.

Что это давало?

Во время стрельбы из пистолета происходят иногда досадные неожиданности. Бывают осечки, перекосы патрона в стволе, невыброс патрона и так далее. Оружие на время выходит из строя. И от этого может зависеть чья-то жизнь.

У «австрийца» проблема решалась за секунды — открой ствол, вручную удали дефектный патрон. И продолжай стрелять.

Позже станет ясно, почему я мучаю читателя скучными техническими подробностями.

Пистолет я, конечно, купил. Причем, по сути дела, не глядя. Так что рассматривать внимательно мне пришлось предмет, уже принадлежащий мне. Механизм работал безупречно. Забегая вперед, скажу: путем несложных манипуляций я довел уровень «безупречно» до уровня «идеально».

Я знал, что в обойме всего три патрона. Но, когда извлек их и разложил рядком, оказалось, что к фразе «есть три патрона» нужно пририсовать вопросительный знак. Все три «изделия» были соответствующего калибра, но от разных моделей оружия и к тому же не заводские, а восстановленные кустарным образом из стреляных гильз. Никто не ведал, что там у них внутри.

Этот факт меня не слишком раздосадовал, ибо я знал, что делать. Я взял такси и поехал в Нижнюю Эшеру, на стрельбище. К Марлену. Он уже был известным спортсменом, чемпионом, мастером спорта и тренером.

Марлен, к счастью, был один. Я показал свое приобретение и попросил патронов.

— Не могу помочь тебе, как говорится, напрямую. У нас ведь только спортивное оружие. И патроны к нему совсем другие. Теоретически выход есть. Я дам тебе патроны от спортивного револьвера. У них другие параметры, но такой же калибр, как и у твоего «атапанджа» (пистолет, револьвер — на тюркском). Сейчас я нарисую схему приспособления для обжимки гильз. Нужно будет заказать на металлокомбинате специальные плашки. Я объясню, как извлекать пулю и капсюль, как обрезать гильзу, укорачивая ее... В общем, ты получишь полный технологический цикл и при определенной усидчивости навсегда решишь проблему с боеприпасами. Пока я буду чертить, вот ключи от кладовки, правая дверь. Револьверные патроны — на верхней полке.

— Марлен, я ничего не вижу. Тут стоят какие-то железные банки вроде тушенки, только большие, они запаяны, а патронов нет.

— Чудак человек, это патроны и есть, а контейнеры, которые ты обозвал банками, называются «цинк». Возьми один и закрой кладовку.

Легко сказать — возьми! Я еле-еле стащил тяжеленный контейнер со стеллажа и, чертыхаясь, дотащил до стола, за которым Марлен чертил для меня схемы будущих весьма полезных металлоизделий.

— И как же этого монстра распечатать?

— А зачем? Распечатаешь дома, это просто сделать, научу.

— Как же я дотащу ЭТО до дома? И сколько там, внутри, патронов?

— В «цинке» тысяча штук. Хватит, чтобы переколотить всю стеклотару Абхазии. Я подскажу тебе, куда безопасней выезжать на стрельбы, чтобы не попасться милиции или пограницам.

— Сколько, ты сказал? ТЫСЯЧА?! Да где мне взять столько пустых бутылок? Придется грабить пункты приема стеклотары! Или по совету гражданина Остапа Бендера объявить маленькую победоносную войну. Не Датскому королевству, конечно, а какому-нибудь Гондурасу, например. Можно, в конце концов, спровоцировать новую революцию в Мексике и помогать оружием повстанцам. Тем более, что есть кого внедрить в ряды революционеров, нашего земляка, таксиста Арташеса. Внешне он — вылитый Панчо Вилья.

В конце концов Марлен сам распечатал «цинк», переложил часть патронов в мешочек и вручил мне вместе с чертежами и инструкцией, описанием действий будущего великого ору-

жейного мастера. (Как выяснилось дома, патронов в мешочке оказалось немногим менее двухсот штук.)

К сожалению, ни оружейного мастера, ни даже подмастерья из меня не получилось. Как я ни старался, ни ОДНОГО патрона переделать мне не удалось. Но в процессе моих мытарств выяснилось одно неожиданное и приятное обстоятельство. Достаточно было обрезать, укоротить патрон вместе с пулей, и он благодаря «ломающейся» конструкции пистолета легко входил в ствол.

Таким образом я получил однозарядный, легко перезаряжающийся боевой пистолет, оснащенный спортивным, но крайне грозным боеприпасом. Правда, резко падала меткость оружия, ибо при обрезке свинцовой, без привычной оболочки, пули нарушалась ее центровка. Траектория пули при стрельбе становилась непредсказуемой, правда в допустимых пределах.

Встретив Марлена на «Амре», я постеснялся признаться в своем фиаско и сказал словами Хрущева, что леплю заряды согласно технологии как сосиски. Хрущев говорил, правда, о ракетах, причем врал... но это другая тема.

— А как насчет маленькой войны? — спросил, ухмыляясь, Марлен.

— О какой это войне вы ведете речь? — к нашему столу подошли два знакомых городских бездельника-«планакеша», нахохлившиеся, как

воробьи, под сырым зимнем ветром, с помутневшими от анаши глазами.

— Как это о какой? Сейчас все говорят только об одной войне, между Гондурасом и Мексикой. Пытаемся что-либо узнать, но официальная пропаганда молчит. — Тут же нашелся Марлен.

Не давая пришедшим времени вдуматься в услышанное, он выудил из кармана пальто польский женский журнал «Кобиэта и жиче». Кое-какие журналы стран СЭВ иногда продавались в киоске печати «Интурист», в гостинице «Абхазия».

— Вот, — продолжал Марлен, — приходил Резо Харчилава, принес заграничный журнал и перевел. Уже вторые сутки идут бои по линии Рио-де-Банза — Лос-Лебардес.

(Резо был переводчиком «Интуриста», полиглотом, знавшим три или четыре европейских языка. Правда, он не знал польского. Но его имя в сочетании со словом «перевод» действовало магически.)

— Смотрите, тут пишут, — скороговоркой, явно «заговаривая зубы» ошалевшим «торчкам», разъяснял ситуацию вошедший в раж прикольщик.

— Гондурасцы, поддержанные частями Югославской Народной армии, ввели в устье реки Рио-де-Банза новейшую подводную лодку, обстреляли мексиканскую военную базу, уничтожив несколько танков устаревшей конструкции, подаренных правительством Камбоджи.

Кайф от анаши у парней моментально улетучился, они смотрели на рассказчика округлившимися от ужаса глазами.

Марлена же понесло!

И только когда он, увлекшись, начал называть, на абхазском или мегрельском языках, типы применяемых технических средств; лодка «Амарьял» (Скорпион), БМП «Уремии» (Повозка, арба) или новейшие танки типа «Камбеш» (Буйвол), до несчастных слушателей, наконец, дошло.

— Вот мы идиоты, уши развесили! А он нас, как последних фраеров, разыгрывает! Какое еще Рио-де-Банза или Лебардес? Оно возможно и в Мексике есть или чуть правее. А у нас есть деревни Банза и Лебарде. Вот он нас и подкальывает. Сцорь ваворэк (Я не прав)?

— Сцорь рэк (Прав, конечно)! — парировал Марлен, — только не разыгрываю я вас, а пытаюсь всех развеселить, зима ведь, скучно и холодно. Кофе с меня!

У братьев Папава в жилах абхазская кровь мирно сосуществовала с мегрельской, потому и старшие, Вова и Заур, и младший, Марлен, прекрасно говорили на обоих языках.

Должен для справедливости уточнить. Тема абхазо-мегрельской войны сошла с острого языка моего брата Хозе как мимолетная шутка, разовый экспромт к конкретному разговору.

Пришлась к месту, понравилась, и тогда неутомимый мой брат стал импровизировать, создав некое подобие сегодняшних компьютерных игр со сложными, удивительно смешными описаниями боевых действий, многоходовыми операциями с военной техникой, названия которой доводили слушателей до состояния желудочных коликов. Городские хохмачи-юмористы моментально взяли эту тему на вооружение, и пошло-поехало...

В шестидесятые годы в самом страшном сне невозможно было представить, что слова «идут бои, линия фронта» станут когда-то реальностью на нашей земле. Поэтому для шуток и розыгрышей годились любые, даже самые фантастические темы. Важно было правильно, продуктивно и весело их преподнести.

До отъезда на учебу оставалось три дня. Друзья устроили мне проводы. Установившаяся в апреле погода была непривычно теплой даже для субтропического, ласкового нашего климата.

Небольшой компанией мы посидели в «Нарте», распили несколько бутылок вина, потом, на закате дня, катались на глассере. Казалось, что судно скользит по расплавленному металлу, серебру или олову, но вместо тигельного жара наши лица обдували свежие волны йодистого воздуха, струящиеся от еще непрогретого весеннего моря.

Уже стемнело, когда ребята стали расходиться по домам. Мы же с моим другом Раулем Шакая отправились на верхотуру «Амры».

Друг учился в музыкальном училище, прекрасно играл на пианино. Я очень любил слушать, как он играет, а порой мы даже пели в два голоса любимые песни. Вернее, пел он, а я подпевал.

Пьем мы кофе на террасе, а внизу, в ресторане, начинает играть оркестр. Поскольку мы слегка навеселе, мелодии снизу действуют как манок, как приглашение к «продолжению банкета». И мы, допив кофе, в очередной раз «меняем дислокацию» и перемещаемся в зал первого этажа. Рауль близко знаком с руководителем оркестра, тот машет нам рукой, в момент же музыкальной паузы мы достаточно тепло здороваемся со всеми музыкантами.

К моменту ухода оркестра на перерыв мы успеваем добавить к ранее выпитому еще пару бутылок вина.

— Рауль, музыканты свои ребята, у них перерыв, а давай-ка садись за фоно и споем по старой памяти в два голоса что-нибудь такое, душещипательное.

Сказано — сделано!

Не помню, что мы пели, только посетители стали дружно нам аплодировать! И вдруг на пике нашей славы со стуком распаивается служебная дверь за сценой. Из двери буквально вы-

летает с круглыми глазами один из музыкантов и несется к нам, отчаянно жестикулируя и пытаясь перекричать наш дуэт.

— Кто позволил вам, соплякам, трогать инструменты? Оторву головы... вашу мать!

Понадобилось несколько секунд шока, пока сознание полностью расшифровало смысл исторического крика лабуха, особенно последнюю фразу. Так и осталось тайной, что стало причиной безумной реакции на наше «творчество», тем более после дружеского нашего общения с оркестрантами.

Но это было уже не важно.

Добежав до нас, музыкант «наткнулся» на мою руку. Я был не мастак кулачного боя, попал обидчику в скулу, хотя целил в глаз. И конечно, не свалил его, а только остановил. Противник не ожидал удара и оказался на миг в коротком психологическом ступоре.

Не доверяя своим кулакам, я схватил с ближайшего столика нераспечатанную бутылку шампанского. Это было уже грозное оружие. Музыкант понял в долю секунды, что с ним может произойти самое страшное.

Его сдуло как ветром, унесло с криками о помощи в ту же самую служебную дверь. Через мгновение из двери появился директор ресторана.

Хума Байрамов, или дядя Хума, был очень уважаемым и достойным человеком. Учитывая

еще, что я дружил с его сыном, мне, конечно, пришлось умерить свой пыл и более или менее спокойно обо всем рассказать. Южане обычно не прощают оскорбление матерей, но я из уважения к дяде Хуме был готов принять извинения музыканта и забыть о конфликте.

— Хорошо, — сказал директор, — здесь ты прав, подожди немного, — и удалился «разруливать» ситуацию.

Но «разрулить», как ни странно, не смог. Оркестрант уперся и отказался извиняться перед мальчишкой даже под страхом увольнения, предварительно на всякий случай запершись в комнате отдыха.

Дяде Хуме осталось только развести руками.

Тогда перед директором извинился я за доставленные неудобства, попрощался и откланялся, перед уходом бросив Раулю, что пора нам идти домой. Думаю, что директор ресторана с облегчением вздохнул.

Перед входом в «Амру» стоял ресторанный автомобиль, «москвич»-пикап, крашенный в яркий голубой цвет. Водитель, высокий добродушный грек, сидел на пассажирском сиденье с прикрытыми глазами и слушал музыку.

Обе двери были открыты. Попросив Рауля подождать, я буквально впрыгнул на водительское место, запустил двигатель и уже в движении быстро произнес:

— Онести, брат, ничего не спрашивай, нужны пять минут твоего времени! До моего дома и назад, ты меня знаешь, поверь, так надо! Прикрой свою дверь.

Дома я выудил из тайника своего «друга-австрийца», сунул его под рубашку, за пояс, и вернулся в машину. Онести сидел уже за рулем, но, к чести его, вопросов мне не задавал.

Оставив Рауля снаружи, я вошел в ресторан. Подиум, сцена для оркестра, находился в противоположном конце. Так что мне пришлось топтать к нему через весь зал. Оркестр был на месте, работал мой обидчик, видимо, увлекся мелодией и меня пока не видел.

Не доходя до точки назначения примерно метров пятнадцать, я запутался в ковровой дорожке, споткнулся... и пистолет со смачным металлическим стуком вывалился из-за пояса на пол.

Музыкальные инструменты дружно «киксанули» и замолкли.

Наступила драматическая тишина. Мне казалось, весь зал, все посетители смотрят на меня. А может, так оно и было. Пауза, как и в спектакле, в данной ситуации была недопустимой.

И, как актер на сцене, демонстративно, по-театральному, я поднял пистолет с пола, перевернул затвор и, вытянув руку с оружием в направлении оркестра, быстро, но, как мне каза-

лось, с достоинством двинулся покорять оставшиеся метры.

Должен признаться, положение мое было не из лучших. За время, прошедшее с момента конфликта, винные пары частично выветривались, да и эмоциональный градус заметно понизился. Так что я очень четко представлял себе, что те самые оставшиеся метры пути до сцены стали, по сути, для меня дорогой Судьбы.

Стрелять в музыканта я бы не смог. Не стрелять — значило добровольно напялить на себя шутовской колпак, стать посмешищем для всего города. Был и третий вариант — стрелять для острастки, но не в человека, а мимо. Но стрельба в ресторане, в центре города, грозила мне очень серьезными неприятностями. Это значило, что вместо Москвы я уеду в противоположную сторону, в Драндскую тюрьму, и надолго. Билет в «воронок» уже ощущался в моем кармане, но без стрельбы у меня еще был какой-то шанс ситуацию поправить.

Необходимо было чудо!

Добрый волшебником, чудотворцем стал дядя Хума Байрамов, неизвестно откуда появившийся между мною и окаменевшим врагом моим. Решение он, я думаю, принял моментально и... попал в десятку.

Резко выкинув в моем направлении одну руку, что, как правило, заставляет любого человека на мгновение от неожиданности остановиться,

второй рукой вцепился в ухо моему обидчику и резко сбросил того со стула на пол. Прикрывая музыканта своим телом, не давая ни ему, ни мне опомниться, громко закричал:

— Балда, срочно извиняйся, срочно!

И пока поверженный лабух, жуя слова, начал мычать нечто невнятное, дядя Хума, оставив красное, как фонарь публичного дома, ухо музыканта, с победоносным видом, с широчайшей улыбкой, раскинув для объятий руки, перекрывая собой поле зрения, двинулся ко мне.

— Ну вот, я твою просьбу выполнил! Извинения получены, конфликт исчерпан, пошли к выходу. А игрушку убери, а то люди решат, что она настоящая. Помню, такую же привозил сыну Джемалу из Варшавы. Точная копия оружия.

До меня не сразу дошло, что своей импровизацией мудрый дядя Хума снимает ВСЕ вопросы и ПОЛНОСТЬЮ «закрывает» конфликт безо всяких для меня последствий.

Обнимая меня за плечо и слегка подталкивая к выходу, дядя Хума шепнул:

— А вот ты обещание не выполнил. Ты же сказал, что идешь домой?

— Клянусь всем святым, дядя Хума, как раз домой я и отправился после нашего с вами разговора. Или вы думаете, что я постоянно ношу с собой пластмассовые пистолеты? — с улыбкой парировал я. — А теперь могу поклясться, иду прямо домой, поверьте, и спасибо огромное за ВСЕ!

Мы с Раулем действительно не торопясь отправились в сторону моего дома. Но долгий теплый весенний вечер сюрпризов ну никак не хотел завершаться.

Шли мы вверх, по улице Фрунзе, часто останавливаясь. Уже совершенно спокойный, я без лишних эмоций посвящал Рауля в детали моего ресторанного блицкрига.

Очередная литературная пауза образовалась напротив Дома культуры, у парка. Внутри парка вела широкая дорожка, посыпанная гравием. На дорожке, метрах в десяти от нас, что-то эмоционально обсуждали, активно используя мат, четверо, судя по разговору, «поддатых» мужчин. Было каждому из них за сорок, к их разговору мы не прислушивались, но вряд ли они обсуждали чью-то диссертацию.

От группы отделился грузный, неряшливо одетый человек, пошатываясь подошел к мусорной урне метрах в пяти от нас, расстегнул пуговицы на ширинке и стал шумно, прикрыв глаза, мочиться в урну.

Хамство, совершенно нетипичное и потому особо возмутительное. Тем более что в парке был общественный туалет. Дядьку следовало бы наказать, но любое наше действие спровоцировало бы конфликт. Чего-чего, а конфликтов этим вечером нам уже выпало, как говорится, выше крыши.

Самым умным решением было уйти. Я потянул друга за рукав, но в этот момент глаза опо-

рожняющегося открылись, он оглянулся и впери́л свой мутный взгляд в нас:

— Что, бобики, не нравится? Скажите спасибо, мог бы поссать и на вас. А еще и уважить человека не грех, подержали бы для удобства мой «прибор».

Говорил он громко, приятели все слышали и отказать себе в удовольствии прокомментировать ситуацию не могли.

— Да вы не бздите, пацаны, он у нас добрый, он вообще у нас дюже мальчиков любит.

Никогда бы не поверил, что такое возможно в нашем спокойном и культурном городе, где этика поведения была не пустым звуком. Но в тот вечер то ли луна была в какой-то ненормальной фазе, то ли планеты не так выстроились. То ли этих ублюдков десантировали из другой солнечной системы.

Так или иначе, последние услышанные слова «снесли мне крышу».

Я рванул из-за пояса пистолет, сбросил с предохранителя и, почти не целясь, выстрелил под ноги троицы. Выстрел, как мне показалось, разорвал тишину с ужасающим грохотом, как будто стреляли из артиллерийского орудия. Мощная пуля со смещенным центром, ударив в гравий, подняла его фонтаном, как из жерла вулкана. Острые камни рассекли лоб одному из троих, двум другим раскровянили щеки. И са-

мих пересмешников превратили на время в каменные изваяния.

«Любитель мальчиков», также окаменевший, выпустивший из рук то, что предлагал поддержать нам, с отвисшей челюстью и остекленевшим взглядом продолжал мочиться на свои ноги.

— На колени!!! — непривычно громко взревел я.

Дядька как подкошенный грохнулся на асфальт, истекая мочой. Я же, продолжая бушевать, ревел, размахивая пистолетом:

— Постреляю, уроды!!!

Хотя, к счастью, патронов, у меня больше не было.

Но и одного выстрела хватило, чтобы превратить четырех «бравых» беспредельщиков в вялое, испуганное, «жующее соплю» стадо.

Несколько человек бежали в нашу сторону от проспекта Мира.

Милиция, подумал я. Не может же весь вечер везти.

Но Провидение и сейчас было на моей стороне. Первым подбежал Дима, личность, известная всему городу. Будущий криминальный авторитет, он и в молодости славился бесстрашием, авантюризмом и, при нескрываемой принадлежности к уголовному миру, обостренным чувством справедливости. Как бы противоречиво ни звучало подобное утверждение.

Трех слов и десяти секунд хватило Диме, чтобы понять ситуацию.

— Упорхните, и шустро. Потом с вами разберусь.

Четверка моментально растворилась в вечернем воздухе, словно и не было их тут никогда, только на асфальте поблескивала под светом фонаря небольшая пахучая лужица.

— Вова, сейчас менты нарисуются. Дай «волыну» Хачику, пацан «чистый», его не остановят, а тебя видели, вкладут сто процентов. Хачик принесет ее тебе домой. А сам вали отсюда, желательнее по темени. Разбегаемся.

Я, подумав, решил, что человек, выбирающий темные места, скорее вызовет подозрение у милиции. Было не поздно, на улицах было много гуляющих, я прошел по проспекту до горсовета, свернул на ярко освещенную улицу Ленина и не спеша направился в сторону горотдела милиции. Никакой суеты на улице не наблюдалось, никто не проявлял ко мне интереса, и уже через пять минут я подходил к воротам дома. Хачик ждал меня чуть в стороне. Убедившись, что я один, вышел из тени кипариса и передал мне пистолет.

Металл был теплым, как комочек некоей живой материи. Решение, которое я принял по дороге домой, было сродни предательству, убийству живого, близкого существа. Но другого выхода я не видел.

В дальнем конце нашего двора, между стеной соседского дома и оградой ботанического сада, с которым наш дом соседствовал, был небольшой лаз к берегу речки Сухумки, «канавы», как мы ее называли. Метрах в ста от дома, на территории сада, в ложе Сухумки было углубление, что-то вроде запруды. Глубина в этом месте достигала полутора метров, дно же из-за слабого течения внизу было затянато илом.

Вот к этой запруде я и пробрался тихонечко тем же вечером. С мерзким чувством, будто тепло живого котенка или щенка, бросил в центр запруды пистолет и мешочек с патронами и так же незаметно вернулся во двор.

Ночью не спал, все ждал визита людей в форме. Странно, но никто не явился. Обычно новости криминального содержания доходили до милиции с завидной быстротой. Я допускаю, что получив информацию об инциденте в ресторане, оперативники навели справки у дяди Хумы, и он повторил крайне убедительно свою версию о муляже.

На следующий день решил — была не была — пойти на «Амру».

Марлен пил кофе в компании хорошо знакомых ребят.

— Ну ты даешь! — восхищенно произнес он. — Я уж решил, что возобновились боевые действия в Гондурасе, и навел справки. Нет, слава Небесам! Твой музыкант оказался армя-

нином, а парковая компания была интернациональной, там даже был эстонец, но ни мексиканцев, ни гондурасцев там не было!

Про ночной поход к запруде я рассказывать не стал.

И хоть пока ничего в моей жизни не менялось, я решил не рисковать, что-то выдумал для родителей, собрал вещи и, не дожидаясь «законной» даты отъезда, вечером укатил на электричке в Адлер, а ночью улетел в Москву.

Юность заканчивалась, и с ней уходили в туман времени лихие сухумские приключения. Встречаясь с будущей женой, я, развлекая ее, рассказывал кое-какие истории времен детства и юности, смешные и острые. Когда, уже поживившись, мы приехали к родителям в Сухуми и Галя познакомилась с моими друзьями, она испытала шок, услышав все эти истории из их уст.

— Не обижайся, — сказала она мне, — ты так красиво рассказывал, но истории твои казались фантастическими, вымышленными. И я решила, раз мальчик так увлечен сочинительством, так пусть и выдает все за правду. Я же тебя всегда с удовольствием слушала, но предположить, что все было на самом деле?!

Ну конечно, можно войти в состояние шока, когда тебе показывают простреленный дорожный знак и поясняют, что твой муж в юно-

сти стрелял в знак в качестве протеста против советской власти, ибо знак был установлен незаконно, как считал твой муж, у здания технической службы КГБ, по капризу «конторы». А коль скоро комитет был основным столпом, опорой советской власти, то пуля, пробившая знак, была символически предназначена правящей Системе.

На самом деле претензий, а тем более ненависти к советской власти у меня не было. Я принимал ее как данность, без особых эмоций. Тогда.

Вот чего, а вернее, кого я ненавидел всей душой, так это Никиту Хрущева! Но стрелял не в КГБ как в Столп Хрущевский, а действительно в «несправедливый» дорожный знак. Тем более что у меня с КГБ связана довольно поучительная история.

Учился я в десятом классе школы. Слово «учился» в данном рассказе скорее фигура речи, чем соответствие изначальному значению слова.

Еще в восьмом или девятом классе я заявил, сначала родителям, а затем и директору школы, что со своим будущим я определился окончательно. Поступать буду в Академию художеств и соответственно не считаю нужным тратить время и нервы на изучение точных наук, следовательно, посещать уроки математики, химии и астрономии впредь не собираюсь.

Из списка отторгнутых предметов я исключил физику, ибо преподаватель предмета был

любимцем всей школы, удивительно добрым, отзывчивым, высокообразованным человеком. Петр Иванович — так его звали — через, казалось бы, убогую школьную программу давал нам огромное количество интереснейшей информации, связанной не только с физикой, но и с историей, литературой, географией. Его уроки я был готов посещать, как и прежде, с радостью.

Озвучивая свое решение директору школы, я сказал, что вынужден буду перейти в школу вечернюю, чтобы никого не подводить.

Директор, Вера Константиновна, тихая, добрая женщина, когда-то была студенткой моего отца, в бытность того директором педагогического института. (Почему-то в довоенные годы, в середине тридцатых, слово «ректор» не употреблялось.)

Отец же был личностью харизматичной. Обаятельным, мягким интеллигентом в общении, но жестким и бескомпромиссным администратором в вопросах успеваемости и поведения. Вера Константиновна обожала моего отца. И не только она. Удивительно, но даже студенты, которых отец безжалостно отчислял из вуза в общем-то за не такие уж и серьезные прегрешения, спустя десятилетия вспоминали его с уважением и теплотой.

Директор школы вздохнула и сказала, что вечерняя школа меня обязательно испортит, ладно уж, раз я ее крест, то она и понесет его дальше.

Таким образом, моя вольница была закреплена если и не законодательно, то почти юридически. И посещения школы стали для меня занятием совсем не обременительным.

К десятому классу я считал себя взрослым мужчиной. Рост мой достиг почти одного метра восьмидесяти сантиметров, ботинки я носил сорок третьего размера, брился и почти открыто курил. Старший брат разрешал мне носить его одежду, и я щеголял в элегантном заграничном плаще, модном шелковом кашне и в фетровой шляпе. И дружил с парнями старше себя года на два-три.

Собираясь за столом в праздники либо в дни рождения, мы, как и взрослые, придерживались застольных традиций, произносили положенные тосты и пили вино, иногда сверх меры. В состоянии опьянения меня, веселого и доброго юношу, иногда «переклинивало». «Красной тряпкой» являлось имя — Никита Хрущев.

Тогда я полностью терял чувство реальности, инстинкт самосохранения блокировался, и я мог, невзирая на опасность, в любом месте говорить... да нет, не говорить, а орать о своей ненависти к «любимому» персонажу.

Однажды Мария Николаевна, наш классный руководитель, вдруг попросила меня проводить ее. Ей было нужно попасть на улицу Энгельса, а это рядом с моим домом.

Неспешно, почти гуляя, мы шли в нужном направлении, непринужденно болтая, не как преподаватель с учеником, а скорее как взрослые интеллигентные люди, обсуждая прочитанные книги и новые фильмы. И находили большое количество совпадений во взглядах.

Прошли мимо моего дома и свернули на улицу Энгельса, где располагался «силовой блок». Уточнив, где МВД, а где КГБ, Мария Николаевна направилась к входу в здание госбезопасности. При этом попросив меня побыть с ней еще несколько минут.

Войдя в здание, объяснила дежурному, что НАС ждут в такое-то время, в таком-то кабинете. И на вопрос офицера, как доложить фамилию, внезапно ответила — ДЕЛБА. И пока я находился в некотором замешательстве, попрощалась и вышла из здания, оставив меня одного.

Через минуту по лестнице спустился незнакомый мне мужчина лет тридцати, в цивильном костюме, представился капитаном Габуния и проводил меня в свой кабинет.

В кабинете стояли два стола, один принадлежал капитану, за вторым просматривал какие-то бумаги майор Хацкевич, которого я немного знал.

Капитан, уважительно обращаясь со мной, предложил сесть, внимательно на меня посмотрел и начал говорить. Говорил он долго, очень убежденно, но совершенно неконкретно. Возможно, это был метод, прием. Может быть,

именно это непонимание, о чем идет речь, и должно было растревожить меня, утратить, сделать беспомощным в момент озвучения истинной причины моего вызова.

А пока его речь напоминала стандартную агитку, лекцию сотрудника доблестных органов на встречах с комсомольским активом предприятий или учебных заведений, что иногда практиковалось в те годы.

Он много говорил о том, что мы живем в тяжелое время, в окружении врагов, что души молодых людей могут представлять легкую добычу для различных империалистических агентов, если они не окрепли идеологически, ну и так далее. И что только благодаря нашей партии, ее мудрому руководству, комсомолу и органам правопорядка вражеская деятельность на территории страны, как правило, пресекается...

Он говорил, а я судорожно соображал, что можно использовать в качестве контрдоводов, объяснений своего поведения или хоть каких-нибудь оправданий. Ведь когда-нибудь он закончит и спросит прямо, почему это вы, юноша, школьник, комсомолец, разгуливаете в шляпе, с пачкой сигарет в кармане, да еще поливаете грязью уважаемого нашего руководителя, товарища первого секретаря ЦК КПСС.

Но когда капитан наконец назвал мне причину моего вызова, это стало для меня шоком.

Ни о каком Хрущеве речь и не шла. Габуня объявил, что меня в школе видели с пистолетом, что они, чекисты, предлагают мне добровольно, без последствий, его сдать, дабы не подвергать позору моих родителей, устроив обыск в их квартире.

Это в корне меняло ситуацию. Меня, правда, удивило, почему я вызван в комитет. Оружием вроде бы должна заниматься милиция? Ну бог с ними, в конце концов, так даже лучше. В милиции подобное интеллигентное отношение было исключено. Там можно было и по зубам заработать.

Я уже рассказывал, что мои одноклассники часто приносили в школу оружие своих родителей просто так, покрасоваться. Но не мог же я об этом говорить. Я бы предал друзей. К счастью, кое-кто из ребят владел спортивными, «стартовыми» пистолетами, которые оружием не являлись. Я без проблем назвал две-три фамилии, глядя чистыми преданными глазами в глаза капитана, зная, что возможная проверка только подтвердит мою информацию, причем она совершенно неопасна для владельцев пугачей.

Инцидент был практически разрешен. Я мог с чистой совестью перевести дух и собираться домой.

И в этот момент, очевидно чтобы подчеркнуть лишний раз серьезность заведения, в котором мы находились, капитан Габуня с суровым видом произнес:

— Когда о данном случае доложили председателю КГБ товарищу Пилюгину, он приказал арестовать вас и поместить в нашу внутреннюю тюрьму до конца расследования. Мы его отговорили, слава богу! Надеюсь, вы сказали нам правду и вопрос будет закрыт.

Какое-то время до меня доходил смысл сказанного. А потом меня «понесло». Что-то «перещелкнуло» в моей голове, и я потерял над собой контроль.

Мне очень хотелось сказать что-то очень обидное в адрес товарища Пилюгина, но мне мешала дружба с его сыном Иваном. Более того, я несколько раз бывал у них дома, был знаком с матушкой Ивана, супругой председателя.

Но и уйти просто так я не мог.

— Можно рассказать вам анекдот? — спросил я у чекистов.

От неожиданности они переглянулись, затем капитан кивнул головой.

— Так вот, обратился некто к врачу с жалобой на небольшое снижение мужской силы. Ну, врач и спрашивает, как часто у пациента происходят контакты с дамами. Тот, значит, отвечает, загибая пальцы на руке: ну, утром жена — два раза, по пути на работу подружка — еще один раз. Затем, в перерыв, секретарь — один раз, а вечером опять жена — три раза. Всегда было легко, а сейчас с трудом. «Конечно, — заключает врач, — станет тяжело при такой огромной на-

грузке на организм». — «Так это все от контактов? — удивляется пациент. — Не ждал такого заключения. Я по своей наивности боялся, что вы, доктор, раскритикуете меня за мое увлечение онанизмом». К чему я вспомнил анекдот? Да к тому, что со страхом ожидал совсем другого обвинения здесь, в этих стенах. Пистолет — это мелочи, даже если бы он у меня и был, ничего страшного не произошло бы. Но раз у председателя возникла оригинальная мысль меня посадить, я не могу лишить его удовольствия. Ваши предшественники обладали богатым опытом на этот счет. Конечно, ерунда, мелочь — посадить школьника, дабы утратить его, когда за плечами богатый опыт сажать людей миллионами. И не только сажать.

Если началу моей тирады чекисты внимали с удивлением, ничего не понимая, то теперь они смотрели на меня с ужасом!

— Так вот! — продолжал я, ибо не мог уже остановиться. — Ненавижу лютой ненавистью ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС НИКИТУ ХРУЩЕВА. Физически не перевариваю! Настолько, что готов публично плюнуть ему в лицо. Однажды, во время его очередного визита в Абхазию, даже намеревался выкрикнуть что-нибудь оскорбительное в сторону кортежа, только автомобили свернули раньше. И сегодня заявляю это официально! Но при этом прошу учесть, что, как и мой отец, свято верю

в коммунистическую идею, в партию, являюсь патриотом советской Родины! Хрущева же считаю случайным человеком, врагом партии и страны, ее разрушителем. Более того, уверен, что в скором времени партия найдет силы и вышвырнет, вычистит паршивца из своих рядов. И думаю, что ваша уважаемая организация окажет в этом благородном вопросе содействие партии! Можете доложить председателю, я закончил.

Чекисты еще раз переглянулись, затем Хацкевич собрал бумаги, сказал капитану, что срочно должен отбыть в архив, и вышел из кабинета.

В кабинете же воцарилась полная тишина. Вдруг стало отчетливо слышно журчание воды в канаве, протекающей рядом со зданием и носившей гордое имя речки Сухумки.

Капитан Габуня думал. Ему нужно было принимать решение. В конце концов он его принял.

— Какие планы на взрослую жизнь? — спросил вдруг капитан. — Знаю, вы рисуете, будете поступать? Решили куда? Сейчас у молодежи большой выбор, — продолжал он рассеянно, не дожидаясь моего ответа. Потом посмотрел на часы. — Пойдемте, я провожу вас.

Мы спустились вниз, на первый этаж, капитан пожал мне руку, открыл, как и положено было воспитанному человеку, входную дверь.

Я вышел в яркий, солнечный день, перешел через крохотный мостик через речку Сухумку, свернул налево за здание КГБ, пересек улицу и вошел в калитку своего дома.

Чекисты были, безусловно, умными и информированными людьми. Возможно, эмоции мальчишки, излитые им в запале, не являлись резонной причиной, чтобы портить ему жизнь. Тем более у них была полнейшая информация о благонадежности моей семьи. Даже периодические криминальные приключения моего брата Хозе государственной безопасности Родины проблем не создавали.

Или недовольство Хрущевым уже зрело в коридорах Системы. Не знаю.

Кстати, фамилия моей бабушки по материнской линии, Софички, была, как и у капитана КГБ, Габуня.

Короче говоря, доморощенная Фронда сошла мне с рук.

А Никиту Хрущева через два года с позором изгнали с «Олимпа»!

Спустя много лет, встретив моего школьного друга Костю Янулиди, наша классный руководитель Мария Николаевна призналась, что так и не смогла простить самой себе того давнего предательства.

(Увлекся картинками «героического» своего прошлого. Возвращаюсь к рассказу о Марленчике Папава.)

В последний раз мы виделись с Марленом в апреле 2010 года в Сухуми. Было тепло, я много, с удовольствием ходил пешком. Вот и в тот вечер я шел к «Брехаловке» от Красного Моста. На улице не горел ни один фонарь. Освещенная зона начиналась от администрации президента. На светлом фоне отчетливо читались силуэты мужчины и женщины, шедших навстречу. Но не было видно их лиц. Собственно, и им моего тоже, ибо я шел в почти полной темноте. Зазвонил мой сотовый, я ответил и был «опознан» по голосу.

— Это Володя Делба, познакомьтесь. А это моя жена, — произнес мужчина голосом Марлена. В тот мой приезд мы уже виделись двумя днями раньше, случайно, мельком.

— Может, по кофе? — предложил я.

— Мы устали, — ответил Марлен. — Завтра или послезавтра.

21 или 22 апреля, уже в Москве, мне позвонил земляк:

— Ты смотрел АпсныПресс? — спросил он. — Умер Марлен Папава. Инфаркт.

Недавно я случайно нашел в Интернете ролик. Видеотелеграмма, адресованная Марлену на «Амру», на второй этаж, но отправленная по-

сле его ухода в Вечность, с тем что смотреть ее будут уже только друзья.

На экране человек в белом медицинском халате, со стетоскопом, со знакомой застенчивой улыбкой и со знакомой же доброй хитринкой в глазах, рассказывает о своем пути в спорте, медицине, жизни. И кажется, посмотрит он сейчас прямо в объектив камеры и лукаво спросит: «Ну как там гондурасцы, все еще стоят с подводной лодкой на Рио-де-Банза или продвинулись к Лебарде?»

*

Абхазия издревле славилась гостеприимством. Но любое хлебосольство имеет временные границы. Нельзя сидеть вечно даже за самым щедрым и веселым столом. Когда-нибудь заканчивается любое застолье, гости расходятся, обнимая друг друга на прощание, в надежде встретиться вновь. Но новые встречи планируются только в Небесной Канцелярии.

Прерывается нить воспоминаний, начинает дуть сырой зимний ветер с моря, переворачивая пластмассовые стулья, срывая остервенело хлопающие брезентовые тенты. Скрывается в мелкой, как туман, соленой водяной пыли верхотура «Амры». И кто знает, когда рассеется туман, когда и кого сведет вновь Судьба на открытой террасе второго этажа.

Блом, философствующий, меланхоличный герой Игоря Гельбаха, как-то высказал предположение. Когда-нибудь, согласно законам природы, море отступит и «Амра» окажется, по сути, в центре огромной загнивающей помойки.

Но ведь мы учимся управлять силами природы. И иногда это получается. Нужно только быть упорными и добрыми. Тогда не уйдет море, тогда придут люди. Вставят большие светлые окна, выкрасят белоснежной краской стены, натянут новый тент на верхотуре, изваяют шаловливых дельфинов и укрепят их на фасаде «Амры» вместе со сверкающим солнечным диском.

И наполнится вновь терраса шумными, веселыми, задорными и красивыми людьми. И будет присутствовать незримо в их общей, единой ауре энергетика наших друзей, и снова будет плыть по волнам времени, в ароматах свежесваренного кофе, то ли океанский лайнер, то ли сказочная каравелла, то ли космический, межпланетный галеон, имя которому — АМРА!

МОЙ СТАРШИЙ БРАТ ХОЗЕ, РОЖДЕННЫЙ ПОД ЗНАКОМ СТРЕЛЬЦА

ДРУГИЕ ДЕЛБА, И НЕ ТОЛЬКО...

Рожденные под знаком Стрельца — это всесторонне одаренные люди. Они отважны и свободолюбивы, обожают риск, романтику и приключения, обладают огромной притягательной силой. Они получают удовольствие от физической опасности, имеют безошибочно точное суждение и интуицию, мгновенную реакцию.

Стрельцы — прирожденные игроки, великолепные рассказчики, пламенные трибуны. Они безусловные лидеры!

ПОЛЕТ ИКАРА

Хозе было восемь лет, когда на свет появился я, его младший брат. Уж не знаю почему, но рожала меня мама не в родильном доме, как это обычно происходит в городе, а в нашей квартире, на втором этаже уютного особняка, принадлежащего когда-то табачному фабриканту, на улице, носившей в те годы имя товарища Лаврентия Бери.

Дом был выстроен в начале века под явным влиянием французской архитектуры, двухэтажный, с мощной башней с левой стороны здания, возвышавшейся еще на один этаж, и огромной верандой, по всей длине фасада, на втором этаже. Перед домом был разбит небольшой ухоженный скверик с газонами, обрамленными узорными бетонными бордюрами. В центр композиции была вписана декоративная чаша фонтана с великолепно отлитой из бетона грациозной цаплей. Высокую, гордую шею птицы обвивала змея, из пасти которой струилась вода. К дому вела лестница с пятью или шестью ступенями из белого мрамора.

Внушительная площадь двора позволяла жившим здесь детям, а в основном это были мальчишки, затевать практически любые игри-

ща, от казаков-разбойников и лапты до футбольных матчей.

Вот и в тот солнечный майский день две команды, составленные из дворовой и окрестной ребятни, увлеченно гоняли по двору самодельный футбольный мяч. «Наши» проигрывали, когда из окна второго этажа объявили, что у Хозе появился младший брат.

— Перерыв, и хана вам, ребята. Сейчас схожу и приведу брата, уравняем команды, и тогда мы точно вас порвем!

Разочарованию не было предела, когда вместо мальчишки в футбольных трусах и ботинках, готового влиться в игру, Хозе показали крохотный пищащий сверток, почти невидимый на просторах огромной отцовской кровати.

При рождении меня нарекли Владимиром. Отец, будучи убежденным марксистом, настаивал на этом, ибо именно так звали его главного кумира. Мама и бабушка не возражали против православного имени, надеясь когда-нибудь тайно меня окрестить.

Откуда же появилось у моего старшего брата, рожденного в 1937 году, в городке Очамчира, в декабре месяце, под знаком Стрельца, столь экзотичное имя, более подходящее какому-нибудь испанскому гранду?

Возможно, Бизе со своим ревнивым капралом, поющим тенором в бессмертной опере, и страстями испано-кавказскими повинен в выборе имени?

Ну уж нет, надо было знать нашего родителя!

«Над всей Испанией — безоблачное небо». Эта фраза, прозвучавшая в передаче радиостанции Сеуты в июле далекого 1936 года, служила паролем, командой к началу военного переворота в Испании. Мятежный полковник Франко высадился с верными войсками на континенте, в порту Кадиса, и двинулся на Мадрид. Началась гражданская война.

Компартия Испании, которую возглавлял Хозе Диас, поддерживала республиканское правительство, а коммунистов, естественно, поддерживал Советский Союз. В 1937 году, во время визита в Страну Советов, Диас посетил Абхазию. Его революционная убежденность, интеллигентность и личное обаяние покорили всех, кому пришлось общаться с гостем, в том числе и нашего отца.

Именно поэтому при рождении мой старший брат был назван в честь выдающегося коммуниста-интернационалиста, генерального секретаря компартии Испании товарища Хозе Диаса.

Не знаю, каких кровей был товарищ Диас, но то, что в моем старшем брате было что-то от

аристократа, так это факт. Хорошее воспитание, серьезный багаж прочитанных книг, подчеркнутое уважение к старшим, внимание к женщинам, умение угадывать и находить достойное место в любой, по сути дела, компании, манера красиво и убедительно излагать свои мысли, гордо держа при этом голову и подчеркивая фразы элегантными, точно найденными жестами рук.

Руки! Ну да, руки для нас — особая тема. Руки моего брата изначально были предназначены кем-то свыше аристократу высочайшей пробы, они были «изготовлены» для патриция, и это бесспорно!

Какой-то неведомый скульптор-ювелир с огромным мастерством и ответственностью вылепил фаланги пальцев утонченной формы, соединил между собой суставами безупречных пропорций, снабдил миндалевидными матовыми ногтями, окрасил кожу рук благородной бледностью, не подверженной загарам, и только потом вдохнул в них жизнь.

Именно в руки, ибо они, ко всему, обладали свойством существовать сами по себе, отдельно, казалось бы, от остального тела, органично и элегантно.

Единственное, что портило это совершенное творение в зрелом возрасте, так это пожелтевшие от табака фаланги пальцев правой руки, указательного и среднего. Мой брат выкуривал такое количество сигарет, что умудрялся практически обходиться без спичек или зажигалки,

просто прикуривая новую сигарету от крохотного бычка.

Наверное, программа, созданная для этих рук, предполагала, помимо прочего, виртуозную игру на музыкальных инструментах. На клавишных, к примеру. Но программа дала сбой. Антикварное пианино «Беккер», привезенное из Германии нашим дядей Костей, военным хирургом, и подаренное родителям, страдало и медленно рассыхалось в одиночестве и тишине, изредка нарушаемой мамой, наигрывающей незнакомые грустные мелодии.

Следует, наверное, сказать, что и картежному шулеру также нужны особые руки, гибкие и быстрые.

Шулером мой брат, слава небесам, не был, но высочайшим искусством тасования карт условно владел. Сказалась лагерно-тюремная школа.

Иногда, чтобы позабавить нас, мелкоту, он показывал карточные фокусы «высшего пилотажа». Задачи уследить за тайнством движений не было, это изначально являлось непродуктивной затеей — все равно, что отслеживать ветер в листве деревьев, — а вот вовремя перевести дух было реальной необходимостью, чтобы продолжать восторженно, затаив дыхание, смотреть на ловкие и грациозные перемещения рук и карт в пространстве.

Знак Стрельца предполагает азартность, и Хозе с удовольствием и высочайшим профессионализмом играл в карты, причем предпочитал игры сложные, в которых серьезные и аналитически выверенные ходы сочетались бы с авантюрными, рискованными действиями, лежащими в поле эмоций и интуиции. И как правило, выигрывал.

Писатель Александр Потемкин, чья юность, как и моя, прошла в Сухуми, увековечил образ моего брата в одном из своих романов. В описываемой сцене герой, Хозе Михайлович, делает рискованную ставку в казино, поставив на кон свой раритетный «ягуар», выигрывает... и отдает, дарит выигрыш девушке, случайно попавшей в ВИП-заведение и спустившей по неопытности чужие, подотчетные деньги.

В казино Хозе, насколько мне известно, не бывал, во всяком случае не играл. Но действительно владел доставшимся по случаю раритетным авто «ягуар-совершен», на котором почти не ездил. Ценно то, что великолепный психолог и мастер пера Потемкин несколькими фразами высветил характер, суть конкретного человека, к которому в жизни относился с уважением и теплотой, а то, что мой брат мог поступить именно так, у меня сомнений не вызывает.

Помню, когда прочел этот фрагмент, тут же позвонил жене брата и под «большим секретом» передал информацию о якобы тайной страсти ее супруга.

— Ни за что не стал бы доносчиком, — говорил я ей, — если бы не шок от подобной новости и желание защитить вашу семью от финансового краха.

У невестки было все в порядке с юмором. Она ответила таким же заговорщицким шепотом, что и ей уже донесли доброжелатели о происшествии в казино, причем с огромным количеством пикантных деталей, с точной датой и поминутным хронометражем событий.

— Твой брат покаялся и обещал себя больше так никогда не вести, а учитывая, что во время всех указанных событий он находился в Абхазии и, следовательно, ни в каком казино быть физически не мог, то я, хорошо подумав, его простила!

Не возразишь против женской логики! Простила, хорошо подумав. Ну и слава богу!

Ну вот, я, видимо, увлекся и перескочил через несколько десятилетий.

Кстати, о прошлом и о голубой крови. И дед и прадед наши были крестьянами. Отец гордился происхождением и, будучи человеком образованным и интеллигентным, считал, что это заслуга исключительно советской власти, давшей возможность сельскому мальчишке получить высшее образование. Подобная убежденность вписывалась в логику большевиков, а отец был ортодоксальным марксистом (так он называл себя, и так было на самом деле).

Однако уже на склоне лет он вдруг рассказал мне легенду, красивую сказку (а может, быть) о корнях рода Делба, вернее, о происхождении нашей фамилии. Так вот, согласно легенде, были наши предки княжеского рода, жили в районе Пицунды и носили фамилию Цанба. Один из наших прародителей особо славился своим трудолюбием, справедливостью и гостеприимством. Был он человеком зажиточным, широким, известным всей Абхазии, и из многих сел и городов приезжали люди, чтобы побеседовать, пообщаться с ним и покутить в его красивом, всегда открытом для гостей доме.

Однажды, проведив очередных гостей, хозяин дома уехал по делу в соседнее село. Не успел стихнуть, как говорится, цокот копыт, как с противоположной стороны к дому подъехала группа всадников. Увидев незнакомых людей, хозяйка дома в соответствии с законами гостеприимства с подчеркнутым уважением встретила их, ввела во двор, усадила в тени ореха, поручила детям заботу о лошадях, а сама предложила подождать возвращения хозяина дома и попросила немного времени, чтобы накрыть на стол.

Согласно традициям, живность, подаваемая к столу, должна забиваться и готовиться перед застольем. Но ведь в доме совсем недавно принимали гостей, к приходу которых уже освежевали бычка, козу и несколько кур, так что кладовка была просто заполнена мясом прекрасного качества.

И тут усталая хозяйка совершила непоправимую ошибку.

В короткое время она накрыла стол, отвечающий самым высоким требованиям застольного этикета. Стол буквально ломился от различных яств и напитков и, конечно, получил бы заслуженную, восторженную оценку гостей, если бы не одно обстоятельство, которое, как надеялась хозяйка, сохранится в тайне.

Мясо, из которого готовилось угощение, было то самое, из кладовки, а не от животных, забитых только что.

Путники — а возглавлял их, как выяснилось, князь из дальнего района Абхазии, не веривший в рассказы о беспредельном гостеприимстве главы рода Цанба, — от еды картинно отказались, сели на отдохнувших лошадей и ускакали во свояси, громко порицая семью, проявившую к гостям столь неслыханное неуважение.

Вернувшийся домой князь застал растерянных домочадцев и бьющуюся в истерике жену.

Узнав о причине, потрясенный, он запряг телегу, усадил в нее жену и детей, открыл загон, выпустив всех животных, и поджег свой дом.

К пожарищу потянулись соседи с желанием помочь, но никого не допустил к дому его хозяин, пока на месте дома не осталось пепелище. И тогда жившие рядом турки, узнав о мотиве, двигавшем князем, стали выкрикивать на гортанном своем языке слова, означающие «без-

умец, сумасшедший», и слова эти по звучанию напоминали — Дел, Дела, Делаа...

Князь Цанба же с семьей перебрался в дальнюю, самурзаканскую часть Абхазии, в район Кодора, где и осел. Позже один из сыновей ушел по берегу моря в Очамчиру, другой — по берегу своенравной реки Галидзги вверх, к священной горе Лашкиндар.

Отсюда проросли уже новые ветви старинного, но теперь, по сути, крестьянского рода, да и фамилия стала со временем созвучной турецким словам, «прилипшим» к семье со времен пожара.

Так, согласно легенде, и возникла фамилия — Делба.

Не знаю, верно ли решение использовать в воспоминаниях слова, набившие оскомину частотой употребления, но штампам присуще отвратительное, коварное свойство залегать в подкорке человека, чтоб в один прекрасный момент неожиданно объявиться под видом свежей, оригинальной идеи.

Но что бы ни говорили, как театр начинается с вешалки (очередной штамп, но вроде как к месту), так и похождения нашего героя начинаются в моей памяти со двора, а вернее — с дома.

Итак, дом с башней, о которой я вскользь упоминал. Была она восьмигранной формы, в три полноценных этажа. Еще выше находилась надстройка, круглая в плане, меньшего диаметра, чем основная конструкция, увенчанная

кровлей из листовой жести, поднимающейся под крутым углом к центру, где композицию завершал довольно высокий деревянный шпиль.

Было мне, думаю, не более шести лет. В тот день я возился на веранде с деревянной лошадью, подаренной на день рождения, когда снизу, от фонтана, послышался негромкий, но настойчивый, зовущий свист.

Я перегнулся через перила. Скверик был как на ладони. Соседские мальчишки, ровесники брата и мелкота, скучковавшись, напряженно вглядывались в невидимую мне точку, куда-то вверх, в сторону башенного шпиля. Сосед с первого этажа Резо приложил палец к губам, призывая меня молчать, другой рукой явно звал вниз, к остальным.

Заинтригованный, я тихонько выскользнул из квартиры, крадучись преодолел лестницу и, буквально прижавшись к стене, стараясь быть невидимым, как разведчик из книги Фенимора Купера, перебежками добрался до детворы. Так же как и они, не понимая, правда, причины и сути их действий, задрал голову, глядя туда же, куда и все, но ничего интересного, нового для себя ни в небе, ни на башне так и не увидел.

Разочарованно опустил взгляд, не успев ни о чем спросить стоящих рядом сорванцов, как вдруг услышал странный, необычный резкий звук, как бы падающий с небес на сквер с фонтаном, на застывшую от неожиданности, ока-

меневшую, как бетонная скульптурная цапля, группку мальчишек.

Как будто кто-то там, на небесах, невидимый, но очень сильный, как сказочный Дэйв, ритмично стучал огромным молотом по куску железа или топал по кровле своими уродливыми ножищами.

И тут произошло неожиданное: звук резко оборвался, а в поле зрения на фоне нестерпимо яркой голубизны возникло отчетливо видимое, как бы хорошо прорисованное художником тело. Не небесное, не геометрическое, а реальное тело мальчика, подростка.

Очертания тела были статичны и очень красивы — вытянутые ноги, ровная спина, гордо поднятая голова и слегка разведенные руки, как крылья у птицы, в полете.

Он и летел, мальчик, перемещаясь непонятным образом в воздухе, на высоте, по сути, четырех этажей, оставаясь неподвижным, огибая башню по круговой траектории. Находясь как будто внутри неизвестного, полностью прозрачного летательного аппарата, сказочной невидимой капсулы. Он летел, и полет этот был загадочным, непостижимым и прекрасным.

— ХОЗЕ! — одновременно с ужасом и восторгом выдохнули «наблюдатели».

А брат мой, пролетев сектор видимости, исчез за кровлей, чтобы через пару секунд вновь быть на виду и парить, как чайка, на умопомрачительной высоте по той же траектории. Над

зелеными газонами, над чашей фонтана с философски замолкшей цаплей и оцепеневшими, пока еще дворовыми сорванцами.

От увиденного перехватило дыхание, во рту появился странный, сладкий вкус, ноги мгновенно стали негнушимися, онемевшими, хотелось сесть на траву, но не мог я оторвать взгляда от фантастической, наполнившей меня необычным восторгом картинки.

Только представьте: устремленная ввысь башня, как часть сказочного живописного полотна, ярко-голубое небо и фигурка юноши, мальчика, летящая по кругу, то четко видимая на фоне неба, то растворяющаяся в слепящих лучах яркого летнего солнца.

И сегодня картина эта стоит передо мной, как фотография высочайшего качества, со всеми графическими и живописными деталями, с теми же захватывающими дух эмоциями, стоит только прикрыть глаза и вызвать ее из памяти.

Но и сказки заканчиваются, да и события разные, самые, казалось бы, фантастические, имеют часто земное объяснение.

В послевоенные годы детские площадки в городских парках «культуры и отдыха» были оборудованы примитивными, изготовленными часто кустарно аттракционами.

У мальчишек популярностью пользовались так называемые «гигантские шаги». Установ-

ленные вертикально металлические или деревянные столбы высотой метра в три венчались колесом с подшипником в центре, насаженным на столб. К колесу привязывались веревки с петлей в нижней части. В петлю просовывалась нога, петлю же следовало подтянуть по ноге максимально вверх. А далее мальчик, обладающий навыками, разгонялся вокруг столба, в определенный момент резко отталкивался от земли и, держась за веревку, некоторое время парил по инерции на высоте по круговой траектории.

Вот такие «гигантские шаги» и соорудил мой брат Хозе на крыше башни, на ее шпиле, в тот самый солнечный летний день. Вот откуда этот сказочный полет по кругу. Грохот с небес? Это разбег по металлической кровле. А веревка на такой высоте просто была не видна.

И если я действительно вплоть до деталей визуально помню этот удивительный, захватывающий дух полет, экстремальный «подвиг» моего брата, то и по сей день не могу ответить на важные вопросы:

— Был он наверху один или кто-то ему «асистировал»?

— Как влез на башню, на самую ее верхотуру?

— Как установил вращающееся колесо на высокий шпиль?

А спрашивать Стрельца — Икара, — испытывал ли он чувство страха, взлетая над бездной

на ненадежной бельевой веревке, просто смешно! Пустая потеря времени.

НОСИЛЬЩИК ХАДЖАРАТ И СЕЬОР МЕСРОП

Не помню, была ли уже построена гора имени товарища Сталина, но помню место, где стоял автомобиль.

Ну, автомобиль — это слишком громко сказано. На самом деле грузовик, бывший когда-то машиной, представлял собой жалкое зрелище. В реальности сей агрегат являлся металлической рамой с кабиной и остатками деревянного кузова. В кабине с незакрывающимися дверьми, так как замки из них были вырваны «с мясом», чудом сохранились сиденья, покрытые толстым слоем отвратительной липкой грязи, ибо то, что когда-то было грубой кожей, под влиянием сырости медленно, но верно гнило.

Приборный щиток был разбит, из него торчали ржавые провода, а педали проваливались до пола, ведь двигателя под капотом не было, так же как и, естественно, тормозов. Но колеса были. На ржавых дисках, со спущенными «лысыми» шинами, но были. И было, что очень важно для нас, рулевое колесо, баранка.

Стояло это чудо техники на горе Чернявского, на обочине, чуть выше помпезной въездной арки в парковый комплекс имени Сталина, капотом, «лицом», в направлении

спуска, что так же важно для дальнейшего по-
вествования.

Гора имени Сталина — это особая, отдельная и захватывающая тема сама по себе. Строительство парково-архитектурного комплекса на большей части горы Чернявского началось на стыке сороковых и пятидесятых. Сама гора ничем примечательным не отличалась, кроме нескольких великолепных особняков-дач в средней ее части, возведенных еще в XIX и в начале XX века, в том числе известным краеведом Чернявским.

Верхняя же часть горы была невзрачной и «лысоватой», как ее порой обзывали горожане. Когда-то во время войны на горе стояла зенитная батарея, поэтому в густой траве местами угадывались остатки дороги, которой теперь никто не пользовался.

В моей же памяти ребенка гора четко запечатлелась и хранится по сей день в виде, образно говоря, двух картинок, фотографий необыкновенной четкости и яркости, а вернее, даже не фото, а видеоклипов, ибо не вспоминаю я, а вижу воочию то, что видел тогда, ощущая атмосферу, запахи и слыша голоса.

Клип первый — «Ад».

В тот вечер отец, которого мы практически не видели дома, так как госслужба сталинских времен предполагала работу на износ, почти без сна и отдыха, вдруг позвонил маме и предложил присоединиться к нему, посмотреть, как идет

строительство фуникулера. (Кстати, хотя фуникулер на горе Сталина так и не был построен, это неизвестное многим, непонятное, но красивое слово запомнилось, пришлось «ко двору», и часто после окончания стройки жители города называли парк на горе именно этим словом — фуникулер.)

Асфальт заканчивался как раз рядом с бывшей дачей краеведа, а дальше начиналось то, что я и воспринимаю эмоционально как образ первого клипа.

К вершине вела временная дорога, укатанная колесами самосвалов. Вечернее, уходящее за горизонт солнце будто пыталось поджечь, опалить гору своими злыми оранжевыми лучами, но только окрашивало один из склонов тревожным цветом зарева. Длинные черные тени рельефа только подчеркивали ощущение пожара. Остальная же часть горы оставалась в тени, окрашенная в фиолетово-коричневый цвет.

Вся поверхность была полностью очищена от какой-либо растительности. Над землей клубились облака пыли, поднимаемые в небо колесами и гусеницами строительных машин, сотнями человеческих ног, ибо сотни людей возились в тот вечер на горе Чернявского в фиолетовой пыли, почти в этой пыли невидимые. Рев моторов, выкрики рабочих, беспокойный, бегающий, рванный свет прожекторов и автомобильных фар, выхватывающих из пыли и темноты то неясные

человеческие фигуры, то очертания ползающих по склону гигантских железных монстров, напомнили мне кадры из виденного недавно фильма. И в кино так же клубилась пыль и так же хищно шарили по экрану лучи света, только в фильме какие-то матросы штурмовали крепость, а из бойниц их косил губительный огонь вражеских пулеметов.

Мне было очень жаль храбрых матросов, бесцельно погибающих у стен крепости, и я рыдал так искренне, что моей няне пришлось сроч-но эвакуировать меня из кинотеатра.

Здесь, на горе, мне было еще страшнее, хоть никто из пулеметов не стрелял. А вдруг? Ведь это не кино! И не спасут от пуль толстые стекла «линкольна», предусмотрительно поднятые шофером Арутом. Я физически ощущал, как сводит мышцы лица в районе рта, а это был верный признак неминуемого рева.

И в этот момент я посмотрел на брата. Его лицо светилось восторгом, глаза блестели, он буквально засыпал отца вопросами о строительной технике, мощности бульдозеров и экскаваторов, производительности самосвалов, маршруте и конструкции подвесной дороги, или фуникулера.

Восторг передался мне. Я почувствовал себя защищенным рядом с отцом и старшим братом. И я пересилил страх. Мышцы лица вернулись в нормальное состояние, стресс ушел. Пожалуй, это была первая в моей жизни осознанная победа над самим собой. Благодаря брату.

Тем не менее увиденное и пережитое в тот вечер на горе Чернявского в более позднем возрасте вошло в мое сознание как прямая ассоциация с преисподней.

Клип второй — «Эдем».

Уму непостижимо! Потрясающе! Рукотворный рай!

Понимание это пришло, а вернее, вошло в меня, как ни странно, не в день торжественного открытия «объекта», тогда я был, видимо, еще мал, а гораздо позднее. Спустя несколько лет. Отец уже не был на госслужбе и мог уделять больше времени семье.

Как-то раз он взял меня за руку и повел на гору, которая к этому времени называлась уже просто Сухумской, прогуляться.

Мы медленно поднимались вверх по тенистой, идеально гладкой асфальтовой дороге. Шли мимо обшарпанных старинных особняков, давно превращенных в коммунальные жилые дома. Миновали своды белоснежной въездной арки, поддерживаемые псевдогреческими колоннами, и оказались как бы в зеленом коридоре. А вернее, в трубе диковинного калейдоскопа, в котором разноцветными яркими стеклышками спорили между собой, переливаясь всеми оттенками зеленого, серого, фиолетового, голубого цветов, вперемешку с солнечными лучами, кроны экзотических деревьев. Стволы их тянулись вверх, к высокому небу, из густой травы и подстриженных кустов самшита. Легкий теплый

ветер разносил над дорогой густые незнакомые ароматы листвы и цветов.

Мной овладело странное чувство, ощущение восторга и нереальности происходящего, какая-то пьянящая эйфория. (Забегая вперед, могу сказать, что-то похожее я испытал несколько лет спустя, впервые в жизни выкурив папиросу с анашой.)

И пока мы шли в гору под шелест листвы, отец, показывая на то или иное дерево, увлеченно рассказывал, из какой заморской страны его привезли специально для города, как оно приживается в нашем климате и, главное, как оно называется на латыни.

Eucalyptus cineria, buxus sempervirens, cinnamomum camphora.

Эти названия воспринимались мною как музыка, как гимн, как ода рукотворному великолепию сему. Меня распирало от гордости, что именно мой отец, чью руку я с волнением сжимал, не просто причастен к чуду, сотворенному людьми на горе Чернявского, как один из его организаторов, но может так увлекательно и профессионально рассказывать обо всех нюансах строительства и обустройства комплекса.

Особенно поразил меня рассказ о том, как, чтобы избавиться от «лысости» горы, ее, гору, ВСЮ, выложили дерном! Несколько сотен тысяч, я думаю, квадратиков земли с высаженной травяной рассадой выкладывали ВРУЧНУЮ!!!

Нужно сказать, о методах строительства комплекса ходило много слухов: и заключенных якобы нещадно эксплуатировали, да и местное население рекрутировали по принципу трудовой повинности.

Насчет заключенных данными не располагаю, но помню рассказы старших своих родственников и фотографии того периода.

Помню улыбающихся тетешек своих в кузове грузовика в спортивной одежде, с лопатами в руках, отбывающих на строительство. И помню, что записаться в строительные отряды, со слов старших, было честью и почетной обязанностью для горожан.

Именно тогда, в голодные послевоенные годы, город стал преобразоваться, именно тогда построили драмтеатр с экзотическим фонтаном, филармонию, обустроили набережную, привели в порядок скверы и парки.

Слово «город-сад» в те годы не было метафорой!

И это уже потом, в эпоху так называемой хрущевской «оттепели», в более сытое и благополучное время, появились безликие серые коробки, которыми бессистемно засоряли пространство. «Хрущобы» низвели бы цветущий курортный город до уровня какого-нибудь пыльного степного Целинограда, если бы не море и природа.

А верхняя часть «Эдема», с великолепными каскадами белоснежных каменных лестниц,

с фонтанами и беседками, рестораном, кино-театром, смотровой площадкой, с которой открывался удивительно красивый вид на город, несколько лет считалась главной достопримечательностью.

Всех высоких гостей обязательно возили на Сухумскую гору. Дважды я видел Никиту Хрущева с расстояния в несколько метров в открытом ЗИС-110. Генсек спулся в город с горы по нашей улице, носящей уже имя Ильи Чавчавадзе. Первый раз — с шахиншахом Ирана Резои Пехлеви и его красавицей супругой, второй — с Фиделем Кастро.

Но в последние десятилетия «Эдем» медленно умирал.

Пресловутое театральное ружье обязательно стреляет. Помните полуторку, стоящую на горе, без мотора, тормозов, но на колесах?

Хаджарат работал носильщиком на вокзале. Небольшого роста, сублильный и сутулый, тихий, незаметный человек средних лет. Не воевал, ибо не прошел медицинскую комиссию, хотя, как говорили соседи и друзья, на фронт рвался. Но сильнейшее косоглазие и укороченная в результате детской травмы нога шансов уйти на фронт не оставляли.

И Хаджарат, как часто бывает в подобных случаях, закомплексовал.

Свои горести и переживания носил внутри, с завистью поглядывая на ордена и медали воювавших сверстников, тайно им завидуя.

Но все это — до первого стаканчика чаи. Спирт действовал на Хаджарата, как волшебный эликсир, снимающий на время, как лягушачью кожу царевны, привычную, но ненавистную телесную оболочку носильщика багажа.

Метаморфоза, происходившая с Хаджаратом, производила неизгладимое впечатление даже на людей, наблюдавших ее достаточно регулярно.

Хаджарат не любил шумных и долгих застолий, витиеватых тостов и занудных пьяных разговоров, но и пить в одиночку считал ниже своего достоинства.

Из-за стола поднимался обычно, не извиняясь, после одной-двух рюмок уже совершенно другим человеком. Ровная прямая спина, гордая посадка головы, мягкая, танцующая походка, решительный и задорный блеск в глазах...

Поразительно, но уходило куда-то косоглазие, да и поврежденную ногу будто вытягивал, исправлял на время неведомый волшебник.

Теперь же новому Хаджарату, сбросившему чуждую «лягушачью» кожу и ставшему, очевидно, Хаджаратом истинным, требовалось, образно выражаясь, «продолжение банкета». Правда, совсем не в общепринятом смысле этого слова.

Хаджарату было необходимо совсем другое, не застольное общение, ему была нужна публика, аудитория!

И если гора не шла к Маго... простите, к Хаджарату, то сам Хаджарат запросто «ходил к горе», подыскивая себе тех самых слушателей. Как правило, на плохо освещенной вечерней набережной, обычно пустынной в «мертвый», некурортный сезон.

Высмотрев подростков, гуляющих, как правило, «стайками», наш герой неожиданно возник из темноты, постоянно оглядываясь, как будто агент ГБ майор Пронин, избавляющийся от «хвоста», и знаками увлекал парней в сторону от бульвара, прижав палец к губам. И уже в безлюдном месте заинтригованные по первому разу мальчишки узнавали...

Тут надо добавить, что Хаджарат, будучи от природы умным и сообразительным человеком, много читал, был внимательным и благодарным слушателем, а если учесть, что проживал он в районе между вокзалом и поворотом на Маяк, застроенном бараками, то есть в самой криминогенной точке города, то можно представить, какие только истории, от леденящих кровь до романтических и отчаянно смешных, не крутились у него в голове.

Поэтому в его вечерних «упражнениях» не было штампа, он все время импровизировал, как хороший джазовый музыкант. И только одна тема была обязательна. Но об этом чуть позже.

Итак, заинтригованные парни, вначале «приведенные к присяге молчания», узнавали, к примеру, что загадочный дядя не кто иной, как легендарный бандит, «вор в законе», грабитель эшелонов по кличке Сипа (он же Народный Комиссар, он же Маляка).

И что у него «наколка» (наводка) на дело о десятках миллионов. Мол, из Тбилиси в Москву отправляют вагон золота, вывезенного еще в годы войны из Персии. В Сухуми, мол, поезд будет стоять только три минуты, чтобы залить в паровоз воду. Этого времени достаточно «для хорошего дела», но ему, Сипе (Наркому, Маляке), требуется для ограбления команда единомышленников, «ерликов», смелых и рискованных.

— Пацаны, вы не бздите, у меня все подготовлено, лайба (авто) и хаза, в натуре, оружия валом, дам вам «шмайсера» и пару «воробелов», век свободы не иметь, пишитесь, короче, пока я добрый, не то вы же в курсе дела, валить вас придется. — Затем Хаджарат опускал правую руку в карман пальто и, выдержав небольшую паузу, начинал заразительно хохотать.

Дав окаменевшим от ужаса мальчишкам немного прийти в себя, сплотив их вокруг себя, снова продолжал доверительно-заговорщицким тоном, но с другим тембром голоса и совсем в других выражениях:

— Это я вас, ребята, проверял. Знаете, есть у нас, у чекистов, метод такой — будущих разведчиков готовить сызмальства, устраивать

проверки всякие. Я-то знаю, все вы парни надежные, комсомольцы, но порядок есть порядок. Теперь-то вы проверку прошли и я могу смело записать вас в молодежный отряд содействия органам, сокращенно — МОСО, слышали о таком? А насчет вагона с золотом и плана Сипы — все истинная правда. Захват или уничтожение банды Сипы и будет вашим первым заданием, понятно?

А насчет оружия не беспокойтесь, получите из спецарсенала автоматы ППШ и пистолеты ТТ. Ну а сейчас тихонечко, по одному расходимся, встречаемся завтра, в четыре утра, у павильона «Голубой Дунай», в устье Беслетки, пароль — «АФЫРТЫН» (что в переводе с абхазского означает — буря, ураган)!

И уже полностью обалдевшим, потерявшим дар речи подросткам, подняв правую руку, как бы отменяя предыдущий приказ об осторожном, тихом расходе, прокашлявшись, почти театрально поставленным голосом, с неожиданно появившимся сильным акцентом, объявлял, что и второе задание было проверочным, невсамделишным. И что не Сипа он, не чекист тайный даже, а вообще тут уж никому ни слова, ибо тайна открывается великая:

— Хаджарат я, Хаджарат Кяхба, знаете так-го? А если лицо не узнали, ура, значит, харашо, так и должен бить. Радуйтесь, ура, ни каждый ден так на жизнь павезет, что сам Кяхба Хаджарат вам на дарога встретитца!

Рассказывая о Хаджаратовых забавах сегодня, в двадцать первом веке, все ждешь — вот сейчас уже наверняка нашего джигита поколотят за его шутки.

Но в те далекие годы это было исключено полностью, ибо на самого гнусного и отвратительного человека, но пожилого, в возрасте, никогда не поднялась бы рука подростка. Да и наш герой был, видимо, от рождения прекрасным психологом и латентным режиссером, умея правильно, вовремя расставлять эмоциональные акценты в своих импровизированных спектаклях, в силу чего заканчивались они обычно дружеским смехом.

Хаджарат же Кяхба, настоящий, жил в начале прошлого века, в дореволюционные времена. Был он бандитом, абреком, но при этом человеком добрым и справедливым. Бедных не обижал, наоборот, раздаривал частенько награбленное у князей и купцов.

Этакий Робин Гуд абхазского разлива.

Советская пропаганда впоследствии романтизировала его образ, превратив неграмотного крестьянского сына в высокоидейного революционера-большевика. О нем написаны книги, создан фильм «Белый башлык», его именем назван небольшой теплоход.

И вот теперь наш Хаджарат, фамилия которого была совсем не Кяхба, с упоением рас-

сказывал успокоившейся вконец публике, как создавал он революционные боевые группы «Киараз», как возглавлял, вместе с Нестором Лакоба, подпольную партийную ячейку, как брал с боем Сухум весной двадцать первого...

— Но, дядя Хаджарат, в книжке написано, что враги подло убили вас еще до советизации, — пытались вмешаться в канву повествования читающие акселераты.

— Уара, эта бил гасударственный тайна, меня направил абком на другой участка, и кроме вы, уара, не один чалавек не знает, что я, уара, живой. Сейчас в Испания руководит собака, пес империализмы, фашист Франко. Меня, уара, тайно пашлют в Испания, на партизанский вайна, уничтожить гаду, — доверительно произносил джигит, как бы проходясь пальцами по газырям воображаемой, белой очевидно, черкески.

И именно Хаджарат Кяхба и его революционные приключения являлись обязательной темой каждого «выступления» нашего героя. И заканчивал их он одинаково: просил слушателей приподнять его и водрузить на основание фонарного столба. Возвышаясь над остальными, Хаджарат начинал с чувством декламировать стихи:

На гора Шамил стаял,
Шашка, пушка и кинжал
На адын рука держал.
А внизу народ стаял.

Ах какая маладца,
Уара, красный армии байца.

Потом Хаджарату аплодировали и снимали его со столба.

Представление было завершено, и наш герой, так же как и в начале истории, прижав палец к губам и постоянно оглядываясь, нет ли «хвоста», потихоньку уходил в темноту, чтобы через миг полностью с ней слиться.

А еще чуть позже вдали можно было разглядеть сутулого согбенного человека, с трудом волочившего деформированную, большую свою ногу.

Чача выходила из организма, часы били полночь, карета превращалась в обычную тыкву.

Так что же, в конце концов, с ружьем, которое должно выстрелить?

В тот день слегка накрапывал теплый летний дождь. Во дворе, на скамейке под персиковым деревом, защищавшим от дождя, сгрудились несколько подростков. Шло заседание Малого Совнаркома, Высшего технического совета, не знаю, чего еще, но знаю, что обсуждались вопросы технические, в смысле — связанные с техникой, и крайне экстремальные. Вел заседание мой брат Хозе.

Обсуждение было бурным, против доводов выставлялись контрдоводы, одни расчетные циф-

ры опровергались другими, но в конечном итоге консенсус, видимо, был достигнут, все облегченно вздохнули и обменялись рукопожатиями.

Затем послали соседского парня за инструментами и, дождавшись, той же группой вышли из ворот на улицу и направились в сторону горы Сталина.

Прошли квартал вверх по улице, как вдруг из переулка... сам Хаджарат Кяхба Истинный навстречу, с ровной спиной, в белой, но невидимой черкеске, с серебряным наборным поясом, при кинжале, конечно, и даже с «атапанджа» (револьвер, как правило системы «Смит энд Вессон», огромного размера. Был разрешен царским указом для ношения с национальным костюмом). В соответствии с любимыми Хаджаратовыми стихами, ему, как Шамилю, не хватало лишь шашки и пушки, виртуальных, как и весь остальной реквизит.

Как занесло его, в рабочее время где-то уже принявшего «эликсир», в противоположную от вокзала часть города, так и осталось загадкой для потомков.

При виде подростков глаза у Хаджарата Истинного, как всегда, засветились изнутри предвкушением грядущего спектакля.

Но в этот дождливый, теплый день козырная карта из колоды Судьбы выпала не в на-

труженные руки революционера-носильщика, а объявилась в более подходящих, видимо, гибких, аристократических, еще без табачного следа руках моего брата Хозе.

План действий у Хозе, я думаю, возник молниеносно.

Теперь ОН, прижимая палец к губам, завлек Хаджарата в круг парней и, постоянно оглядываясь, дабы вовремя «засечь» возможных филеров, рассказал тому о задании высочайшей государственной важности, полученном непосредственно от органов госбезопасности в кабинете первого секретаря обкома комсомола, вернее, о факте получения такого задания. Суть же и детали должны были быть озвучены непосредственно на месте, у объекта, куда и необходимо срочно проследовать.

— Уара, пачему меня не сообщил? — усомнился джигит.

— А почему, уара, мы шли вам навстречу, дядя Хаджарат? Ведь мы и должны были найти вас и передать, что руководить операцией будете вы! Мы же просто исполнители в вашем подчинении. — Выпалив как из пулемета текст, смутив Хаджарата и сбив того с мысли, змей-искуситель повел абрека в гору.

Полуторка стояла на своем месте, терпеливо и обреченно ожидая перемен в скучном своем, ничтожном бытии.

Тут же и была оглашена суть секретного задания. Согласно ей, автомобиль не был бесхозным хламом. В металлической раме его, как выяснилось, был смонтирован — конечно, вражескими агентами — суперсовременный прибор для наведения самолетов. А так как империалисты всех мастей не могли смириться с достижениями Страны Советов, то и задумали они гору имени товарища Сталина взорвать, дабы не дать советским людям насладиться ее красотами.

Был срочно подготовлен специальный самолет, набитый бомбами, с пилотом-камикадзе, который ждал приказа о вылете со дня на день.

Но и органы наши доблестные были, как всегда, начеку. Они выследили осиное гнездо шпионов и диверсантов в районе Маяка и приняли мудрейшее решение.

Полуторку следовало перегнать на Маяк и скрытно разместить рядом с шпионской базой, расположенной вдали от города, в отдельном доме. Следовательно, атака заминированного самолета придется не на гору Сталина, а в аккурат на осиное гнездо, и с агентурной сетью будет покончено раз и навсегда.

— Так что командуйте, дядя Хаджарат!

Применив некоторые усилия, использовав принесенный инструмент, подростки в итоге сдвинули полуторку с законного места и аккуратно вытолкнули на асфальт. Хозе сел за руль, кабина приняла еще двух мальчишек, Хаджарат

же важно уселся рядом с ними, на липкое, вонючее сиденье, куда услужливо уложили несколько газет.

По команде Хозе оставшиеся парни столкнули полуторку с ровного пяточка на спуск, сами же быстро заняли места на автомобиле, кто на подножках, кто на сохранившихся досках кузова.

С жутким скрежетом прокручивались кривые, ржавые диски колес. На влажном асфальте автомобиль болтало с одного края дороги на другой, но он упорно набирал скорость на крутом спуске.

Хаджарат вел себя достойно, как и было положено революционеру, былинному герою — афырхаца. Важно восседая в кабине, с улыбкой на лице и с привычным огоньком в глазах, он воистину ощущал себя пупом земли, руководителем и вождем масс.

Возможно, в этот момент он вспоминал любимые стихи и, возможно, задавался вопросом, почему это на горе, обвешанный шашками и пушками, стоял именно Шамиль, а не он, Хаджарат Кяхба.

«Полночь пробило», когда грузовик вылетел на перекресток у виллы Алоизи с крутого спуска Горийской улицы на приличной уже скорости и, подпрыгнув, продолжил путь по не менее крутому спуску, по улице Берии.

Представьте на минуту, как по одной из центральных улиц сонного, спокойного курортного города несется с горы под уклон с ужасающим скрежетом адская какая-то колесница, напоминающая автомобиль (шайтан-арба, как говорят турки), обсыпанная гогочущими и визжащими мальчишками!!!

И какое счастье, что в те дальние годы автомобилей в городе было совсем немного. Но люди, люди-то были! И людям свойственно ходить по улицам, в том числе по проезжей части. Но Провидением был предусмотрен в тот день хеппи-энд для всех жителей города. Ну или почти для всех.

Хаджарат же, внезапно оставшийся без магической поддержки «эликсира», без белой черкески, напоминал спящего человека, видевшего прекрасные сны и пробудившегося внезапно, к примеру, в кабине самолета, которым никто не управлял.

Упершись руками в то, что было когда-то щитком приборов, посерев от ужаса, Хаджарат возопил неожиданным фальцетом:

— Тормуз давай, тормуз!!!

— Мамо (нет), дядя Хаджарат, не могу, тормоз и мотор враги вывели из строя, — спокойным голосом отвечал «водитель».

— Тормуз! — продолжал орать бывший джигит. — Усрусь, усрусь...

Автомобиль терял тем временем скорость, ибо съехал с горы на ровный асфальт. Проскрежетав еще немного, он остановился напротив городского отдела милиции, у входа в ботанический сад.

— Делаем ноги, — скомандовал Хозе.

Мальчишки моментально исчезли, растворились непонятно как, только в искуроченной кабине грузовика еще некоторое время можно было рассмотреть силуэт мужчины, потом незаметно растворился в морозящем дожде и он.

Вокруг «чуда техники», мешающего проезду, собралась толпа зевак, из горотдела подошли несколько милиционеров, но расспросы ни к чему не привели, все только охали-ахали и в недоумении разводили руками.

Полуторку, вернее, ее останки, быстро куда-то утащили. Скоро все забыли о странном автомобиле без мотора, появившемся в центре города непонятно когда, откуда и каким образом.

«А как же Хаджарат?» — спросите вы.

А Хаджарат после этого случая исчез. Нет, не носильщик Хаджарат, а Хаджарат Кяхба, секретный революционный абрек (он же Сипа, он же Народный Комиссар и он же майор Пронин). То ли стубили народного героя агенты мирового империализма, то ли и впрямь забросили, бедолагу, в стонущую под гнетом диктатора Франко братскую Испанию. Кто теперь знает?

А про носильщика ходили слухи, что молился он тайно, в святилище Дыдрышш, принес в жертву белого козленка и дал обет — чачу проклятую никогда больше в жизни в рот не брать!

И не брал.

Если это конец истории, то кто же такой сеньор Месроп, чье имя упоминается в заголовке?

Коротенькое происшествие с участием сапожника Месропа теряется в тени Хаджаратовых страстей, но есть некоторые аналогии и близкие географические координаты.

Даже я застал канализационные колодцы дореволюционных городских инженерных сетей. Закрыты колодцы были мощными и очень тяжелыми чугунными люками с надписями на них, как говорится, через ять.

Не знаю, кто именно подбросил идею с люком Малому Совнаркому сорвиголов, но факт, что предложение прошло.

Перекресток у виллы Алоизи, где Горийская улица переходила в улицу товарища Берии, являлся достаточно высокой точкой города. Под прямым углом от перекрестка в сторону моря круто спускалась ровным лучом улица, носившая в свое время название Кутаисская.

Так вот, именно на верхней точке, на перекрестке, личная гвардия моего брата Хозе де-

монтировала, сняла с колодца массивный люк того самого, дореволюционного, производства.

Люк установили по центру Кутаисской улицы, поставив на ребро, как монету, и запустили под уклон.

Напоминаю — люк смотрового канализационного колодца был выполнен из чугуна, в диаметре не менее одного метра, толщиной сантиметров семь, весом... Продолжать?

Поскольку геометрия люка была идеальной, на крутом спуске он моментально набрал ужасающую скорость и понесся вниз, к морю, точно по центру улицы. В отличие от пресловутой полуторки, на пути люка были три пересечения с наиболее оживленными дорогами, проходящими через весь город параллельно морскому берегу.

Мальчишки оцепенели, до них дошло, чем сейчас может закончиться их экстремальная забава. Тут уже было не до радостных возгласов.

Но Провидение и на этот раз оказалось на стороне Хозе и его команды.

Благополучно пролетев все три перекрестка, ближе к концу улицы потерявший скорость люк, вильнув несколько раз, изменил направление и, слава небесам, уже на излете врезался в жилой частный дом. Пробив стену первого этажа, в ней же и застрял. Половина диска осталась

снаружи, вторая же «поселилась» в комнате, которую занимал сапожник... да-да, именно сеньор Месроп, бывший житель благословенного острова Мальта.

То, что происходило внутри, стало известно потом, спустя время, со слов все того же сапожника Месропа. А учитывая, что сеньор Месроп не так давно прибыл в Абхазию, говорил он по-русски, ну, скажем, не очень хорошо, с ужасающим армяно-англо-итальянским акцентом.

— Лиса, ахпер-джан (послушай, друг) Мэсроп тот дэн сапаги женский щил верх черни лакови низум каблук из пиробка модни такой уже рантик щил этот время из улица стирашный шум пришло бах бах барабах Мэсроп толсти нитка ротум дэржал праглатил ему щастие ахпер-джан што тот нитка иголка не имел патом увидэл Мэсроп балшой жилезны калесо катори эму квартира через стенкум пришел думал Мэсроп эта бомба такой зачем тагда на Абхасия из Валетта пришел если Абхасия вайна началось но не началось патом эта железа гамном ваянть стал а ище патом понял Мэсроп нэт не железа ваянйт а Мэсропин белый брюк...

(Ох уж мне эти средиземноморские модники. Даже сапоги тачают непременно в «белый брюк».)

Вот так в разное время, в разных частях города две незнакомые друг с другом женщины,

хозяйки, жены каких-то сеньоров, вывешивали сушиться стираное белье, среди которого наверняка имели место быть мужские штаны, и как минимум одни из них были белыми.

К «Поплавку», по левой стороне улицы Фрунзе

Мне лет пять-шесть. У меня маленький праздник, мне объявили, что я иду гулять на набережную со старшим братом, более того, могу сам выбирать маршрут.

Как правило, люди, живущие в маленьких городах, взаимодействуют между собой в особой системе восприятия окружающей среды, отличной от жизненного пространства мегаполисов. В нашем крохотном уютном городе тех лет существовало жесткое районирование, на бытовом, конечно, уровне.

То есть центром считался горсовет, небольшая территория вокруг и часть набережной. Почта, ВИЭМ и Красный Мост воспринимались отдельными районами, хотя ходу до них пешком было не более пяти минут. Турбаза или, к примеру, Рынок считались районами дальними, ну а Синоп, Вокзал или Маяк психологически частями города вообще не являлись.

Это я к тому, что фраза — самому выбирать маршрут — была для меня крайне важна, ибо многократно увеличивала мой престиж, подчер-

кивала особое ко мне доверие и сулила новые впечатления и эмоции от прогулки!

А прогулки именно с братом я воспринимал как особую награду, как премию, как результат удачного для меня парада звезд. То есть о раскладе звезд я, конечно, ничего не знал, но интуитивно чувствовал, что где-то какие-то неведомые силы снова решили порадовать меня.

Наверное, очень важно, что, отпуская меня на прогулку с братом, ко мне не приставляли наставника в лице взрослого человека вроде бывлой моей няньки, которая водила меня на «коротком поводке», решительно отказывая в любой просьбе: «От лимонада пучит, пахлаву в кондитерской пекут на машинном масле, а мороженое, о ужас, это же верная ангина, и вообще, маленькие дети со старшими не спорят». Я, кстати, с ней и не спорил.

Гуляя с братом, я был уже не маленьким ребенком, а просто другом подростка-школьника, с которым вполне можно общаться на равных. И делился Хозе, мой старший брат, своими знаниями с удовольствием. Тем более что знал многое, читая книги запоем. И я, ценя проявленное доверие, пытался впитывать как губка все новое, что удавалось услышать.

Я обожал, когда к нашим променадам присоединялись друзья брата. В разговорах подростков обсуждались самые различные темы, порой эмоции зашкаливали, разные точки зрения сталкивались, как потоки высокого электрического

напряжения, буквально высекая искры. Спорт, литература, кино, школьные театральные постановки и многое другое.

Безусловно, интерес к знаниям, а вернее, к познанию мира в самом широком и серьезном смысле слова, был заложен в меня в том числе во время чудесных этих прогулок по Сухумской набережной.

И потом, мой брат никогда не отказывал мне в том же самом мороженом, пахлаве и лимонаде. Сейчас я понимаю, что, тратя на меня те скромные суммы, которыми его снабжала мама, он сознательно во многом ограничивал себя.

Самый короткий путь был прост и ясен. От калитки идти направо, мимо домика, где жили девочка с поэтическим именем Эра и ее брат Юлик (будущий Юлий Бидерман — интеллектуал, драматург, режиссер, конферансье). Потом налево, у дома доктора Фишкова вниз по Театральной, в сторону моря. По левой стороне мимо окон еще двух девочек, Оли Бокучава и Марины Мальцевой, в которых через несколько лет будут тайно влюблены многие мальчишки города, мимо школы и парка Руставели, которым замыкался квартал. И вот она, набережная. Гуляй себе на здоровье!

Но, как я уже сказал, слишком просто и ясно.

Можно усложнить задачу и выйти к морю, скажем, по улице Фрунзе. Для этого также

нужно пройти направо, по улице Бери, еще два квартала, мимо забора ботанического сада (декоративной ограды, как и колоннады на входе, еще не существовало), до одного из красивейших домов города.

В этом монументальном здании из красного кирпича дореволюционной постройки жил Гурам, прославившийся впоследствии тем, что съедал за раз три «кирпича» вкуснейшего сухумского хлеба и являл собой ходячую футбольную энциклопедию, оперативно отвечая практически на любой вопрос о футболе: командах, матчах, игроках, забитых и пропущенных голах, острых моментах в той или иной игре, футбольных чемпионатах... В общем, обо всем, что касалось этой культовой для города игре.

А то, что футбол действительно был игрой культовой, сомнения не вызывает, даже знаменитая «Брехаловка», прежде чем стать Клубом всех сухумчан по всем интересам, зародилась в кафе «Телевизор» именно как Клуб любителей и ценителей футбола.

Позже я учился в Третьей сухумской школе, стадион был рядом, и большинство мальчишек посещали секцию футбола, более того, некоторые мои школьные друзья стали профессиональными футболистами высокого класса. Котик Янулиди, Ачико Еркомаишвили, Алик Илиади с честью защищали цвета сборных Абхазии и Грузии. Я же предпочел футболу секцию легкой атлетики.

А что касается сухумского хлеба, то «кирпичики» и «буханки» ассоциируются у горожан с заводским хлебом. Я же застал время, когда в крохотных семейных пекарнях выпекали вкуснейший, так называемый греческий хлеб. О нем нужно рассказывать стихами, но и рифма не передаст того почти забытого уникального вкуса.

Круглый хлеб, диаметром сантиметров в сорок, то есть довольно большой, обладал красивой темно-коричневой блестящей корочкой, украшенной «плетенкой» из полосок теста, или «халами», и белоснежным ароматным мякишем. Аромат этот из пекарен разносился на несколько кварталов. Греческий хлеб к тому же долгое время не черствел.

Эпоха греческого хлеба закончилась вместе с варварским выселением греков из Причерноморья. И так уже и не возродилась.

Хотя хлеб, выпускаемый хлебозаводом, тоже был очень вкусен. Сохранились и мини-пекарни по выпечке лаваша. Пекли его в классических дровяных печах по ночам, так что при желании можно было побаловаться в позднее время горячими ароматными лепешками.

А еще я помню в хлебных магазинах хлебозерки. Ножи хлебозерок в виде стальных полос, заточенных с нижней стороны, были закреплены одним концом на подвижном шарнире. Другой конец заканчивался деревянной рукоятью. При нажатии на нее нож уверенно входил в тело буханки, слегка ее приминая, и ровно разрезал

в заданном месте. На деревянной столешнице оставались аппетитные крошки, которые хлебо-рез ловко собирал рукой и с удовольствием отдавал детям, приходящим поглазеть на виртуозные движения продавца.

Но вернемся к маршруту моей прогулки с братом Хозе.

Дальше по направлению к рынку, справа, стояли два внушительных здания, часть недостроенного правительственного комплекса. Стройку заморозили на долгие годы из-за якобы допущенной в расчетах ошибке.

А напротив правительственных зданий был пустырь, болото, на котором мальчишки постарше охотились в сезон с фонарями и сетями на перепелок. Поговаривали даже, что на болоте охотились и на уток. Я видел как-то рядом с пустырем мужчин в охотничьей экипировке, с ружьями и патронташами. Либо это были «показушники», виртуозно описанные нашим земляком Николаем Константином в своей книге «Меня убил Годжо», либо утки на болоте действительно водились.

Заканчивался пустырь по линии улицы Кирова, где стоял металлический, крашенный в зеленый цвет продуктовый магазин легендарного Бухты Гулиа. (Личность Бухты заслуживает отдельного рассказа.) Позднее на месте пустыря разбили парк.

Мы же сворачиваем на улицу Фрунзе и идем к набережной. Смутно помню, что было по левую руку тогда, позднее там выстроили жилые дома. В одном из них жил Михаил Тимурович Бгажба, человек для республики знаковый, возглавлявший ее во времена Хрущева и сделавший много полезного.

Идем вниз по улице, по ее левой стороне, кстати, мало изменившейся за прошедшие десятилетия, мимо входа в гостиницу «Абхазия», пересекаем проспект Руставели и упираемся прямо в ресторан «Поплавок».

Установлен он был на сваях на причале. «Поплавок» напоминал мне, ребенку, цирк шапито, поскольку, как и цирк, был крыт толстым брезентом.

Заканчивался причал двухэтажным зданием с причудливой беседкой на крыше. В народе здание звалось Динамкою. Когда-то там была вроде бы спортивная секция плавания, но в памяти моей Динамка сохранилась полуразрушенной и бесхозной. В огромных окнах не было стекол, а рядом с причалом из воды торчали полусгнившие стальные сваи, видимо державшие на себе когда-то настил.

Облюбовали эту негостеприимную часть причала местные рыбаки и группа отчаянных мальчишек-экстремалов. Они использовали

крышу здания в качестве вышки для прыжков. Высота была запредельной, но больший страх внушали те самые ржавые стальные рельсы, беспорядочно торчавшие из воды.

Но разве такая мелочь, как страх, могла остановить отважных ихтиандров, плоть от плоти бирюзовой, искрящейся, непостижимо Великой и Вечной материи, ленивой, теплой и нежной, как правило. Да и знакомо ли вообще им было это самое чувство страха?

И в малейших деталях врезалось в память. Слепящее солнце, ярко-синее небо, невнятный шепот набегающей бирюзовой волны, маленькие фигурки на крыше беседки, торжествующие крики и прыжки. Нет, не прыжки, а скорее полеты какие-то фантастические, как на замедленных кинокадрах, длящиеся неимоверно долго. И огромные шары водяной пыли в местах соприкосновений мальчишеских тел с водой.

Не помню всех, но чьи-то имена и прозвища сохранились в подкорке: Тапик Игитханов Лысый, Гриша Виэмский Пуя, Пана, Лобан, Голопуз...

Я назвал Материю Моря ленивой и нежной, но страшна бывает она во гневе, и трудно спастись, защититься от нее в такой момент.

Вот и смысла как-то с причала разбушевавшаяся стихия тот самый ресторан «Поплавок» полностью, не пощадив ни единой ложечки, ни стульев, ни скатертей. И долго еще ныряльщики

доставали со дна морской бутылки со спиртным, ресторанный посуду и мелкие металлические деньги. А пианино ресторанное выловили, говорят, далеко от города, в устье реки Маджарки.

Но все это случилось позже, потом.

А пока мы вышли с братом к причалу. Слева стоял торговый павильон. Он и сегодня стоит на том же месте, и сохранилась в общем его архитектура. Сейчас там кафе «Чегем».

У павильона мирно беседовали несколько мужчин с кружками в руках. Я заглянул внутрь... и сердце мое стало биться часто-часто, а во рту появилась предательская сухость.

Дело в том, что в те годы все фруктовые воды местного производства были невероятно вкусны, но изредка в магазинах появлялся некий особый лимонад в бутылках, оформленных как шампанское, с золотой фольгой. Помимо изысканного вкуса, он еще и пенился, как шампанское. Я обожаю эту ароматную пену, я просто «болею» ею.

И вдруг я вижу в глубине павильона, за стойкой, полная блондинка с ярко покрашенным ртом, лихо управляясь с каким-то блестящим металлическим прибором, наполняет одну за другой огромные граненые кружки пенным напитком. А что, кроме особого лимонада, может давать такую обильную «живую» пену?

— Купи! — Ухватив брата за рукав, я потянул его к стойке павильона.

— Купи что? — не понял сразу брат.

Проследив за моим умоляющим взглядом, улыбнулся.

— Не могу, это пиво, оно только для взрослых. И потом, это гадость, я пробовал, оно горькое и пахнет мочалкой. Я куплю тебе вкусную воду в «Рице», потерпи.

Но сладкая пена уже стала идеей фикс, я потерял голову, не хотел ничего слушать, а тем более верить какой-то странной версии брата, когда он называл лимонад каким-то неизвестным словом, да еще и с привкусом мочалки. И я не понимал причины отказа.

Может, кружка большая? Но я готов отпить только пену, а это только половина кружки, а оставшуюся вкуснятину может допить он сам, мой брат.

Но ничего не помогало, брат был непреклонен и пытался увлечь меня в сторону обещанной кондитерской.

И тогда я, добрый и воспитанный ребенок, решился на крайнюю меру, на шантаж.

— Думал, ты мне не только брат, но и друг тоже! Пожалел вот кружку лимонада. А я видел, как ты дважды брал из папиного чемодана пистолет и патроны, но молчал, как партизан. И не говорил никому.

(У отца действительно было награжденное оружие, немецкий вальтер, который он, от греха подальше, позднее сдал, обнаружив, видимо, что замки чемодана не спасают от любопытства старшего сына.)

— А еще я слышал, как тетя Маринэ шепотом говорила тете Зине, что ты спишь с Жабой, которая никому не отказывает, таскаешь ее по кустам и что-то обязательно от нее подцепишь. Но и тогда я молчал, друзей ведь не предают?

Честно говоря, ничего я из случайно подслушанного разговора не понял. Почему девочку из соседнего двора называли Жабой, когда ее звали Ирой? Она была пышнотелой, рослой, улыбчивой и доброй девицей-подростком, всегда делилась семечками и конфетами-подушечками, действительно никогда не отказывая.

Жили они вдвоем с матерью, личностью, известной всему городу. У мамы был небольшой «сдвиг по фазе», какое-то специфическое, не опасное для окружающих психическое расстройство.

С виду вполне здоровая, веселая, общительная женщина, в момент обострения болезни она начинала вышагивать по улицам военным строевым шагом, выкрикивая, как лозунг, одну и ту же фразу — «ВСЮ ВЛАСТЬ ЧАПАЕВУ!». На вопрос, почему именно Чапаеву, с удовольствием, но вроде как по секрету рассказывала всем, что была сестрой милосердия при дивизии, имела с командиром особые отношения, откуда и появилась на свет Ирка. Она точно знала, что Чапаев в реке не утонул, что он жив, и только он может возглавить Мировую Революцию, поэтому всю власть и надо передать ему!

Что за отношения, нам, мелкоте, было не совсем ясно, но «Чапаева» каждый из нас смотрел по нескольку раз, и не нужно было знать таблицу умножения, чтобы понимать, что арифметически и исторически сии факты не срастаются. Ну не может никак быть Василий Иванович отцом ее дочери!

И что же, за доброту мой брат таскал Ирку по кустам? За косы, что ли? Да ни за что на свете! И спал он всегда дома. И зачем моему брату спать с посторонней девчонкой? Я не обратил бы внимания на разговор соседок, но шепот и их заговорщицкий вид отпечатались у меня в памяти.

К моему удивлению, план, как мне показалось, сработал.

Брат задумался, а потом огласил решение. Из него следовало, что, поскольку данный лимонад является напитком дорогим (а это я уже понимал), то куплен мне он будет ТОЛЬКО с одним условием — я должен буду выпить всю кружку! По рукам? По рукам!

Я мог бы долго, в деталях, описывать мое первое в жизни знакомство с пивом, но, поверьте, я запомнил его на всю жизнь как одно из самых ужасных событий, которое не хочется вспоминать. Я дал слово, мы заключили с братом соглашение, и я, давясь, через силу вталкивал в себя тот жуткий раствор мыла и хинина, как мне

казалось. И спасибо взрослым дядькам у павильона, вырвавшим у меня недопитую кружку.

В течение еще нескольких часов мой организм исторгал из себя то, что я успел уже проглотить.

Любопытно, но у меня не было никаких обид. Я понимал, что сам напросился и сам себе нашел приключение на «одно место», получив его явно в назидание. Более того, я извлек урок из произошедшего, я начал понимать, что любую жизненную ситуацию и предложение нужно пытаться максимально продумать перед принятием решения, что «упертость» не самое полезное человеческое качество, а шантаж вообще отвратительное дело.

С рестораном «Поплавок» связано еще одно яркое воспоминание. Если он только напоминал цирк, то настоящий цирк шапито, когда наезжал в город, стоял обычно на пустырях, рядом с недостроенным Домом правительства или на набережной, на месте будущего здания обкома партии.

К отцу приехал институтский друг из Москвы, с семьей. Гостей пригласили на обед в ресторан, и поскольку обед был семейный, то и детей взяли с собой.

В ресторане царил прохладный полумрак, на столах белоснежные крахмальные скатерти, хрустальные бокалы и живые цветы. Достаточ-

но уютно и тихо, ибо днем посетителей было не много, да и оркестр еще не играл.

Для меня ресторан был в новинку, и я с интересом разглядывал все, что было вокруг.

Через два стола от нашего в одиночестве обедал мужчина средних лет. Глаза его, большие и печальные, привлекали внимание, как и небрежно накинутый на плечи черный пиджак. Под пиджаком была ослепительно-белая рубашка с какими-то оборками или рюшами на воротнике. Белые же перчатки были и на руках человека. Я остановил на нем взгляд. Рюши на мужской рубашке были делом непривычным, как и перчатки летом, но нечто более необычное было в его поведении. Что именно, я никак не мог понять.

Брат незаметно подал мне знак. Но я и сам знал, что неприлично в упор бесцеремонно разглядывать незнакомых людей, но не мог ничего с собой поделать и не отводил взгляд.

Человек неестественно быстро ел, ловко обходясь с приборами, буквально порхающими над тарелкой, при этом его плечи под пиджаком оставались совершенно неподвижными, как будто там был манекен.

Зачем-то я опустил взгляд. На полу, рядом со столом, стояли лаковые штиблеты без шнурков. Какая-то странная, безумная мысль шевельнулась в моей подкорке, я поднял взгляд и внимательно стал следить за каждым движением

незнакомца. И только через некоторое время я с ужасом понял: незнакомец, сидящий через два стола от нас, ел не руками, а НОГАМИ!!! А то, что я принял за перчатки, было носками белого цвета, аккуратно обрезанными в верхней части, оставляющими пальцы оголенными.

Как бы это фантастически ни звучало, но наш сосед по ресторану действительно ел ногами, ибо рук у него не было. И на самом деле разглядеть и понять это сразу было очень трудно.

Я недаром вспомнил о цирке шапито. Не важно, где именно он стоял, важно, что он гастролировал в городе, а человек в ресторане, со слов брата, был артистом цирка, легендарным Сандро Да Деш. Потом брат водил меня в цирк, и я видел артиста на цирковой арене во время выступления. Там он прекрасно рисовал, открывал штопором бутылки с вином и метко стрелял по мишеням из ружья. Ногами!

Ходили легенды, что безруким он родился, в молодости был карманным воров-виртуозом, но случайно попался и был заключен в тюрьму. В камере попросил бумагу и карандаш и по памяти нарисовал портрет то ли Лаврентия Берии, то ли самого Сталина. Конечно, его освободили. В конце концов он попал в цирк и стал знаменитым артистом.

И долгое время снился мне один и тот же сон. Я в ярком трико и почему-то в шляпе сом-

бреро раскачиваюсь на веревочных качелях под куполом цирка. Оркестр играет какой-то бра-вурный марш или туш. На арене, сидя в кресле, в меня целится из ружья Сандро Да Деш. Я пытаюсь кричать, зову на помощь, но звуки остаются внутри меня. Артист, прищурив глаз, неестественно долго целится, заставляя меня дрожать от страха. Наконец ружье беззвучно стреляет, я выпускаю из рук качели и падаю вниз. Лечу, переворачиваясь в воздухе, как большая тяжелая кукла. Полет никак не заканчивается, ибо падаю я свысока. Гибель неизбежна.

Я закрываю глаза... и кто-то сильный ловит, подхватывает меня на руки. Нужно открыть глаза во сне, но я тяну, продлеваю удовольствие от радости чудесного спасения... и просыпаюсь, открыв глаза на самом деле.

Во сне мне так и не пришлось увидеть своего спасителя. Но я узнал его руки. Я знаю точно — это были руки моего брата Хозе!

«НА ГОРОДЕ СЛУХИ ИДЕТ...»

«УА-УА-УА...» Исторгая из себя жуткие, леденящие кровь звуки, несется по улице допотопный громыхающий автомобиль, крашенный в красный цвет. Как на пожар!

Почему — как? Это и есть пожарный автомобиль, и едет он от здания пожарной команды

вверх, в направлении улицы Кирова. А на пожар ли? А может, это просто учения? Кто знает?

Но сирена будоражит полусонный город!

— Что случилось, уважаемый Христо? Уара, вы не знаете?

— Нет, Адица, ризам (дорогая), но я слышал стрельбу!

— Саседи, дарагие, на городе слухи идет! Пожари, канечно, эсть, но это мелочь жизни, а настоящий катастроф жизни ешо до пожари был! Бухта Гулиа на мелиция стреляла, мелиция многа убила, патом граната взрывала! Вот!

— Да вы что, дядя Абессалом, неужели правда?! А сам Бухта жив?

— Мамой клианусь, чистый правда! А Бухта и его жена пагибли, я думаю.

Отставим на время в сторону рассказ о пожарном автомобиле и обеспокоенных соседях. Запомним одну только фразу из их разговора: «На городе слухи идет!»

Слухи ходят обычно вместе с легендами и мифами, но на полшага впереди. И с каждым пересказом того или иного факта он, этот самый факт, приобретает все новые и новые, часто выдуманные, детали. Поэтому не могу полностью поручиться за достоверность излагаемой истории, услышанной к тому же от разных людей. В разное время. И в разной, конечно, интерпретации. Все то, что сохранилось в моей собственной памяти, — правда!

Братья Гулиа жили в районе Турбазы. Было их четверо, насколько я помню. Старшего звали Ален, потом шли Вахтанг, известный больше как Бухта, и Миша. Младшим был Котик. Еще у них было несколько сестер. Мне приходилось бывать в доме Гулиа, так как мой старший брат, Хозе, дружил с Котиком. Иногда, отправляясь к другу, он брал с собой меня.

Старшие Гулиа, Ален и Бухта, были людьми легендарными, хорошо известными в городе. За обоими стелился шлейф богатого криминального прошлого. Если мне не изменяет память, именно они входили в банду, «прославившуюся» громкими и дерзкими ограблениями, в том числе почтовых поездов. Мише, помнится, тоже приходилось бывать на «зоне».

Но лихие годы уходили в туман прошлого, времена менялись, и возраст уже давал о себе знать. Потихоньку старшие братья Котика уговорились и приспособились к гражданской жизни. Но частенько к братьям обращались горожане с просьбой рассудить их, «разрулить» сложные жизненные ситуации, быть третейскими судьями.

Вот что поразительно! Мои рассуждения сейчас касаются не только братьев Гулиа. Некоторые криминальные авторитеты города, которых я помню, отличались щепетильностью в вопросах справедливости и чести.

Казалось бы — парадокс. Человек, не таясь, подтверждает — он действительно вор в законе.

Следовательно — преступник, то есть преступная деятельность и является его профессией, мировоззрением и образом жизни. И, следуя логике общепринятой морали, преступник есть личность отрицательная, вредоносная, выведенная за рамки норм и правил повседневной жизни. И вроде все понятно.

Но вопрос остается. Откуда балось у них такое обостренное чувство справедливости?

Ведь часто люди искали защиты не в прокуратуре или в милиции, а именно у таких людей, как Ален и Бухта Гулиа.

И самый никудышный человек в городе был уверен, что если он прав, но при этом противостоит другу или родственнику третейского судьи, то Истина восторжествует и решение будет принято в его пользу! Независимо ни от чего.

Я плохо помню старших братьев Гулиа. У Алена были большие ноги, и передвигался он по дому на костылях. Мишу не помню совсем. Бухта запомнился добродушным, улыбчивым и подвижным крепышом. И очень шумным.

Помню, что и дом Гулиа всегда был шумным и гостеприимным. Обычно с нами, со мной и братом Хозе, «носились как с писаной торбой», пытаюсь непременно угостить чем-нибудь вкусным.

Вписавшись в гражданскую жизнь, Бухта начал работать в торговле и вскоре получил под

свое начало продуктовый магазин. Торговый павильон, обшитый металлом и крашенный в ядовито-зеленый цвет, стоял на улице Кирова, недалеко от пересечения с улицей Фрунзе, по соседству с пустырем.

Посадил Бухта за кассу собственную жену и стал трудиться в поте лица во благо советской власти. Вернее, работал он сугубо на себя, хоть и в системе государственной торговли.

В сталинские времена торговля еще не была такой криминализованной, какой она стала спустя всего несколько лет. Над ней, как и над всей огромной страной, витал страх в образе усатого вождя.

Конечно, в торговле подворовывали всегда, но делали это, видимо, с осторожностью. Аресты работников торговли и суды над ними были редкостью.

Термин «хищение социалистической собственности» был еще не в ходу. Пойманных на воровстве торговых работников судили как «растратчиков».

Бухте было неведомо чувство страха. И на вождей разного уровня он, видимо, плевал. Как всегда шумный, немного суетливый, но очень энергичный, он крутился в этой самой торговле как пчелка. Думаю, что почти весь товар в его магазине был «левым». А может, просто весь!

С неизменной улыбкой на лице, с пистолетом за поясом, таскал неутомимый Бухта на себе

мешки с сахаром и макаронами, ящики с пивом и огромные бутылки с чаечей.

Кстати, об оружии. Я думаю, именно с легкой руки Бухты стала обыденностью небольшая хитрость. Каждое утро Бухта писал заявление на имя начальника милиции с просьбой принять найденный им якобы сегодня в кустах у дома пистолет.

В милиции все прекрасно знали и о пистолете, и о «левом» товаре, и о чаче «паленой», но никто Бухту не трогал. Может быть, из чувства элементарной благодарности семье Гулиа за то, что сняли они с органов солидную часть головной боли своим отходом от активного криминала.

Что послужило причиной внезапной немилости, мне неизвестно. Ходили слухи, что МВД Грузии проводило в автономной республике свою тайную операцию. Такое практиковалось изредка. У тбилисцев была своя агентурная сеть в регионах, и, как правило, заранее они местных коллег не информировали о начале действий.

Возможно, так и было на сей раз.

Операция же против Бухты напоминала войсковую.

К павильону подъехали несколько машин и картинно, со скрежетом тормозов, влетели на тротуар. В несколько секунд магазин был оцеплен вооруженными людьми. Как будто им предстояло брать банду налетчиков. Несколько

командированных оперативников, с руками на расстегнутых кобурах, ворвались в магазин. Расчет, очевидно, делался на неожиданность.

Ща-ас! Надо было знать Бухту!

И представлять себе его магазин изнутри.

Павильон был перегорожен узким прилавком, отсекавшим крохотный торговый зал от остальной площади. На внутренней территории стояли стеллажи с продуктами. Несколько мешков и бочек находились прямо на полу, на слегка приподнятых листах фанеры. В левой части павильона за прилавком стоял кассовый аппарат, за которым восседала дородная супруга Бухты. В правой же части, в дальнем углу, был выгорожен небольшой фанерный закуток, в котором хранились так называемые москательные товары: мыло, синька, керосин в бутылках.

Поскольку кабинет для директора в подобном павильоне предусмотрен не был, перед выгородкой поставили небольшой столик со стулом. На столе лежали журналы бухгалтерского учета с надписью «Амбарная книга». Под столом стояли две десятилитровые емкости с чаечей.

В магазине имелся один продавец, дальний родственник жены. С ним-то и беседовал Бухта, стоя за прилавком с внутренней стороны, рядом с кассой.

Увидев оперативников, Бухта, как говорится, и бровью не повел.

Изображая всем своим видом великое удивление, но при этом широко улыбаясь, медленно потянул из нагрудного кармана рубашки сложенную вчетверо бумажку и протянул ее в сторону вошедших. При этом однако не выходя из-за прилавка в зал.

— И зачем же? Стоило ли вам беспокоиться? Я вот как раз с этим пистолетом в милицию и собираюсь.

— С каким пистолетом? — вопрошали оговоренные тбилисские опера. О пистолете они действительно ничего не знали, речь о нем не шла. А шла о крупном якобы растратчике, коего и предполагалось задержать. Причем максимально шумно, картинно, в назидание другим.

Первый шахматный ход Бухта выиграл! Внес хоть небольшое, но смятение в ряды неприятеля и выиграл время.

— Как с каким? Да с тем, что сегодня нашел. А как вы о нем узнали? Да в нем небось и патронов-то нет. Вот, возьмите, посмотрите сами, раз пришли сюда.

Медленно, не давая милиционерам повода для радикальных действий, двумя пальцами за ствол брезгливо выудил пистолет из-за пояса и, продолжая держать за ствол левой рукой, двинулся к проходу через прилавок, по направлению к слегка обмякшим, потерявшим бдительность оперативникам.

Что произошло потом, присутствующие, не сговариваясь, сравнили со сценой из «трофейного» американского фильма-вестерна «Путешествие будет опасным».

В долю секунды Бухта, совсем как актер Джон Уэйн, перекинул пистолет из левой руки в правую. Сбросил с предохранителя и стал палить... в дальний угол магазина, в баллоны с чачей.

И пока опера тянули из неудобных кобур свои наганы и ТТ, наш герой швырнул в их сторону свое оружие и грохнулся на пол, под «зачиту» хлипкого прилавка, с криками:

— Не стреляйте, не хотел я, все случайно произошло, руки затряслись, сдаюсь, сдаюсь!!!

Получив еще одну временную фору, невидимый за прилавком, щелкнул зажигалкой и швырнул ее в угол.

Крепкая, как спирт, чача моментально запылала. Затем раздался громкий хлопок. Это в углу, за выгородкой, взорвался керосин, сразу же залив пламенем большую часть помещения.

Оперативники в ужасе бежали из павильона. Вслед за ними вытолкнул на воздух свою жену и родственника Бухта. Сам же с плаксивым выражением лица полез на оперативников с кулаками!

— Что же вы, уроды, наделали? По миру мою семью пустили! Это вы виновны в пожаре. Сейчас же иду к прокурору.

Ошеломленным милиционерам пришлось всерьез отбиваться от напавшего Бухты.

К этому времени весь павильон был охвачен огнем. Горели «левые» сахар и макароны, «паленая» чача, взрывались бутылки с шампанским. И, что самое важное для Бухты, сгорели «липовые» бухгалтерские книги.

Когда к павильону добрался наконец вызванный соседями пожарный автомобиль с сиреной, тушить уже было нечего.

Хнычущего Бухту оперативники, конечно, забрали. Но через два дня по настоянию прокуратуры отпустили, ибо предъявить ему было нечего.

Бухта в очередной раз стал героем дня.

Истории же его захвата гуляли длительное время по городу, обрастая невероятными подробностями. В них Бухта обстреливал энкавдэшников из пулемета Дегтярева, «положил» батальон солдат, забрасывал броневые автомобили привезенными из Сванетии немецкими противотанковыми гранатами. (Интересно, зачем немецким альпийским стрелкам, воевавшим в Сванетии, понадобились противотанковые гранаты? В горах?) Освободили же его якобы по личному указанию Лаврентия Берии и увезли в Москву преподавать в диверсионной школе.

На самом деле Бухта Гулиа из советской торговли уволился. Работать же начал, как говорится, по железнодорожному ведомству, директором вагона-ресторана.

Веселого, хлебосольного, острого на язык крепьша в белом халате и форменной шапке железнодорожника знали многие граждане огромной страны. Ибо отдых в Абхазии предполагал «дружбу» с железной дорогой. Самолеты в те годы были пока еще транспортом маловостребованным, экзотическим.

А какой же долгий путь без душевных разговоров за чарочкой водки или бокалом вина, в вагоне, называемом рестораном!

Младший же Гулиа, Константин, Котик, школьный друг моего брата Хозе, стал известным журналистом, поэтом и общественным деятелем.

*

Просматривая черновики моих зарисовок, друзья-сухумчане обратили внимание на то, что в основном повествование в них я веду от автора, от первого лица. То есть от себя.

— Твой брат был прекраснейшим рассказчиком! Какие-то специфические истории и приключения, через которые ему пришлось пройти, озвучивал тебе он сам. Те, свидетелем которых ты не был.

Так дай ему возможность сделать это снова. Дай ему слово!

А мы соберемся, как когда-то, в круг, пусть и виртуальный, на тенистой веранде гостеприимной вашей квартиры и будем долго-долго с интересом и удовольствием слушать завораживающий, слегка хрипловатый голос Хозе Михайловича, его рассказы об удивительных людях и не менее удивительных событиях, пересыпанные диковинными словами, приправленные уникальным чувством юмора.

Будем снова чувствовать на себе лукавый взгляд рассказчика сквозь блики на стеклах элегантных очков в золотой оправе, вдыхать аромат крепчайших кубинских сигарет...

Оживи хоть на время своего брата!

Я с удовольствием следую совету моих друзей!

Следующую историю будет рассказывать мой старший брат Хозе!

Его превосходительству...

Конец шестидесятых. Декабрь месяц. Тюрьма Матросская Тишина.

По всем данным, «весну в форточку» не увижу как минимум еще лет десять-двенадцать. Надо чем-то развлекать себя и народ, находясь

в изоляции, в унылых и ненавистных «четырех стенах». И придумать желательное нечто оригинальное, необычное.

Как подследственный, я лишен права личной переписки. Но обращаться с письменными заявлениями и просьбами в официальные инстанции, в том числе в прокуратуру, могу сколько угодно.

Прошу бумагу, ручку, конверт. Получив запрошенное, сажусь писать. Через некоторое время вручаю дежурному незапечатанный конверт. На конверте аккуратно выведено: «Прокурору гор. Москвы гр-ну Малькову М.Г.».

Примерно через час вызывают меня к оперативному уполномоченному по тюрьме. Он взбешен, орет как оглашенный, брызжет слюной, размахивает руками. Я молчу, не мешаю естественному выходу его энергии, не усугубляю ситуацию. Пока молчу.

Если пытаться понять смысл тирады майора, почти сплошь состоящую из отборного мата, перевести ее на человеческий язык и изложить коротко, в виде тезиса, получится что-то похожее на:

— Ты что это, Делба, дурью маешься, забыл, как изолятор изнутри выглядит? Какой такой еще Франко тебе понадобился? Еще чего подобного услышу, загремишь у меня в карцер, и

надолго. Ты понял? Не слышу ответа! А ну-ка, по стойке «смирно» и громко, чтоб весь этаж слышал: «Так точно, гражданин майор, понял. Больше дурью маяться не буду!!!» Так ты понял?!

Ну а теперь пора объяснить причину внезапного бешенства майора и рассказать, что же произошло внутри незапечатанного конверта.

Четыре листа стандартной писчей бумаги невысокого качества. Грязно-серого цвета и слегка мятой.

Один из четырех листов представлял из себя коротенькое заявление прокурору города Москвы такому-то от подследственного такого-то с настоятельной просьбой направить прилагаемое к заявлению письмо в МИД Французской Республики для дальнейшей передачи его по дипломатическим каналам главе испанского государства, генералиссимусу Франко.

В те времена у СССР не было дипломатических отношений с франкистской Испанией. Все контакты осуществлялись при посредничестве МИД Франции, через французские посольства в Москве и Мадриде.

На втором листе, также адресованном прокурору, я как бы неофициально разъяснял ему, что явилось причиной моего послания кровавому диктатору Испании.

Я, Делба Хозе Михайлович, такого-то года рождения, пишу Вам в связи с необходимостью сообщить, что мои официальные родители на самом деле мне не родные. В младенческом возрасте, во время гражданской войны в Испании я, сын испанских коммунистов, был вывезен в СССР, в Абхазию, где меня усыновили Михаил и Мария Делба. Эти замечательные люди заменили мне родителей. Но я вырос, знаю, что в Испании царит кровавый фашистский режим, население под гнетом. Я решился написать гражданину Франко с просьбой помочь найти моих родственников с целью оказания в дальнейшем моей посильной финансовой помощи им. Понятно, что это не заявление. Кто такой для меня, советского гражданина, диктатор Франко, чтобы я ему заявления писал. Но, как Вы увидите из моего письма, пишу я уважительно. Хоть враг он, но все же глава государства.

С уважением, Делба Х.М., подследственный, Матросская Тишина, такого-то числа, такого-то года.

Само письмо, текст которого уместился на двух оставшихся листках бумаги, также находилось в конверте. Начиналось оно словами:

*Его превосходительству,
главе испанского государства,
генералиссимусу Франсиско Паулино
Эрменехильдо Теодуло Франко Баамонде*

Далее я писал примерно следующее:

Ваше превосходительство, господин Генералиссимус, синьор Каудильо! Обращается к Вам гражданин СССР, Делба Хозе Михайлович, такого-то года рождения. Сразу хочу подчеркнуть, мы с Вами являемся идеологическими противниками, вы член Фаланги, антикоммунист, а я комсомолец и марксист по убеждениям, хотя и не являюсь членом коммунистической партии. Но Вы военный, дисциплинированный человек, и, надеюсь, политические и идеологические догмы не возобладают над милосердием и не будут причиной отказа в моей просьбе. Тем более что мы с Вами, как говорят в России, почти тезки. Мы оба рождены в декабре, под знаком Стрельца.

Суть просьбы в том, что, как Вы понимаете, прочитав в письме мое имя, я, как и Вы, являюсь испанцем. И я хотел бы найти моих родственников в Испании, если таковые значатся в живых. Фамилии их и имена мне неизвестны, знаю только, что вывезли меня в годовалом возрасте на пароходе из Барселоны.

Знаю о жестоких нравах, царящих в капиталистическом мире. Наверное, мои родственники нуждаются, и помочь им — мой святой долг.

Сейчас я нахожусь в заключении, под следствием. В тюрьме. Но я не разбойник, не бандит. Я, как истый испанец и кавказец, сражался со злом, защищая свою честь с оружием в руках,

и пострадал за правду. Но советские тюрьмы — это не ваши застенки, и система правосудия в нашей стране сурова, но справедлива. Даже если меня осудят, то отправят в лагерь, где я буду трудиться и часть моей честно заработанной зарплаты смогу перечислять в Испанию моим родственникам.

Заранее благодарю Вас, господин Генералиссимус.

P.S. Если не получу от Вас ответа, расценю это как пренебрежение моими правами и оставлю за собой возможность обратиться в Международный Красный Крест!

С уважением, Делба Хозе Михайлович.

Уполномоченный между тем сверлит меня глазами в ожидании ответа. Ожидаемого ответа. И стойки «смирно».

Я же отвечаю обычным голосом, в обычной тональности, не меняя позы:

— Вы почему кричите, гражданин уполномоченный? У меня все в порядке со слухом. Вы почему прочитали чужое письмо? Оно адресовано не руководству исправительного учреждения, а прокурору города. То, что оно не запечатано в соответствии с правилами, еще не дает вам права его читать. И что совершенно точно, никто не давал вам права комментировать мое заявление в

прокуратуру. А тем более принимать какие-либо решения. Я что, прошу у прокурора или у генерала Франко курева мне прислать?!

Это политическое дело, и разбирать его будут на уровне повыше вашего. И там может возникнуть вопрос: что это вдруг отдельные офицеры внутренних войск нарушают закон, да еще и бесцеремонно вмешиваются в юрисдикцию политических органов? И почему это вы, гражданин майор, заключенного, подследственного безосновательно карцером страшите?

Вообще-то нас, испанских коммунистов, карцером и изолятором пугать наивно. Мы и не такое перенесли!

Я могу вернуться в камеру?

Опер, ошарашенный моей наглостью, не понял толком ничего из услышанного. О каких там еще испанских коммунистах идет речь? Но, уловив во фразе «политическое дело» потенциальную возможность служебного нагоняя, замычал нечто нечленораздельное и с готовностью закивал головой.

Вернувшись в камеру, снова прошу бумаги и пишу второе письмо. На этот раз — в Генеральную прокуратуру.

Пишу, что прокурор города на письма не отвечает и, следовательно, не осуществляет своих надзорных функций. Прошу разобраться в моем вопросе по существу или обещаю писать

дальше. В Международный Красный Крест и в ООН. И вопрос буду ставить тогда уже в политической плоскости. А пока излагаю вторично суть моей просьбы и дублирую письмо на имя Франко.

Несколько дней над Матросской Тишиной висела предгрозовая тишина. Потом началось! Пришли в движение мощные силы. Начались массовые хождения в тюрьму чиновников разного уровня из самых разных структур. Я ментально стал популярным объектом посещения, совсем как Мавзолей Ленина.

Начальство на всякий случай перевело меня с сокамерниками в светлое, большое, недавно отремонтированное помещение. Нам выдали свежее белье, мыло и, что было немислимым чудом, по рулону туалетной бумаги.

Были посетители из прокуратуры города, из Генеральной прокуратуры, из МВД, из политотдела ГУИТУ. Приезжали чиновники из МИДа и соответствующих отделов и секторов ЦК КПСС. И лишь одна организация не проявляла ко мне, как ни странно, никакого интереса.

Кто-то пытался меня отговаривать от моей акции, причем одни грозились сгноить меня, стереть в лагерную пыль, другие, наоборот, обещали всевозможные блага, вплоть до доставки женщин легкого поведения. Привозили мне апельсины, шоколад и импортные сигареты.

Курево и деликатесы я брал и тут же делился с сокамерниками. Но позиций своих при этом не сдавал.

— Это исключено, — говорил я. — Речь идет о моих кровных родственниках, которым, возможно, грозит голодная смерть, и только моя помощь сможет спасти их. Это мой долг христианина. А как советский гражданин и интернационалист, как борец с фашистской диктатурой, я просто обязан довести дело до конца. Более того, думаю поставить в известность Долорес Ибаррури, отважную Пассионарию, председателя компартии Испании. (В те годы она жила в Москве.) Возможно, после отбытия наказания подам заявление о вступлении в ряды Коммунистической партии Испании. А там уже недалеко и до подпольной работы на территории родной далекой Родины.

Вот так, как поется в революционной песне, прошли в «борьбе и тревоге» две или три недели.

В один прекрасный день дверь камеры открывается и возникший в проеме дежурный офицер объявляет подчеркнуто уважительно, с широкой улыбкой:

— Подследственный Делба — на выход. Прошу вас, Хозе Михайлович.

В коридоре, запирая дверь, в нарушение инструкции не ставит меня лицом к стене, учтиво пропускает вперед и ведет в административный блок.

Возможно, думаю, загремлю в изолятор, с отбитыми почками, и надолго. Или же объявят мне, что следствие не нашло в моих действиях состава преступления, пострадавший сам себя ударил ножом, а я невиновен. И отпустят из Матросской Тишины с миром.

Дежурный же, подведя меня к двери кабинета начальника тюрьмы, стучится, затем докладывает, что подследственный Делба доставлен, и наконец впускает меня внутрь.

Начальник тюрьмы, здоровяк, мастер спорта по самбо, одетый в полковничью форму внутренних войск, беседует о чем-то вполголоса с посетителями, тремя мужчинами в гражданской одежде. Несмотря на грозный, деспотичный вид и свирепое, как из коллекции Ломброзо, лицо, слывет он человеком незлобивым и даже справедливым.

Закончив фразу, встает, здоровается со мной за руку и приглашает сесть, показывая на свое служебное кресло.

— Ну и дела! — вслух произношу я, усаживаясь в предложенное кресло. — Давно разучился удивляться чему-либо, многое мог бы предположить, но что меня назначат начальником тюрьмы, извините, не предполагал. Не дорос, видимо, до подобных мыслей.

— Здравствуйте, — обратил я взгляд на присутствующих, пытаюсь лучше их разглядеть.

Трое молодых людей спортивного вида, приятной, как говорится, наружности. Одеты в одинаковые костюмчики чехословацкого производства, туфли «Топманн». Все при галстуках. Перед одним из них на столешнице покоится внушительный дипломат коричневой кожи. Большая, однако, редкость для тех времен.

— Здравствуйте, Хозе Михайлович, мы...

— Не надо лишних слов, КТО ВЫ, мне понятно и так. А вот вы, — обращаюсь к человеку с дипломатом, — старший группы, в звании, я думаю, майора.

— И как же вы догадались, уважаемый Хозе Михайлович?

— Сейчас объясню. Совсем немного примитивной дедукции времен Шерлока Холмса. Причем в вопросе «Кто вы и откуда?» — она, эта дедукция, и не нужна. Без обиды, но на ваших высоких светлых лбах явно отслеживаются блики от стекол пенсне Лаврентия Павловича Берии!

Что касается старшего группы, у одного из вас раздвоенный подбородок. Как правило, это признак власти. А звание? Учитывая, что в Комитете Глубокого Бурения звезды раздают не так легко, как в некоторых других структурах, то майор — это максимум для вашего возраста. Почему не капитан? Так это просто! Раз по мою скромную душеньку прислали сразу ТРЕХ сотрудников, вряд ли старшим назначили бы капитана.

И еще довожу до вашего сведения, так уж сложилось, что всю мою сознательную жизнь МВД воюет со мной, а я соответственно с ним. Но к вашей «конторе» у меня особое, трепетное отношение. Как парадоксально бы ни звучало, но я действительно патриот Советской страны и считаю КГБ единственной структурой, не подверженной всеобщему разложению. Так что мешать или вредить вам — для меня табу. А, наоборот, помогать через вас стране — то да! Если, конечно, это не идет вразрез с моими понятиями о чести.

— Снимаю шляпу, Хозе Михайлович! Вы прекрасно понимаете, что, прежде чем явиться сюда, мы изучили ваше досье от корки до корки. И теперь знаем о вас не только все, а еще больше, чем все. Больше даже, чем знаете о себе вы сами.

А сейчас мы еще раз убедились, что вы неординарный человек, с мощным интеллектуальным и творческим потенциалом. Это не комплимент, это заключение наших аналитиков, психологов, почерковедов. Да-да, не удивляйтесь, вашим эпистолярным творчеством занимались серьезные специалисты нашего ведомства. Кстати, разрешите представиться, меня зовут Олег Корнейчук, я действительно майор, а ребят зовут Станислав и Игорь. Управление «Р» Первого главного управления КГБ СССР.

Олег открыл свой роскошный дипломат, достал плоскую фляжку с армянским коньяком, несколько плиток натурального «Гвардейского» шоколада и блок «Мальборо». Вслед за сигаре-

тами извлек из глубин дипломата декоративный контейнер с серебряными рюмками и разлил коньяк.

— Сигареты и шоколад для вас, а коньяк необходимо выпить здесь, в этом кабинете. Ваше здоровье!

— Так вот, — продолжил майор, — нам было важно разобраться в побудительных моментах вашего «творчества». Причем разобраться самим. Перевезти вас в Лефортово и допросить? Нет, в нашем случае этот метод не годился.

Что же стояло за вашей выходкой? Ведь мы знали, где и когда вы родились, что ни к какой Испании отношения не имеете. Так в чем же дело? Где ответы на поставленные вопросы?

Заключение экспертов гласило: «возмутитель спокойствия» — шизофреник, умело скрывающий свою болезнь, либо... либо великолепный аналитик, просчитавший свои действия, как шахматист, на несколько ходов вперед, создавший изощренную схему... Но чего? Какой все-таки во всем этом смысл?!

И лишь один специалист сказал коротко и просто — смысл в адреналине. Ваш подследственный — талантливейший человек, к тому же Стрелец по знаку. В тюрьме творческой личности тесно и скучно, вот он и решил всех разыграть. И слегка позабавиться, разбавить порцией адреналина серое тюремное существование. Вот и весь сказ. Вопрос в том, как гениально он все продумал! Возьмите его к нам на службу.

Вы будете смеяться, но вопрос о вашем вовлечении в наши «тихие» игры в том или ином качестве действительно рассматривался. И отказались от этой идеи не только из-за вашего богатого прошлого. Ваш возраст. Вот что стало камнем преткновения.

Но затея ваша, естественно видоизмененная, может быть использована как один из инструментов в идеологической борьбе.

Оцените, что мы рассказали вам достаточно много. Разрешите пожелать справедливого решения суда. Начальник тюрьмы обещал проследить, чтобы его подчиненные вели себя достойно. А теперь разрешите откланяться, Хозе Михайлович.

«Какие приятные ребята», — подумал я.

Церемонно пожав мне руку, чекисты удалились. Через несколько секунд за мной пришел дежурный.

Примерно через месяц состоялся суд, затем меня перевели на Силикатную, в пересыльную тюрьму, ну а оттуда, по этапу, в лагерь, в город Сургут Тюменской области.

Прошло много лет, но я хорошо помню вкус того «Гвардейского» шоколада и вопрос, заданный мне Олегом удивленно-восхищенным тоном:

«Хозе Михайлович, а откуда вы знаете все титулы Франко? Или это тоже ваша импрови-

зация, как и возможное членство в компартии Испании?»

*

На этом рассказ моего брата заканчивается. Но мне хотелось бы добавить к нему некоторые свои мысли. И дополнительную информацию.

Сейчас многие увлекаются эзотерикой, различными оккультными учениями. Кто-то ищет и находит ответы на накопившиеся вопросы в религии.

Лично я безоговорочно верю в исключительность каждого человека, рожденного на Земле, в его особенную, запрограммированную заранее где-то там наверху, миссию. В Судьбу, предназначенную той или иной личности и не подлежащую коррекции.

«Возьмите его к нам на службу». Помните эту фразу в рассказе брата?

Мой старший брат Хозе был вторым ребенком в семье. Первый, долгожданный сын, умер в младенческом возрасте, не дожив и до годика. И конечно, родители, особенно мать, любили Хозе неистово. Видимо, естественное чувство любви к ребенку многократно усиливалось подсознательным страхом потерять и его.

Дедушка Платон, отец моей мамы, рассказывал мне, как в конце сороковых его неужи-

данно вызвали в местное министерство госбезопасности. Дедушка был заслуженным учителем, известным человеком, но разве система в те годы обращала внимание на чьи-то регалии?

Мой отец работал тогда в Совмине. Но он находился в командировке, посоветоваться дедушке было не с кем. Подумав, взял он с собой, как принято, мыло, зубной порошок, сахар и пару теплых носков. Ну и отправился на улицу Энгельса, где располагался «силовой» блок.

Однако там его приняли, как говорится, с почетом и уважением и проводили в кабинет министра. Тут и выяснилась причина приглашения.

Дело в том, как поведал Платону министр, в Царском Селе, под Ленинградом, под эгидой его ведомства организовано специальное училище по типу Суворовского. Сие элитное заведение должно было стать кузницей кадров для внешней разведки. Республика получила квоту, два или три места. Чекисты провели негласный предварительный «кастинг», и одним из кандидатов на участие в конкурсе был назван мой брат. По причине отсутствия отца обсудить тему было решено с дедом.

Понятно, что дедушка не мог самолично решить столь серьезный вопрос, ждать приезда отца возможности не было, и дедушка пошел к своей средней дочери, моей маме. Мама закатила истерику, что было непривычным для нее делом, но вполне объяснимым в конкретной ситуации. Со словами, что не позволит никому, в том числе

государству, лишит ее второго ребенка, она раз и навсегда закрыла этот вопрос.

Негоже рассуждать в сослагательном наклонении: а что, если... и так далее. Но сегодня я знаю все о своем брате-Стрельце, его характере, способностях, бывлых возможностях, умственных и физических, его смелости, граничившей с дерзостью, моментальной реакции на любую ситуацию. И если кто и подходил для того, чтобы стать в будущем выдающимся шпионом или контрразведчиком-аналитиком, так это именно такой человек, как мой брат! Но, увы, в той самой его жизненной программе подобная ситуация предусмотрена не была.

Не знаю, повлияла ли все-таки история с письмом испанскому диктатору на дальнейшую судьбу брата, то есть вмешалось ли в его уголовное дело КГБ, мне неизвестно, но один факт привлекает внимание.

Тут, видимо, надо рассказать, хотя бы коротко, о предшествующих событиях.

Мне позвонил человек, представился оперативником МУРа и попросил принести для брата теплую одежду, курева и еды. На какое-то время я, видимо, потерял от неожиданности дар речи. В трубке «зависла» тишина. Мой собеседник, опытный человек, все понял и, чтобы успокоить меня, доброжелательно произнес:

— Да не переживайте вы, с ним все в порядке, мы его определили в нормальную камеру. А вообще у вас удивительный брат, образованный, воспитанный. С великолепным чувством юмора. Мы тут все ему симпатизируем.

— Тогда почему же он в камере, да еще в МУРе? — выдавил я из себя вопрос, на самом деле с трудом понимая, что же происходит.

— Да ерунда, — отвечал муровец, — он человека убил, думаю, что защищаясь. Приезжайте, поговорим. Но поторопитесь: начнется следствие, его от нас переведут.

И продиктовал мне свою фамилию и телефон.

Ничего себе ерунда!!! Человека-то он УБИЛ!!!

Сейчас-то я знаю, что произошло в тот проклятый день в центре Москвы, на Неглинной улице, летом, в воскресенье. В тот год брат решил поступать в вуз и собирался сдавать документы в Московский кооперативный институт, где учились многие наши земляки-сухумчане: Миро Папава, Толик Ковальский, братья Курумли — Андрей и Юра.

Буквально за день до поездки с документами в институт, в поселок Перловка, Хозе встретил на Неглинке старого приятеля из Кутаиси. Несколько лет до этого они не виделись, оба обрадовались и решили встречу отметить. Приятель рассказал, что серьезно болен и в Грузии

лечить его отказались. Единственная надежда была на московскую клинику. Сопровождал знакомого его родственник, тоже родом из Кутаиси. Шумный, грубый, огромный дядька. Был он слегка навеселе.

В ближайшем кафе заказали бутылку коньяка. Мой брат не был любителем спиртного, приятель вообще не пил, так что «добить» бутылку пришлось родственнику.

Коньяк, видимо, «лег на старые дрожжи», и мужчину развезло. Самое неприятное, что он стал бузить и придирается к посетителям кафе.

Нужно было уходить. На улице остановили такси. Родственники обещали по пути в гостиницу высадить брата у метро. Место рядом с водителем занял бузотер, Хозе оказался сзади него.

Не знаю, что и когда «переклинило» в голове нетрезвого и задиристого пассажира спереди, но он неожиданно резко, насколько позволили его габариты, повернулся и попытался ударить моего брата в лицо. Пространства в машине было недостаточно, дядька размахивал руками, пока сам не получил сильнейший удар в ухо. Взвыв, он выудил из недр своего пиджака нож. Ткнув, не глядя назад, ножом, угодил в руку брата. Из поврежденного сосуда хлынула кровь. Хозе, перехватив руку с ножом, резко ударил ее о спинку сиденья. Пальцы скандалиста разжались, и нож оказался в руках моего брата. Увидев нож в чужих руках, дядька удивительно проворно вы-

прыгнул из машины и с неожиданной для своей комплекции скоростью понесся по Неглинной. Догнать его не удалось, хотя какое-то время мой брат бежал за ним.

Состояние аффекта! Наверное, это определение, любимое выражение психиатров и юристов, и было тогда реальным состоянием моего брата, обычно владеющего собой. Во всяком случае, вернувшись к машине, он открыл заднюю дверь, начал выговаривать приятелю все, что накопилось, но, не справившись, видимо, с эмоциями, ударил того ножом в бок.

Придя в себя, на этой же машине отвез раненого в клинику Склифосовского. Спустя несколько дней кутаисец умер.

Протокол вскрытия гласил, что причиной смерти явилась неизлечимая болезнь пациента и смерть впрямую с ранением связана не была.

Спустя несколько месяцев брата арестовали, можно сказать случайно, оперативники МУРа. Предварительное расследование располагало показаниями пострадавшего (его успели допросить в Институте скорой помощи), водителя такси и медицинским заключением. Поэтому муровцы и углядели в деле брата признаки превышения допустимых пределов самообороны.

Но дальше события стали развиваться совсем по другому сценарию. Следователь, которому передали дело, оказался полным антиподом доброжелательных и справедливых оперативников МУРа.

Первое, что он высказал при встрече, что усатых тараканов надо давить, независимо, абхазы ли это, грузины или чеченцы. Этот постулат является жизненным кредо следователя. И он будет следовать своим принципам неукоснительно.

Далее он намекнул, что пристроит брата в камеру к отморозкам-шалунам с настоятельной «просьбой» к тем оказать внимание новичку. При этом ругался отборным матом.

Сдерживая себя, спокойным, уважительно-угрожающим тоном брат парировал, что сидеть ему приходилось с такими отморозками, которые следователю и не снились, а «опускают» обычно стукачей и подлецов. Так что лучше самому следователю побережь определенную часть собственного тела. На всякий случай. А если тот хоть раз еще выругается матом, Хозе обещал зубами перегрызть сонную артерию следователя.

«Верительные грамоты» были вручены. Следователь больше не ругался матом, но попытался отыграться в ходе следствия.

Из дела стали исчезать показания свидетелей и заключения медиков, появляться совсем другие бумаги. Следователь даже раздобыл коллективное требование делегации колхозников из Липецкой области, возмущенных разгулом преступности. Как это, в центре столицы обнаглевшие бандиты-рецидивисты режут ножами мирных людей? Необходимо строго покарать

преступников. (Интересно, откуда в заявлении колхозников взялось слово «рецидивист»?)

В конечном итоге, учитывая особую дерзость преступления, личность преступника и так далее, следователь квалифицировал действия Хозе как подпадающие под статью 102 УК РСФСР — умышленное убийство. Наказание — вплоть до высшей меры.

Может быть, это совпадение, но после истории с письмом Франко дело передали другому следователю. Тот изменил статью на 108 УК — умышленное нанесение тяжкого телесного повреждения. Не совсем справедливо, но все-таки маленькая победа.

Во время суда, в момент перекура, даже прокурор обмолвился, что не видит никакого умысла в действиях брата и здесь явно проглядывается другая, более мягкая статья. Но в СССР шла очередная «кампания» по борьбе с преступностью, подсудимому же предстояла третья «ходка», в общем, прокурор не стал официально озвучивать свои сомнения.

Приговор суда — восемь лет общего режима.

Но, несмотря на строгий приговор, факт неожиданной передачи дела и переквалификация статьи заставляют меня задуматься и провоцируют на поиск причинной связи в цепочке событий, имевших место в жизни моего брата в стенах Матросской Тишины.

Еще немного о харизматичности моего брата. А также об уровне интеллекта и методах самообразования.

Брат много читал. Будучи хорошо воспитанным человеком, он следил за собой, со вкусом одевался, всегда был чисто выбрит. Все это вкупе с начитанностью привлекало людей, вызвало чувство симпатии к Хозе.

Он старался не носить очки, хотя у него и была небольшая близорукость. Но, надевая изредка очки в оправе «под золото», смотрелся в них крайне солидно и даже элегантно.

Как-то после очередного конфликта с законом уехал на несколько дней в Ткуарчал, погостить у дяди Спиридона Делба. Подальше от сухумских оперативников. Хозе дружил с сыновьями дяди Спиридона, Алешей, Юрой и Джанаем (так ласкательно называли младшего — Аркадия). Алеша, старшего, к сожалению, тогда уже не было в живых, он трагически погиб, младшие же встретили Хозе с любовью и почтением, оказывая повышенное внимание.

В одном из ресторанов города, где друзья Юры и Джанаея устроили застолье в честь приезда родственника, в это же время городские партийные и советские чиновники принимали комиссию из ЦК компартии Грузии. В те годы было принято направлять всевозможные комиссии, нужные и не очень, из центра по всей респу-

блике. Вроде и работа проводится, и расслабиться можно вдали от жен и коллег.

Город маленький, все друг друга знают. Тепло поздоровались, надо было представить друг другу незнакомых людей. Руководители города не знали моего брата, возникла небольшая пауза, и в тишине прозвучал вопрос одного из гостей, произнесенный на грузинском: «Мапатие, винари эс каци?» (Извините, а кто этот мужчина?)

Острый на язык Джанай, немного знавший грузинский язык, неожиданно выпалил: «Маги арис меорэ мдивани Терджолис райкомиса», что переводилось так: «Он является вторым секретарем Терджольского райкома партии!»

Вот так, не больше и не меньше!

Возможность конфуза становилась очень даже реальной, ибо проверяющие были, как я уже сказал, из Центрального Комитета той самой партии и вполне могли знать, кто там у них в Терджоле работает в райкоме. Но пронесло, эти чиновники не знали. Терджола, по сути дела, небольшой захолустный городок недалеко от Тбилиси. Мало кто о нем знал, пока там не построили заводик, производивший шампанские вина.

У принимающей стороны возникла идея объединить столы, но удалось «отбиться», объяснив, что гость находится в городе с частным визитом и скоро должен уехать.

На следующий день ситуация повторилась с пугающей точностью, но в других декорациях и с другими действующими лицами. Разница в том, что представлять гостя пришлось начальнику ОБХСС, недавно начавшему службу в городе по распределению.

Теперь мой брат был представлен как профессор, доктор физико-математических наук, прибывший из Тбилиси принять экзамены в заочном филиале Тбилисского политехнического института.

Офицер милиции был один, его было просто необходимо по всем законам гостеприимства пригласить за свой столик. Следовательно, возможность разоблачения растягивалась по времени на весь вечер. Но пронесло и на этот раз.

Наоборот, гостя прямо-таки распирало от гордости, что он сидит за столом рядом с профессором, таким молодым и таким образованным. В конце застолья они уже обнимались, и пьяный милиционер просил профессора за взятку принять экзамен у его родственника, студента-заочника.

Спустя время дядя Спиридон встретил, как часто бывает в наших краях, то ли на поминках, то ли на сороковинах начальника местной милиции. Тот, кстати, был в числе руководителей города на приеме в честь гостей из ЦК.

— Знаешь, Спиридон, Джанай твой хитро-ванец. Ему палец в рот класть нельзя. Шустрый

очень. Надо же, представляет, уара, высоким го-
стям Хожа Делба, уголовного элемента, как пар-
тийного секретаря какого-то там райкома. Скан-
дал! Но, знаешь, я на сто процентов поверил бы.
Вот только портреты твоего племянника висят
на всех стенах в МВД и там почему-то ничего не
сказано о райкоме партии.

Прошло года четыре после Матросской
Тишины и последующего суда. Как-то летом в
сухумской квартире моих родителей раздался
телефонный звонок. Как правило, летние отпу-
ска я с семьей проводил в Абхазии. Я был дома
и снял трубку.

Незнакомый мужчина представился при-
телем брата и попросил разрешения зайти.

Уже сидя за столом, на тенистой веранде ро-
дительской квартиры, гость рассказал, что при-
ехал на отдых из Сургута в военный санаторий.
Оказался он майором внутренних войск МВД.
И служил именно в том лагере, где отбывал срок
Хоже. О моем брате он говорил с восторгом:

— Очень умный, образованный, воспитан-
ный, доброжелательный, справедливый и обя-
зательный человек. У нас служат разные люди,
много жестких и грубых, но и они относятся к Хо-
же Михайловичу достойно. Мы определили его на
должность учетчика в строительное отделение.
У него своя теплая бытовка с санузелом. В нару-
шение правил в помещении есть радиоприемник
и холодильник. У него очень приличная зарплата.

Кстати, меня поразил документ из бухгалтерской
карточки Хоже Михайловича. Оказалось, что он
тратит немалые деньги на почтовую подписку.
Я скопировал список. Посмотрите его.

Список действительно поражал!

Помимо привычных газет и журналов в
списке были издания специальные, рассчитан-
ные на подготовленных людей, профессионалов.
Да и просто экзотические:

«Античный мир и археология»;

«Зарубежное военное обозрение»;

«Литературное обозрение»;

«Российская юстиция»;

«Мировая экономика и международные от-
ношения»;

«Философские науки»;

«Известия русского географического обще-
ства».

(Вот и ответ на вопрос офицера КГБ, дей-
ствительно ли мой брат знал все титулы дикта-
тора Франко. Судя по всему — знал.)

— И ведь что важно, — продолжал гость, —
он все это не просто читал, он изучал материалы.
На многих страницах я видел пометки каран-
дашом. В общем, мы с коллегами решили по-
бороться за условно-досрочное освобождение,
хоть и статья не сахар, да и судимость не первая.
Но лиха беда начало!

Забегая вперед, скажу: руководство лагеря битву за моего брата с государством выиграло! Хозе освободили на два года раньше срока.

Слава богу, это была последняя судимость в жизни моего старшего брата. И вообще на смену шепутной затянувшейся вольнице шла нормальная, более или менее спокойная жизнь гражданина и главы семейства.

Брат не любил рассказывать об этой трагедии, но, будучи уже пожилым человеком, признался мне, что угрызения совести не дают ему покоя все это время. И возможно, бравада с письмом Франко была в какой-то степени защитной реакцией психики, позволившей хоть на время ослабить чувство вины.

Зимняя охота в Ткуарчале

Я уже упоминал о наших родственниках из Ткуарчала. О семье моего дяди Спиридона Делба.

Согласно легенде, сыновья князя Цанба, ставшего родоначальником фамилии Делба, ушли из отцовского дома и пустили корни в районе Очамчыры и в верховьях реки Галидзги. Так возникли очамчырские и ткуарчалские ветви рода.

Ткуарчалские Делба жили в основном в горных селах вокруг будущего горняцкого города, семья же дяди Спиридона обосновалась в самом городе.

Фамилия Делба отметилась в истории страны несколькими яркими, знаковыми личностями, известными каждый в свое время всей Абхазии.

Прожив немалое количество лет и взявшись в зрелом возрасте за перо, с ужасом осознаешь, что многое упустил, что не использовал ту бесценную информацию об истории своей страны, своего рода, о великих людях, твоих соотечественниках и родственниках, носители которой уже переместились в другое измерение, ушли из жизни.

Знаю, в свое время гремело по всей Абхазии имя Якуба Делба. Человека, прославившегося своей смелостью, мудростью и справедливостью. Человека, чье мнение никогда и никем не подвергалось сомнению, в любой жизненной ситуации. Человека, чье присутствие на собраниях или сходах любого уровня считалось почетным.

Безусловно, фигурой знаковой, героико-трагической был легендарный Гриша Долбая (Делба). Ушедший добровольцем на фронт в Первую мировую, он так отважно сражался, что получил, по сути без образования, офицерское звание. Награжденный орденами и медалями царской России, воевал затем на юге, в Добровольческой армии. Его мужество было отмечено лично генералом Деникиным. Командующий придерживался мнения, что в Гражданской вой-

не за ратные подвиги не должно быть наград, но в виде исключительности заслуг офицера вручил Грише именное золотое оружие.

После поражения Белого движения Гриша с женой, адыгейской княжной Хаджимуковой, перебрался в Турцию.

При Советах был приглашен в Абхазию лично Нестором Лакоба, под его гарантии, согласился и принял из рук советской власти высокое воинское звание комдива. Служил в НКВД и, естественно, как человек Лакоба, был расстрелян одним из первых, в самом начале обрушившихся на Абхазию репрессий.

В годы моей юности авторитетными, уважаемыми представителями фамилии Делба были три человека: дядя Ваня Делба из села Акваска, Герой Социалистического Труда, отец Валерия Делба, известного футболиста и всеобщего любимца, дядя Спиридон из Адзюбжи и дядя Спиридон ткуарчальский, о семье которого я и повежу речь.

Любовь к семье дяди Спиридона, к его сыновьям досталась мне в «наследство» от моего старшего брата Хозе.

Собственно, Хозе и привез меня, мальчишку лет десяти, впервые в Ткуарчал, в дом дяди Спиридона.

Старшего, рано ушедшего из жизни сына дяди я не застал, а средний — Юра и младший — Джанай приняли меня как родного. И оставались такими же близкими всю оставшуюся

жизнь. Со временем стиралась разница в возрасте, и мы стали еще и друзьями.

Братья были совершенно разными. Юра — сдержанный, порой даже строгий, рассудительный и немногословный. Джанай же весельчак, выдумщик, душа любой компании. Неутомимый на розыгрыши и приколы, заряженный неумемной энергией доброты и юмора. Что было у них общего, так это прекрасное патриархальное воспитание в лучших абхазских традициях, безграничная любовь и уважение к родителям, почтение к старшим, гостеприимство и обостренное чувство справедливости.

И если вести речь о родительских генах, то все свои положительные качества сыновья, безусловно, унаследовали от отца.

Дядя Спиридон был шумным, веселым и хлебосольным человеком, но при этом жестким, если требовали обстоятельства, и максимально объективным.

И, так же как и повзрослевших сыновей, дядю Спиридона с одинаковым почетом и пиететом приглашали быть тамадой на любых застольях и принимать участие в различных сходах старейшин, порой с правом решающего голоса.

Я любил бывать в Ткуарчале, в доме дяди Спиридона.

В конце семидесятых, зимой, я, давно уже живя в Москве, решил навестить родителей и немного погреться на южном солнце. Как раз

зимой теплые, солнечные дни в Абхазии, когда температура воздуха достигает шестнадцати — двадцати градусов тепла, воспринимаются в контрасте с московскими холодами особенно необычно и приятно.

Но в этот раз мне не повезло. Непривычно сильный снегопад буквально засыпал всю Абхазию белым искрящимся глубоким снегом. Ночами температура опускалась ниже нуля, что тоже было нетипично, не давая снегу растаять. Днем он превращался в вязкую сырую кашу, превращая улицы и дороги, которые никто не чистил, в непроходимое и непролазное бездорожье.

Так продолжалось дней восемь. Потом появилось солнце, снег начал таять, сугробы темнели, скукоживались и потихоньку сходили с улиц, превращаясь в воду и с шумом утекая сквозь решетки ливневых стоков. Город приходил в себя. Стало возможным выбираться наружу из квартир и домов и передвигаться почти свободно по подсыхающим тротуарам.

Юра к тому времени работал в Сухуми и, пока не получил квартиру, жил на два города, уезжая на выходные в Ткуарчал. Благо ехать было два часа на электричке.

Была пятница, когда я позвонил ему на работу. Мы договорились вечером встретиться на железнодорожной платформе, чтобы вместе отправиться на выходные в Ткуарчал.

Джанай встречал нас на станции, уже зная, что Юра едет в компании со мной. И конечно, в доме дяди был накрыт в честь приезда племянника праздничный стол. Женщины, моя тетюшка Зина, или Цицка, как ее называли домашние, с женой Юры Тосей сутились у плиты, дядя Спиридон был занят очень ответственным делом: разливал в кувшины вино собственного производства из бочонка, хранимого для самых уважаемых гостей, что было для меня особенно трогательно.

Пришли друзья Юры и Джаная. С кем-то я был знаком, кого-то не знал.

Из моих знакомых были Вова Гварамия, Валерик Кобахидзе, Борис Кмузов. Душой компании, как всегда, был таксист Амиран. Правда, все называли его «Жид». И когда я спросил, откуда такое прозвище, мне объяснили, что это не прозвище, а кличка. Разница, безусловно, существенная. Ибо если прозвища давались многим мальчишкам в повседневной жизни и это считалось делом привычным, то носителями кличек, «кликух», были, как правило, люди, побывавшие «на зоне», криминальные личности. Вот и Амиран постоянно вставлял в разговор специфические термины и фразы: «Век свободы не иметь, вертухай, фраера, как-то раз в нашей камере...»

— Он что, блатной? — спросил я тихонько у Юры.

— Нет, и не сидел никогда, — ответил тот. И, предвидя мой дальнейший вопрос, пояснил: —

Видишь ли, Вовчок, кто-то мечтает быть врачом, кто-то космонавтом, а Жиду с детства нравится блатная жизнь! Бывает и такое.

Как бы там ни было, Амиран был прекрасным рассказчиком, эмоциональным, красноречивым, с прекрасным чувством юмора. Да и забавных историй знал множество.

Я запомнил одну. Заранее нужно пояснить, что по абхазским традициям общение невестки со свекром лимитировано. В частности, недопустимо, если женщина окажется к свекру спиной.

В среде селян, в отличие от города, традиции пытались соблюдать.

И вот, рассказывает Амиран, подходит к машине молодая сельская жительница и просит отвезти ее со свекром в Очамчиру. Старика с почетом и комфортом усаживают на заднее сиденье, невестка же должна занять переднее кресло. Ну а традиция?!

— Так вот, эта тетка, чтобы не показать свекру спину, начинает втискивать в машину через переднюю дверь свою огромную задницу. Вталкивает ее с трудом в конце концов, затем втягивает остальную требуху и пытается, век свободы не иметь, развернуться к тестю лицом с географической точностью. У нее это получается, как ей кажется. А на самом деле не совсем. Лицом-то она к свекру разместилась, а жо... простите, мягким местом придавила мою бедную голову к дверному стеклу.

— Так ты счастливеец, Жид, — тут же нашелся Джанай, — приложился задарма, бесплатно, к женскому телу, да еще и к такому месту!

— Погоди, Аркаша, — парировал Амиран, — я же из-за ее... ну, этой самой... потерял правый боковой обзор и всю дорогу до Очамчиры прошконделял вслепую, да еще с башкой, прижатой к стеклу. И к тому же эта падла в аканцовке сказала, что оставила деньги дома и попросила мой адрес, пообещав мне в подарок козу. Не знала она, сколько деревенских абхазов обещало мне коз. Если бы отдали, мне не нужно было бы шоферить, а следовало назначить себя козым пастиухом. Ну вот, а шея моя тогда окривела и выравнивалась после этого целых четыре дня.

Тут поднялся с бокалом в руке дядя Спиридон, и все стихли.

— В моем доме радость! — пафосно произнес он. — В гостях у меня племянник, но главное не только то, что он приехал, а то, откуда он приехал, где он живет! Кто скажет мне, где он живет, кто знает? В Москве? И это все? Но и это не главное. Главное то, что живет он там, где наш Кремль! Вот это главное! Прошу поднять бокалы!

— За Вову, который живет в Кремле. Тяжело же тебе там, горемыке, небось с Леонидом Ильичом бухать частенько приходится?! — не отказал себе в удовольствии поерничать Джанай. — Надо выбрать тамаду!

И выбрали на мою голову, как говорится!

«Возглавил стол» сотрудник Джаная, здорovenный, борцовского вида молодой джигит, имеющий, как выяснилось, богатый опыт «тамадовства». К тому же приверженец жесткого, соревновательного «метода» ведения застолья.

А это значит, что тамада может, произнеся тост, тут же осушить бокал (или стакан, или рог, или, к примеру, вазу для цветов). А может собрать в один «букет» несколько тостов, то есть несколько емкостей с вином, и пустить их по кругу одновременно. Никто не заставляет осушать их сразу, дается определенное время, но попробуйте сачкануть и не выпить ВСЕ вино в конечном итоге!

Навлечете на себя гнев тамады, да и не только тамады. Станете мишенью для высмеивания и всяческих подкалываний! И дабы не покидать застолье, что является поступком позорным, вино приходится, увы, выпивать.

Кстати, согласно этим самым седым традициям, отлучаться в туалет и освободиться от излишней влаги категорически запрещено.

Такие вот забавные порядки. Всем понятно, что правила бредовые, и, конечно, сегодня в городских условиях их не соблюдают, но в сельской местности смельчаков, рискнувших публично осудить и изменить правила игры, не находилось. Приспосабливались, как могли.

«Гуляли» по республике различные легенды об экзотических выдумках местных умель-

цев-выпивох. Они, как правило, немного различались, но в основе все же лежала одна и та же технология, базирующаяся на строении человеческого тела.

Главным элементом тайных конструкций, запрятываемых под одежду, являлась некая отводная трубка, шланг, могущий принять в критический момент рвущуюся наружу жидкость. А вот выводил он ее порой в прикрепленные к ногам резиновые грелки или, бывало, прямо в широкие раструбы резиновых сапог.

Интересно, издавали ли эти самые сапоги специфические звуки, когда их владелец топал домой после застолья? Или потом всем было уже все равно, издают ли чьи-то сапоги вообще какие-нибудь звуки?

Застолье грозило стать для меня серьезным испытанием «на прочность». Юра, сидевший рядом, предложил тайком передавать часть стаканов ему, дабы облегчить мою участь. Таким образом он значительно уменьшил объем густого, ароматного, достаточно тяжелого домашнего вина, предназначенного мне согласно программе тамады.

Тамада тем временем «входил во вкус», увеличивая от раза к разу количество тостов и соответственно количество стаканов. Уже и Юриной тайной помощи стало не хватать.

Собрав «пул» из двенадцати стаканов, тамада передал «алаверды» мне. Сам же, осушив три или четыре стакана, неожиданно опустил го-

лову, стих, а через минуту захрапел, продолжая сидеть в кресле.

УРА! Тоталитарная система пала, саморазрушилась! Да здравствует Свобода, это воистину сладкое слово!

Гости расслабились, перевели дух. Даже сидящих в креслах мужчин как будто изменились, стали более комфортными и уютными. Кто-то попросил кофе, тосты сменились дружеской беседой, воспоминаниями, анекдотами. Вечер стал не спеша, но неотвратимо двигаться к завершению.

И когда гости уже собрались уходить, неожиданно пробудился наш уважаемый тамада. Вначале обвел присутствующих непонимающим, мутным взглядом, затем узрел наполненные, недопитые стаканы в моем «секторе» стола. Глаза тамады моментально очистились от сонной винной мутности и вновь стали глазами трезвого человека. Видимо, часового сна оказалось вполне достаточно для полного восстановления творческих возможностей, памятья неординарные физические данные тамады.

Тамада поднял голову и внимательно посмотрел на меня. Вопрос читался в его глазах. Не дожидаясь озвучивания, я с улыбкой произнес, что застолье естественным образом завершилось, как мне кажется. Ведь и у самого тамады «зависли» недопитые стаканы.

Ну и что из того, парировал тамада. Разве его переизбрали или он объявлял об окончании вечеринки? Ничего подобного не было, продолжал тамада, и настоящие мужчины обязаны осушить все емкости из регламента тоста.

Сам же практически без перерыва допил свое вино, многозначительно поглядывая на меня. Выбора он мне не оставлял. И не успокоился, пока не убедился, что и я, как настоящий мужчина, давась и икая, выпил то, что был обязан выпить.

И только потом официально завершил застолье.

Меня ждала, возможно, страшная ночь. Вино булькало во мне, и неизвестно, что было у него «на уме».

Как почетного гостя, меня уложили на втором этаже, в уютной спальне, обогретой электрическим радиатором, в огромной двуспальной кровати. На прикроватной тумбочке оставили пепельницу, сигареты и спички. И кувшин с компотом, если ночью вдруг захочется пить. Все вроде прекрасно.

Но, засыпая, я вспомнил, что дом-то не достроен и я не знаю, есть ли в нем туалетная комната? И где она?

Вопрос не праздный. Тем более что в Абхазии иногда даже в капитально выстроенных домах в сельской местности все «удобства» выносились за пределы дома и устраивались на

расстоянии. Где что расположено во дворе, я знал. Но, напоминая, зима в том году была не по-южному серьезной. А Ткуарчал — город в горах, снег лежал выше колен, температура ночью была очень даже минусовая...

Слава небесам, ночь прошла, все закончилось благополучно, если не считать небольшого похмельного синдрома утром. Но как с этим бороться, секретом не было. Хоть медицина как наука не одобряет лечения подобного подобным, две-три рюмки домашней виноградной водки утром вкупе с обильным завтраком не оставляет похмелью ни малейшего шанса на успех.

А утро, надо сказать, выдалось прекрасное. Светило яркое солнце, небо было синим-синим, до боли в глазах, каким бывает небо только зимой в горах. Снег, пока еще скованный ночным морозом, искрился под солнцем, не таял и продолжал укутывать дома, сады и окрестные горы белоснежным покрывалом, как будто выстиранным в родниковой воде и источающим свежесть. И если у земли эта снежная свежесть отдавала прохладой, то воздух, прогревающийся ласковыми солнечными лучами, был уже не позимнему теплым.

Итак, великолепное утро, шесть или семь молодых, здоровых мужчин, только что вкусно и обильно позавтракавших. В воздухе витает почти шекспировский вопрос: чем себя занять в выходной день? В маленьком шахтерском городе

ни казино, ни цирка, ни стриптиз-баров. Ну не в кино же идти! Возможен, теоретически, южный зимний вариант: после завтрака — десерт, затем завтрак плавно перейдет в обед, вечером опять соберутся друзья...

А в открытую форточку в жарко натопленную комнату тем временем вливается с улицы свежий живительный горный воздух вперемешку с солнечными озорными лучами.

И кому-то в голову приходит идея! Нужно идти на охоту! Сейчас, кстати, пора дроздов.

Идея мне не нравится, я не могу стрелять в любое живое существо, дабы позабавить себя и друзей. И пропитание добывать себе с ружьем в ружьях не привык.

Но кто меня в нашем конкретном случае слушает?

Кто-то кому-то звонит, и примерно через полчаса брат Валеры Кобахидзе Тушка привозит полный багажник охотничьих принадлежностей: ружья, патронташи, резиновые сапоги. И мне выделяют двустволку и пару сапог. Ружье как ружье, а вот сапоги оказываются сырыми изнутри, да к тому же на два номера меньше моего размера.

На небе ни облачка, ласковое солнце в зените, и я принимаю решение оставить пальто дома. В пиджаке, но с шарфом на шее чувствую себя достаточно комфортно, если не думать, конечно, о сапогах.

Юра зовет соседа, у того автомобиль, погружаемся в две машины и, возбужденные перспективой дивно провести время, с гоготом и шутками катим в сторону моря. Наконец доезжаем до железнодорожного переезда и останавливаемся.

Справа, рядом с полотном, примостился маленький домик, скорее будка, путевого обходчика. Слева, в сторону холмов, уходит грунтовая дорога.

Выгружаемся из автомобилей. Машины, отчаянно сигналив, разворачиваются и уезжают назад, в город.

— Ну что? — произносит Юра. — В дороге можем разделить, чтобы не идти скопом. Встречаемся у Володи. Если не настроляем дроздов, надеюсь, индюшку хлопнем.

Честно говоря, Юрину фразу я не понял, переспрашивать же не стал, так как забыл о ней и вообще обо всем на свете через несколько секунд.

Ибо как раз через несколько секунд мы ступили на ту самую грунтовую дорогу, ведущую вверх. Вообще-то применительно к реальному ее состоянию слово «дорога» воспринималось как термин достаточно условный. На самом деле она больше напоминала трассу для экстремальных авто- или мотогонок, так как была покрыта глубоким слоем почти непроходимой, вязкой черной грязи. И чтобы не завязнуть в ней, охотникам, то есть нам, пришлось с дороги сойти и дальше двигаться по снежной целине.

А ведь день, как я уже успел доложить читателю, был солнечным и не по-зимнему теплым. И то, что казалось обычным снегом, на деле являлось кашей из мелкого льда и воды. Идти по этой взвеси было крайне тяжело, учитывая, что шли мы в гору. Я моментально вспотел, что было достаточно опасно, ведь на самом-то деле зиму никто не отменял и ветер, продувающий иногда открытые пространства между холмами, был достаточно злым.

Тут моментально во весь голос заявили о себе тесные и сырые сапоги. Ноги со скрюченными пальцами превратились в ледышки, страх перед простудой материализовался, и я начал ощущать озноб и боль в горле. Тем более что мне было неизвестно, как далеко лежит наш путь. Но и назад дороги уже не было.

Иду скорее по инерции, согласно некоему внутреннему «автопилоту», в системе координат неведомой, сдвинутой реальности, держась глазами за долговязую фигуру Вовы Гварамия, бредущего по склону холма в нескольких десятках метров выше. И отмечаю, как во сне, звучащие периодически то там, то тут ружейные выстрелы.

Что компенсирует хоть немного мои мучения, так это пейзаж вокруг, сменяющиеся картинки удивительной красоты.

Пока солнце в зените, кажется на первый взгляд, что в природе только два цвета — ярко-

синий глубокий цвет неба и искрящийся белый цвет снега, укывшего землю. Но это только на первый взгляд. На самом деле слепящие лучи полуденного светила раскладывают локальные цвета на множество оттенков. И синий не просто синий, а местами темно-синий, особенно вокруг солнечного диска, и нежный, дымчато-голубой на периферии небосклона, граничащий с заснеженными вершинами предгорья. Да и сам снежный полог, искрящийся под лучами солнца, то вдруг отликает золотом, отражая солнечный свет, то становится розово-голубоватым, как благоухающее свежевстиранное белье, когда прачка при стирке добавляет в воду немного синьки. И это противоборство цветов, а вернее, стихий, элегантно, графически обрамляет дорога, как черная змея, выющаяся между холмов, да замысловатые решетки изгородей из потемневших от времени тонких стволов деревьев, свободно вписанные в картинку, то там, то тут.

Изысканность пейзажа сошла как будто с полотен японских живописцев.

Но солнце постепенно смещается, уходит из зенита, синие тени безжалостно изменяют ландшафт, прорисовывая на снегу некую скрытую, невидимую ранее «кристаллическую решетку» рельефа, зрительно добавляя «холода» и тревоги в безмятежную японскую акварель. Теперь это скорее Рокуэлл Кент с его арктическими пейзажами.

Мы же упорно продвигаемся вперед, осиливая холм за холмом, спускаясь в низины, чтобы тут же штурмовать новые высоты. И когда взбираемся на вершину очередной горы, оказывается, что почти наступил вечер.

Картина, открывшаяся с верхотуры, потрясает. Словосочетание «перехватывает дух» оказывается реальностью, а не фигурой речи, ибо свежий, прохладный уже, чистейший горный воздух застывает на время в хитросплетениях твоих бронхов и ты забываешь, что нужно выдохнуть или вдохнуть его снова.

Ради этой картины стоило мучиться несколько часов, месяц на склонах гор в мокрых, холодных сапогах подтаявший вязкий снег.

И как описать то, что я увидел с горы в тот сказочный зимний вечер, не впадая при этом в некоторое восторженное сюсюканье и не используя штампы?

Несколько окрестных холмов сходились, образуя небольшую лощину. Внизу, в лощине, стоял дом. Типично абхазский сельский дом, одноэтажный, но на высоком фундаменте. С обширной деревянной верандой, возможно каштановой. На участке, огражденном изгородью, проглядывалось традиционное ореховое дерево. Отдельно расположились плетеная кухня-апацха, помещение для скота, хранения кукурузы, вина.

Окна дома уютно, маняще светились. Рядом с апацхой двое мужчин пилили и складывали в поленницу дрова. В самой кухне горел очаг, освещающая пульсирующим светом прямоугольник земли перед входом, очищенной от снега и посыпанной мелкой галькой. Над апацхой клубился ароматный дым, донося сюда, на верхотуру, запахи готовящейся пищи.

Сверху все это казалось мне ненастоящим, игрушечным. Вечерняя лощина с домом, как макет, была как будто выдолблена из цельного куска потемневшего от времени дерева. И напоминала сцену из древнего античного спектакля, разыгрываемого без декораций на фоне природы. Только вот не было обязательных мраморных колонн и амфитеатра.

И еще, эта пастораль, неожиданно возникшая перед глазами на фоне почти безжизненных белых холмов, напомнила мне новогодние открытки, приходившие в детстве из Германии, от моих тети Зины и дяди Кости.

На открытках были нарисованы пряничные домики со светящимися окнами на фоне очень похожих на альпийские горных заснеженных пейзажей. И еще маленькие фигурки людей, танцующих или катающихся на саночках. Поверхность открыток была посыпана блестками и измельченным фосфоресцирующим стеклом от елочных игрушек.

Вот и сейчас небо из темно-синего превратилось в фиолетово-черное бездонное пространство, наполненное яркими холодными звездами и украшенное серебряной, как будто нарисованной луной. А игрушечные, почти как на открытке, холмы кто-то большой и талантливый раскрасил в сине-голубые тона, не забывая о черных тенях. Потом он же, не успокоившись, щедро посыпал холмы озорными серебряными блестками, игриво отвечающими лунному свету фосфоресцирующим отсветом. Как будто засеял укутанную снегом землю сказочной звездной «рассадой».

И, созерцая невиданную для городского жителя красоту, я и сам стал как бы частью этой картинки, пророс на время в ее ткань, краски, запахи, свежесть горного морозного вечернего воздуха, забыв о холоде, онемевших ногах в мокрых сапогах, о «тяготах» недавнего бродяжничества по бесконечным холмам. Будто растворился в синеве зимней сказки.

Из сказки назад к реальности меня вернул появившийся неожиданно за моей спиной Вова Гварамия.

— Ну что, Волоха, дошли наконец. Мы, я думаю, последние. Остальные давно уже внизу. Ну что, два Владимира здесь, третий дома, спустимся, найдем женщину, поставим посреди трех Волод, пусть загадывает желание. Наши желания загадывать нет смысла, с ними и так все ясно. Вперед!

Вниз — не в гору! Через несколько минут мы входили в дом под радостные возгласы хозяев и членов охотничьего нашего сообщества. Тут перестала быть для меня тайной фраза, произнесенная Юрой в начале пути.

Дом принадлежал дяде Володе Делба, родному брату дяди Спиридона. Дядю Володю я смутно помнил на похоронах дедушки Константина (Пия) много лет назад, но в доме его не бывал. И тетю свою, и братьев, сыновей дяди Володи, к сожалению, не знал.

Стало ясно, почему Юра предложил нам поохотиться именно в этих местах и что значило «хлопнуть индюшку». Это был сюрприз персонально для меня. Ему хотелось перезнакомить меня с ближайшими родственниками. И понятно, что наш визит предполагал застолье в доме дяди. Вот вам и индейка, соответствующим образом приготовленная, возможное украшение стола.

Кстати говоря, никому из «охотников» дрозды в тот день так и не попались.

И индейку нам попробовать не удалось, ибо по команде дяди сыновья оделись и куда-то ушли. Вернулись они через полчаса. Один нес на плечах небольшого козленка.

Мясо козленка, варенное с добавлением молока, поданное на стол с аджикой, алычовым или томатным соусами «асацбал», издревле почитается в Абхазии как главное блюдо на любом застолье.

Пока часть мужчин занялась приготовлением «специалитета», я, о блаженство, стянул с помощью друзей-охотников ненавистные сырые сапоги, поставил их поближе к камину и вытянул ноги к огню. Потрескивали в огне поленья, по комнате витали ароматы еды, даже мое уставшее тело ныло как-то сладостно, не вызывая дискомфорта, а, наоборот, подчеркивая состояние неги и расслабленности.

Кувшины с холодным вином, принесенные извне, моментально запотевали в натопленном помещении. Побаиваясь за свое горло, я попросил дядю поставить один кувшин с красным вином поближе к огню, персонально для меня.

Когда мы сели за стол, Джанай не упустил возможности меня подколоть. На вопрос дяди, кто какое вино будет пить, Джанай пояснил: мы — красное, те — белое, а Вова — чай! И, не дожидаясь дополнительного вопроса, указал на «мой» кувшин, о котором все забыли и над которым действительно поднимался, как над чайником, обильный пар.

Мне оставалось подыграть и ответить в пикку Джанаю, что по этикету красное вино пьют именно теплым.

Прекрасное, веселое застолье в доме дяди, среди близких людей, без узурпатора-тамады. Остроумные и мудрые тосты, смешные и грустные воспоминания, острые анекдоты... А за окнами — искрящиеся под лунным светом, спящие заснеженные холмы и горы.

Такие воспоминания остаются в памяти навсегда и становятся с годами еще более щемящими и ностальгическими.

Поздно ночью, невзирая на настойчивые просьбы дяди остаться у него, генеральный охотничий штаб принял решение возвращаться в город. Дорога к тому времени подмерзла, по ней можно было смело идти. В дальнейшем оказалось, что независимо от ее «петляний» по холмам она заметно сокращала расстояние от дядино дома до шоссе.

Поскольку я был без пальто, мне выдали куртку и шапку. Сапоги, к великому моему счастью, были уже полностью сухими. Джанау тоже досталась какая-то экзотическая шляпа с опущенными полями, напоминающая панаму.

И после трогательного прощания мы в сопровождении сыновей дяди Володи тронулись в путь.

Красоту окружающего ландшафта я уже пытался описать. Сейчас можно было наблюдать иное состояние, ибо стояла глубокая ночь, небо стало совершенно черным, как черные бархатные «небеса» в театре. Крупные, подвешенные к бархату на невидимой леске, звезды были как будто вырезаны из льда и источали холод. Яркий лунный свет только подчеркивал зябкость почти белого снежного покрова, оттененного черными изгибами рельефа.

Холодный воздух был удивительно чистым, свежим и бодрящим. Он обладал, казалось, неуловимым вкусом, как родниковая вода, которой невозможно напиться, сколько бы ее ни пить. Дышалось легко. Состояние легкого опьянения от выпитого вина вкупе с пьянящим воздухом делало человеческое тело невесомым и провоцировало на какие-то безумные мысли. Хотелось, развеяв, как крылья, полы куртки, лететь, парить над сонными горами. Забираться высоко-высоко, туда, где загадочно поблескивали голубизной ледяные звезды.

В звенящей морозной тишине наши голоса звучали особенно звонко. И эхо, резвясь, долго-долго «гоняло» каждый звук, как мячик, по окрестным холмам.

— Пострелять бы сейчас, да жаль, патроны закончились, — с грустью в голосе произнес Джанай.

— Так у меня этих самых патронов полный карман, я же не стрелял. Возьми мои, — предложил я Джанау.

— Не пойдет, у меня шестнадцатый калибр, а у тебя двенадцатый.

— Так возьми мое ружье.

Мы с Джанаем обменялись ружьями.

И тут мы вышли на шоссе. Асфальтовое покрытие тускло отсвечивало под лунным светом, дорога была полностью безжизненной.

Безжизненным казался и домик обходчика у железнодорожного переезда. Темные, неосвещенные стекла окошка подчеркивали факт отсутствия людей, лишь легкий дымок из печной трубы вносил небольшое сомнение в правильность первого впечатления.

Посему решено было домик обследовать. Дверь оказалась незапертой. Мы, слегка озябшие, шумно ввалились в тесное помещение. Тусклый свет, проникающий в комнату с улицы, высвечивал контуры незамысловатого набора инвентарной мебели: три или четыре табурета, большой, грубо сколоченный стол и скамья, которую при желании и сноровке можно было использовать как лежанку для сна. Еще обнаружилась раскаленная печка-буржуйка и колченогий стул в «колониальном стиле», явно найденный на свалке и кое-как отремонтированный. Стул стоял рядом с печкой, и в нем «восседал», поклевывая носом, сам путевой обходчик, пожилой и совершенно пьяный.

Розыгрыш или прикол, как правило, это импровизация. Когда и кому она может прийти в голову, предугадать невозможно. Тем более что в нашей компании тех самых «импровизаторов» было хоть отбавляй. Конечно, розыгрыши в зависимости от развития сюжета могут быть иногда крайне острыми, даже жесткими. Когда как.

Убаюканный алкоголем и ночной тишиной, обходчик явно не ожидал в спокойное мирное время подобного нашествия незнакомых вооруженных людей. Он попытался включить свет, но руку его перехватили и показали знаками, что, мол, не нужно этого делать. Молча расселись на табуреты и скамью. Джанаю места не хватило, и он сел прямо на стол, поставив ружье прикладом на столешницу и прижав ствол к плечу.

Гнетущая тишина зависла в крохотном помещении. Первым, кто не выдержал, был сам обходчик. На всякий случай он подергал за штанину сидящего рядом и жестами спросил, можно ли говорить. Ему ответили кивком головы, но приложив палец к губам. Можно, мол, но шепотом.

Обходчик понял и зашептал. Оказалось, что он хотел бы угостить пришедших, но, поскольку вино и еда закончились, ему необходимо сходить домой за припасами. Это не очень далеко, через час он вернется и окажет гостям необходимое внимание.

— Мы не гости, — был ответ, — да и ты пойдешь не домой, а будешь искать телефон, чтобы позвонить куда следует. Минут через десять мы уйдем, но тебе сегодня не повезло. Мы не оставляем свидетелей, поэтому можем сказать тебе правду. Мы члены банды «Хромой черный дрозд», ты наверняка о ней слышал. Позавчера мы ограбили контору Чхортольской потребкооперации и положили в перестрелке двенадцать

охранников. Сейчас идем из восточной Грузии через хребет в Дагестан, там, на Каспийском море, нас ждет иранская подводная лодка. Так что извини, земляк, ничего личного, век свободы не видать.

Полная белиберда, экспромт. Зачем идти из мегрельского села Чхортоли, которое совсем рядом, в восточную Грузию, а затем возвращаться назад? Оттуда и до Каспия рукой подать. Левое ухо правой рукой? А может, чтобы следы запутать?

И потом, что за промкооперация такая на селе, охраняемая как военная база?

Но несчастному обходчику некогда было анализировать полученную информацию. Он судорожно искал ту соломинку, за которую можно было бы уцепиться!

— Но здесь ведь темно, я не видел ваших лиц.

— Но ты наверняка пересчитал нас, мог измерить рост каждого и запомнить наши голоса.

— Как я могу в темноте измерять ваш рост? У меня и линейки нет. А голоса как запоминать? Мы ведь говорим шепотом.

— Знаем мы вас, обходчиков, вы все даете органам подписку о сотрудничестве и проходите специальное обучение, в том числе как измерять рост человека без линейки и штангенциркуля.

— Штанген чего? Да нет же, никакой подписки я не давал, мамой клянусь, дети у меня ма-

ленькие, три штуки, их пожалейте. А я правда ни слова никому не скажу.

Шутка затягивалась, надо было найти справедливым, добрым и смешным способом выхода из ситуации.

И тут обходчик тяжело вздохнул и неожиданно произнес сакраментальную фразу:

— А я ведь и вправду свидетель. Ну, раз меня обязательно нужно убить, не унижайте меня, сделайте это достойно и не больно. И еще просьба, я ведь вам ничего плохого не делал? Побойтесь хоть как-нибудь о моих детях.

Что произошло вслед за фразой, до сих пор вызывает во мне шок. Возможно, нечто подобное испытывает человек, расположившийся в кресле-качалке на балконе отеля где-нибудь на Капри, или в Доминикане, или на Багамах. Расслабившись от удовольствия, в полудреме обозревая пейзажи невысказанной красоты, вдруг обнаруживает перед собой гриб ядерного взрыва. И понимает, что взрыв реальный и что жить ему осталось всего несколько секунд.

Нет, этот пример не подходит. У нас не было этих самых секунд, ибо взрыв был изначален.

Неожиданный и оглушительный. Парализовавший барабанные перепонки, забивший глаза и уши кислым дымом, песком и частичками облетевшей со стен штукатурки. Лишивший нас на время возможности реально воспринимать действительность.

Не знаю, терял ли я сознание, скорее — нет, не терял. Но нечто типа легкой контузии, безусловно, было. Сначала мне почудилось, что, возможно, мы действительно члены банды, нас преследуют, настигли, окружили и обстреляли из танковых орудий или из гранатометов. Чуть позже, ощутив, что воздух вокруг резко похолодел, и увидев над собой усыпанное ледяными звездами небо, я решил, что взрыв убил меня, я умер и душа моя готовится улететь в звездные эфирные дали.

Но душа не улетела, дым рассеялся, взвесь из песка и штукатурки осела.

Все сидели на своих местах, ошалевшие, с открытыми ртами, но живые и, как оказалось, невредимые. В комнате было так же холодно, как и за пределами будки, ибо потолок и соответственно крыша просто отсутствовали. В огромную рваную дыру вливался вместе с абсолютной тишиной загадочный свет далеких звезд.

Шок прошел, в воздухе повис вопрос: что это было?

Все просто! Джанаю захотелось завершить наше общение с обходчиком какой-нибудь экзотической кодой. И, не придумав ничего лучшего, мой брат тихонечко взвел курки ружья и тут же спустил их. Одновременно!!! «Дуплетом», как говорят охотники.

Небеса хранили нас в тот вечер. Не знаю, чем были заряжены патроны, какой дробью? Но ведь были заряжены! И будь крыша будки или ее потолок чуть покрепче, вся дробь «гуляла» бы по помещению, то есть досталась бы нам. Но пронесло.

Приключение пора было завершать.

Обходчику было объявлено, что нас таки выследили и бомбили с самолета. А раз в момент атаки мы были вместе, то он, обходчик, становится временно как бы нашим соучастником, братом и другом. А братьев не убивают, даже если они и свидетели. Но и он должен внести свою братскую лепту в общее дело. А именно: в течение получаса дожидаться чекистов и военных и объявить им, что группа незнакомцев отбыла в сторону моря на самосвале неустановленной марки. Если преследователи за это время не «подтянутся», обходчику идти домой, а заявление сделать утром, но не раньше десяти часов.

Оставив «соучастника», окаменевшего от неожиданности, страха, а может, от радости, что он останется жить, компания прикольщиков выбралась за пределы атакующей с воздуха будки и отправилась по шоссе в сторону Ткуарчала.

Идти предстояло, по моим подсчетам, два, а может, три часа.

Но судьба приготовила нам еще один сюрприз. Не пройдя и сотни метров, мы услышали

звук мотора. Со стороны Очамчиры по обледеневшему шоссе медленно двигался автомобиль. Судя по мощному рокоту двигателя и яркому свету фар, расположенных достаточно далеко друг от друга и указывающих на приличные габариты машины, мы решили, что это грузовик. В нашей ситуации подарком был бы даже самосвал. Как-нибудь, в кузове, на капоте, на подножках, но доехать до дому! Вот предел мечтаний.

Когда же авто остановилось в нескольких метрах, мы, не сговариваясь, стали аплодировать! Это была все-таки легковушка. ЗИМ, по сути, ретроавтомобиль. Представительское авто сталинской эпохи, кстати, прекрасная машина, опередившая по части технических новинок многие западные образцы. Она и в те годы считалась раритетом и была большой редкостью. Для нас она была особенно ценна своими огромными габаритами.

Откуда взялся ЗИМ на зимней ночной дороге, ведущей в маленький заштатный городок, так и осталось загадкой. Нам же было все равно.

К сожалению, именно к этому экземпляру, подобравшему нашу компанию, определение «прекрасная машина» ну никак не подходило. Это был старый кузов, установленный на раму грузовика, с двигателем, также снятым с грузового автомобиля. Кузов страшно скрипел, стучали неплотно подогнанные двери, к тому же в задней части салона вместо роскошных мягких

сидений и дополнительных откидных кресел стояли два металлических стула, обтянутых парусиной. Стулья, видимо, были когда-то сняты с самолета типа ЛИ-2, а вообще в салоне ЗИМа явно возили самые различные грузы: овощи, рыбу, живой скот.

Но знаете ли вы, какое это удовольствие — сидеть на железном полу автомобиля, в котором нет амортизации, но в относительном тепле, среди «ароматов» слегка подгнивших овощей, тухлой рыбы и кислой овечьей шерсти, смешанных с запахом овечьей же мочи? Когда это «чудо техники» — ЕДЕТ!!!

Минут через сорок мы были дома. Сил хватило ровно на то, чтобы кое-как умыться, раздеться и разбрестись по кроватям. Еще через три-четыре минуты вся команда горе-охотников спала мертвецким сном.

Утром все поднялись достаточно поздно и собрались за столом в теплой кухне. Все, кроме Джаная. Но пока женщины накрывали на стол, подъехала его «волга», и в комнате появился сам «главный охотник», он же «террорист-диверсант-бомбер» Аркадий Спиридонович Делба (ласкательное имя — Джанай), чисто выбритый, свежий, в дубленке, элегантном импортном костюме и в фирменном галстуке. Ничего общего с человеком в мятой охотничьей куртке, резиновых сапогах и несурзной шляпе с опущенными

полями, разгуливающим вчера по заснеженным холмам и разнесшим в конце концов в пух и прах домик путевого обходчика на железнодорожном переезде.

Пока мы спали, рано утром, несмотря на воскресный день, Джанай поднял из постели своего друга, начальника строительного треста, тот дал соответствующую команду прорабу, и уже примерно часа два, как бригада рабочих ремонтирует домик. Кроме того, Джанай отправил «посыльного» домой к обходчику, который передал бедолаге под «подписку» о неразглашении государственной тайны спецконверт от министра НКВД (в конце семидесятых годов!!!) с секретной денежной премией за достойное поведение и отпор врагам советского народа. А также огромный окорок копченой свинины, бочонок с домашним сыром и ящик коньяка.

Мы еще завтракали, когда позвонил первый секретарь горкома КПСС Давид Пилия. Он рассказал Джаная, что прошлой ночью пьяная компания заезжих охотников повредила будку обходчика. Секретарю по этому вопросу звонил транспортный прокурор. Поскольку ваши Делбовцы, Володина семья, живут поблизости, сказал секретарь, мне не хотелось, чтобы они стали предметом интереса для прокуратуры. И попросил Джаная отрегулировать этот вопрос. На что тут же получил согласие.

Вечером мы с Юрой и Вовой Гварамия возвращались в Сухум на электричке.

Из окна поезда был хорошо виден домик обходчика, крытый кровельной жестью и выкрашенный в веселый сине-бирюзовый цвет. Из печной трубы шел дым, окно было освещено изнутри.

Был хорошо виден и сам путевой обходчик, стоявший у полотна с флажком или жезлом в руке. Это был не наш бедолага, «брат по несчастью», а другой человек, наверное, сменщик. Очень высокий, худой и молодой, почти юноша.

Машинист отсалютовал обходчику гудком, и длинное зеленое тело электрички, набирая ход, заспешило поскорее вырваться из ущелья на равнину, к морю.

*

Белоснежное искрящееся одеяние зимних холмов и гор вокруг Ткуарчала очень сильно отличалось от грязно-серой мокрой массы, лежавшей на земле и на крышах домов Москвы той зимой, когда Юра и Джанай с женами прилетели в столицу.

Я приехал к ним в гостиницу «Россия» в середине дня. Было время обеда. Мы, мужчины, переместились из номера в ресторан, дабы дать женщинам возможность спокойно привести себя в порядок.

Даже восточным женам, более терпимым к мнимой свободе их мужей, не очень нравят-

ся регулярные застолья и возлияния по поводу и без повода. Дабы не вызывать лишний раз их недовольства, Юра распорядился принести нам водки сразу, перед принятием заказа. Официант дважды принес нам спиртное, разливая его по просьбе Юры в большие винные бокалы.

Третий графин мы заказали вполне «легально», в присутствии жен, Тоси и Ларисы. Удивительно, но, видимо, внутренняя потребность каждого из нас выглядеть достойно не давала выпитой водке возможности одолеть наши организмы и каким-то образом проявиться внешне. Думаю, что женщинам даже и не пришла в голову мысль, что мужчины могли «пошалить» в их отсутствие.

После обеда мы взяли такси и поехали на Новодевичье кладбище. Не так давно ушла из жизни тетя Зина, мама Юры и Джаная, памятник еще не был сооружен, и кто-то подсказал сыновьям, что посмотреть оригинальные надгробья можно именно там.

Несмотря на сырой холодный ветер, продувавший в тот день столицу, перед входом на кладбище было много людей. Кто-то по специальным пропускам проходил к могилам своих близких, были и официальные делегации. И постоянно подъезжали автобусы Интуриста с иностранцами. Свободный вход на территорию кладбища был закрыт.

Никакие доводы и уговоры на милицейскую охрану не действовали. Не помогали и различные подмигивания и намеки на некую особую форму благодарности. Наконец милиционерам надоело наше назойливое присутствие, и один из них вызвал по рации начальника.

Из караульного помещения к нам вышел офицер огромного роста, борцовской комплекции, в погонах капитана. Но тяжелая походка совсем не вязалась с красивым мужественным лицом и добрыми голубыми глазами.

Капитан очень внимательно нас выслушал и объяснил уважительно и доброжелательно, что у кладбища особый статус, особый уровень контроля посещения и что, к сожалению, у него нет ни малейшей возможности сделать нам исключение и пропустить внутрь.

— Вот если бы здесь покоился кто-то из ваших родственников, тогда другое дело, а так — не могу, — подытожил свою мысль капитан.

Я вдруг вспомнил, что на Новодевичьем похоронен отец моего близкого друга. Но не успел я произнести его фамилию, как меня опередил Джанай.

— Так у нас есть такой родственник. Он, правда, очень дальний, седьмая вода на киселе, но, знаете, мы, абхазы, не делим родню на близких и дальних, для нас все они родные.

— Так чего вы молчали? — удивился капитан. И, окликнув своего коллегу, стоящего у ворот, бросил тому: — Пропусти эту группу.

Мы были уже на территории кладбища, когда капитан крикнул нам вдогонку:

— А как все же фамилия вашего родственника?

Джанай, конечно, и не думал изменять своим привычкам. Он и тут оказался расторопнее меня.

— Да вряд ли вы ее знаете, — ответил он офицеру, — родственник наш мало кому известен, да и на кладбище он попал случайно. Никчемный такой был мужичишка, пустое место. Никиткой его звали. А фамилия — Хрущев!!!

У капитана не только глаза, но и душа оказалась доброй. Стиснув зубы и, видимо, сжав в кулак эмоции, он поманил Джаная рукой, приблизил лицо и прошептал на ухо, что у нас ровно одна минута, то есть шестьдесят секунд, на то, чтобы исчезнуть, испариться, раствориться в сыром вечернем воздухе, ну и так далее...

Благо такси ждало нас. Шестидесяти секунд оказалось вполне достаточно, чтобы разместиться всей компанией в авто и уехать прочь от Новодевичьего кладбища.

*

Давно нет в живых дяди Спиридона и теушки Зины. Ушли вслед за ними в другую реальность и Джанай с Юрой.

Но гены — штука упрямая. И в многочисленном потомстве Спиридона Делба ткуарчальского, в характерах и поступках таких разных его внуков, правнуков и праправнуков так же отчетливо прослеживаются доброжелательность и мужество, шумливость и юмор, рассудительность и гостеприимство, так свойственные их предку!

Тишины шелестящий шепот

Кто что б ни говорил, но время представляется мне субстанцией нематериальной, непредсказуемой и коварной. А потому легко, бесконтрольно утекающей сквозь пальцы. И говорить о быстром течении времени можно очень простыми словами, констатируя факт.

Но нет, пишущему ведь нужны выражения образные, метафоричные. И пытается он в очередной раз создать некие, порой сложные, словесные конструкции.

«Свистят они, как пули у виска, мгновения, мгновения...»

Если на память приходят только чужие, уже сказанные или пропеты кем-то слова, значит, пришла пора прекратить, хотя бы на время, экскурсии в собственное прошлое и дать отдых уставшей подкорке, да и печатной машинке тоже.

«Дни пройдут как часы, лягут синие рельсы от Москвы до...»

И эти слова из другой уже песни тоже, конечно, метафора.

Не бывает синих, голубых или, к примеру, фиолетовых рельсов. Как не бывает золотых небес или звезд, вырезанных из льда. Но есть моменты в жизни каждого человека, когда необъяснимое состояние души окрашивает все, что нас окружает, все, что представляет для нас интерес, в те самые невысказанно красивые, сказочные, радужные оттенки и золотого, и синего, и фиолетового, и многих, многих других цветов.

Рельсы, о которых сейчас веду речь я, были полностью ржавыми. Характерного коричневатого-терракотового цвета. Цвета коррозии. Уложенные, как ни странно, на современные железобетонные шпалы. Как будто кто-то построил дорогу, а потом решил не пользоваться ею. Но сквозь мелкий гравий, засыпанный между шпалами, упорно прорывались вверх к солнцу ростки неведомой мне травы или кустарника.

Неожиданная зелень на фоне ржавых коричневых рельсов и серых шпал означала, что поезд по этим рельсам уже не ходили. Проложенные с запада на восток или с востока на запад, сегодня эти рельсы вели в никуда.

Этот зрительный образ запустения и безысходности наряду с зеленой тишиной, царившей вокруг, мог бы стать началом рождения целой

философии, лежащей в диапазоне ностальгии, скорби, грусти и печали.

Тишина была бы почти полной, если бы не шелестящий шепот листвы деревьев, высаженных вдоль железной дороги.

Сразу же за рельсами, на пригорке, в тени таких же неустанно перешептывающихся друг с другом деревьев, лежит крохотное родовое кладбище адзюбжинской ветви рода Делба.

И именно здесь, если продолжать применять метафоры, был приспущен с грот-мачты фрегата Судьбы «Веселый Роджер», флаг мечтателей, авантюристов, искателей приключений. Флаг рожденных под знаком Стрельца. Флаг моего брата Хозе.

На самом деле этот фрегат под веселым флагом вечной вольницы давно был пришвартован к причалу в каком-то заливе с более или менее спокойной водой.

Там, наверху, где составляют программы пребывания людей на Земле, провели жирную горизонтальную линию по судьбе моего брата. И линия эта разделила его жизнь почти посередине.

Человек, которому судьба определила в юности и молодости странную, казалось бы, участь: обладать обостренным чувством справедливости, потребностью защищать слабых, невзирая ни на какие опасности, и постоянно страдать за это.

И первый свой срок, и второй он получил как раз за то, что не раздумывая бросался в эпицентр любой «заварушки», дабы защитить своих друзей.

Я не биограф моего брата, и вряд ли представляет для кого-то, кроме самых близких людей, интерес обыденная, в общем-то, жизнь среднестатистического мужчины средних лет, лежащая за той самой линией.

Сухие, почти анкетные сведения. Женился, работал, жил в Сухуме. Начиная с пустого листа, снова работал, на этот раз в Москве. Умер 26 января 2005 года. И это правда.

Но тогда «за кадром» останется многое. Постоянная забота о благополучии семьи, ставшей единственным смыслом жизни, трогательная, нежная любовь к дочери Мадине, искренняя внимательность к близким и друзьям, готовность всегда быть рядом и в радости и в печали, в решении сложных и неординарных задач. Мечты дождаться внуков и восстановить Родительский Очаг, дом в Сухуме, так и оставшиеся мечтами.

Ну и многое другое, что дает возможность знавшим его людям вспоминать моего брата Хозе, или просто Михайловича, как его часто называли, с почтением, теплом, восхищением.

Я надеюсь, душа его в конце концов обрела покой. Он сам хотел, чтобы его последним

пристанищем стало наше родовое кладбище в Адзюбже. Чтобы рядом были самые близкие и любимые люди, ушедшие в другую реальность ранее. И чтобы никогда не смолкал над этим зеленым кусочком родной земли ласковый, шелестящий шепот тишины.

*

Мария, внучка Хозе, родилась спустя почти два года после его ухода. В ней, безусловно, прослеживаются черты характера деда. Надеюсь, что там, где находится его душа, в ином измерении, есть возможность видеть Марию и радоваться.

Мария и моя любимая внучка!

И еще. В очень зрелом возрасте мой старший брат Хозе стал писать стихи.

Стихи Хозе

*

Стальные рельсы — нить судьбы,
Как миг, как даль, как бесконечность,
Мой проводник меж вех борьбы
Туда, туда, в седую Вечность.

Познал я жизнь, любовь и зло,
Печаль и грусть, куда уж глубже.
Вот мой причал, мне повезло,
И нить закончилась в Адзюбже.

Базальт мерцающий, венец,
Как память той былой отваги,
Приспущен «Роджер», стерт вконец
Эфес привычный верной шпаги.

*

Растревожил ты душу мою
Запредельной своей фантазией,
Об азалях я пою,
Песнь пришла как-нибудь с оказией.

Поутру первым делом, проснувшись,
Я к окошку спешу, трепеща,
И, к азалям прикоснувшись,
Начинаю творить не спеша.

Как прекрасно азалий цветенье,
Восхваляю их благодать!
Воспитаю в себе терпенье,
Чтоб достойным азалям стать!

*

Честь с ложью редко совместимы,
Ужиться им предельно сложно.
Раз исключенья допустимы,
Ложь во Спасение — возможна.

Мудрец не лжет лишь потому,
Что правды всей и сам не знает,
Он скорби вещей никому,
Страшась бесчестья, не желает.

Лишь Бог с великой простотой
Земным несхожестям внимает
И чудотворной теплотой
Юдоль и небо примиряет.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
Воспоминания наши	5
АМРА, ГАЛЕОН ЮНОСТИ МОЕЙ...	19
Мой старший брат Хозе, рожденный под знаком Стрельца	137

Владимир Делба

АМРА, ГАЛЕОН ЮНОСТИ МОЕЙ...

Издательский дом «ПоРог»

Генеральный директор

Ирина Толмачёва

Художник *А. Воуба*

Корректоры *Е. Туманова, И. Яковенко*

Верстка *Е. Коломенская*

Подписано в печать 06.08.13 г.

Формат 70х90/32. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «Petesburg».

Уч.-изд. л. 7,7. Усл. печ. л. 10,16.

Тираж 1000 экз. Заказ № .